

Annotation

Если ваша бабушка тайно отбыла на Багамы с бухгалтером семейной фирмы, пришло бы вам в голову, что это событие перевернет всю вашу жизнь? Кейла отправилась на солнечные острова ради бабушки, а нашла свою любовь.

- [Уэверли Шеннон](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Уэверли Шеннон
Свидетели на свадьбе

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кейла помнила Мэта Рида красивым, самоуверенным молодым человеком тогда ему был двадцать один год — и теперь ожидала встретить красивого, самоуверенного, но уже тридцатилетнего мужчину. Вот он вышел из офиса, улыбнулся клиенту, тот что-то оживленно говорит... Нет, в жизни не узнала бы джентльмена, который стоит сейчас перед ней, хоть тысячу лет вглядывайся!

Тут же ей пришло в голову, что фотография Мэта в журнале «Бостонец» слабо отражает реальность. В прошлом году ей попала в местном журнале (а она продолжала его выписывать, несмотря на все свои переезды в последние пять лет) статья о Мэте Риде. Он оказался победителем в конкурсе журнала на звание лучшего бакалавра года. Учитывались три основных критерия: внешность, индивидуальность, а главное — достижения в своей области. Нельзя сказать, что на снимке он выглядел не столь великолепным, как в жизни, но только теперь до Кейлы окончательно дошел смысл ловкого журналистского оборота: «Увидите Мэта Рида — берегитесь, не потеряйте дара речи!»

Сердце ее забило не от потрясающего вида Мэта Рида — слава Богу, она уже практически помолвлена. Просто внезапно осознала всю серьезность своей миссии, а также и тот несомненный факт, что Мэт Рид не из тех, с кем легко справиться.

Мэт попрощался с клиентом и положил папку на секретарский столик, отделанный полированным гранитом и похожий, скорее, на авангардистскую скульптуру. Кейла с самого начала обратила внимание на декор в бухгалтерской и финансовой фирме «Рид энд ассошиэйтс», принадлежащей Мэту, — сугубо современный, броский, продуман до мелочей. Любой клиент, едва попав в эту обстановку, сразу почувствует себя преуспевающим.

Прослушав сообщения на автоответчике, хозяин кабинета вдруг заметил посетительницу.

Она сидела рядом с электронными часами, стилизованными под старину (последняя новинка фирмы Брейтонов), слева от компьютера, фиксирующего индекс Доу — Джонса (показатель уровня деловой активности). Пока Кейла и Мэт разглядывали друг друга, часы отбили полчаса: двенадцать тридцать.

— Мисс Брейтон? — произнес он одновременно с боем часов.

Тон нейтрально-вежливый — так обращаются к незнакомым. Что же он, не узнал ее? Судя по несколько удивленному взгляду, каким он ее изучает, так и есть. Только ей самой непонятно, что она по этому поводу испытывает досаду или облегчение. Кейла поднялась, прихватив сумочку и украдкой взглянув на свое отражение в стеклянной дверце часов. Много в таком «зеркале» не увидишь: светлые волосы, собранные в низкий «французский пучок», в порядке, но вид, кажется, взволнованный — вот и все.

Стараясь скрыть тревогу, затаившуюся в глазах, она последовала за ним в кабинет, машинально обратив внимание, что Мэт за эти годы стал выше ростом — теперь он очень высокий и возмужал. Элегантные линии безукоризненной пары от Армани отлично подчеркивают достоинства его прекрасной фигуры широкие плечи, узкие бедра, длинные, сильные ноги.

— Прощу вас, — Рид любезно указал ей на удобное кожаное кресло и, обойдя свой массивный рабочий стол, подождал, пока она сядет.

Вид отсюда открывался захватывающий — деловой район Бостона, весь из стекла и металла, блестел и переливался под яркими, холодными лучами февральского солнца, — и Кейла, засмотревшись, угодила на ручку кресла и чуть не упала. К счастью, вовремя сориентировалась и спокойно села, произвольным жестом поправив складки узкой в бедрах

юбки простого, изящного костюма — для деловых визитов она признавала одежду только фирмы «Шанель».

— Если вы не Кейла Брейтон, так кто же вы? — раздался глубокий, звучный голос. Откинувшись на спинку стула, Мэт с новым интересом устремил на нее свой завораживающий взор.

«Так, он помнит меня!» — молнией сверкнуло в голове у Кейлы, и ей сразу стало легче.

Слабое подобие улыбки тронуло его губы, он добавил:

— Еле узнал вас.

Кейла непринужденно положила руку на ремешок сумочки. Теперь-то она не та неловкая шестнадцатилетняя девчонка, которую он сопровождал на школьный рождественский бал десять лет назад. Но, трезво себя оценивая (она далеко не красавица, хотя никаких комплексов по поводу своей внешности давно не испытывает), истолковала его слова лишь в том смысле, что просто изменилась. Вполне естественно — столько лет прошло.

— Когда же это было? — вспоминал Мэт.

Она сдвинула брови, будто тоже забыла, и подсказала:

— Девять лет назад? Или десять?

Он слегка присвистнул, не отрывая от нее глаз.

— И как же вы поживаете, Кейла?

Она тоже старалась не отводить взгляда, держаться по-деловому бесстрастно.

— Прекрасно. Очень занята. А вы? — отрывисто отозвалась она, одновременно вбирая в себя мельчайшие подробности его внешности.

Волосы темного, почти черного цвета, попрежнему густые, непокорные, укрощенные великолепной стрижкой — так может работать только очень дорогой мастер. Лицо утратило мальчишескую неопределенность, приобрело твердость во всех характерных чертах: высокий лоб, красиво изогнутые брови, худые щеки, прямой нос, резко очерченный подбородок; рот стал четче и выразительнее. А эти серые глаза — немигающие, словно видящие тебя насквозь...

От их взгляда Кейле сразу же стало не по себе.

— Прекрасно. Очень занят. — В голосе его звучала едва уловимая веселость — он поддразнил Кейлу, в точности повторив ее слова и интонацию.

Однако она уловила и явную настороженность. Откуда-то доносилась тихая музыка («Бах, что-то из фуг», — машинально отметила Кейла) — казалось, именно такая, с величавым покоем и дивной размеренностью, призвана была создавать здесь ауру надежности и точного расчета.

Мэт смотрел на нее молча, выжидающе, пока она не сказала:

— Не удивлюсь, если вы удивлены моим появлением. — Кейла намеренно употребила одно и то же слово.

— Да, мне любопытно, — опять-таки в тон ей спокойно ответил он. — Но с учетом недавних событий, связанных с моим отцом и вашей бабушкой, могу предположить: вы здесь не для того, чтобы стать моим клиентом. Я прав?

Вопрос не нуждается в ответе. Кейла мысленно вернулась к телефонному звонку отца — два дня назад он сообщил ей о возникшей ситуации. Это было в среду вечером. Она пришла с работы смертельно уставшая и меньше всего нуждалась в такой вот новости: ее бабушка отбыла в неизвестном направлении вместе с семейным бухгалтером Филипом Ридом — попро сту говоря, бежала. По словам отца, Рут и Филипу удалось незаметно сделать все необходимые для отъезда приготовления, уложить вещи и выскользнуть из дома, так что никто ничего не заподозрил и не помешал им.

Когда Кейла осведомилась, куда же они укатили, ответ отца совсем сбил ее с толку. Ее дорогая бабуся — на Багамах... Немыслимо! Рут Брейтон никогда не любила пляжей и была

весьма далека от поездок в отпуск. Ей как-никак семьдесят один год, и прошлым летом она перенесла инфаркт. С тех пор специальная диета и особый режим сна и физических нагрузок.

Вся ее жизнь неразрывно связана с Бостоном — врачи, семья, все друзья и знакомые. Багамы ей нужны как прошлогодний снег.

Но самое скверное — Рут не пожелала проинформировать семью, где именно она находится. А на этих самых Багамах островов не счесть...

Не без усилий Кейла вернулась в настоящее.

— Очень сожалею, что вторглась к вам с семейными делами, — с профессиональной вежливостью проговорила она. — Но мне хотелось поговорить как можно скорее.

Мэт, будто не слыша ее извинений, нажал на кнопку селекторной связи:

— Сара, выясните, пожалуйста, что там у нас на ланч.

Тихий голос секретаря сообщил:

— Ланч уже привезли на этаж.

— Вот и отлично. — Рид с готовностью распрямился на стуле. — Надеюсь, вы не возражаете — мы объединим нашу встречу с ланчем.

Сегодня у меня только это время свободно.

Ваш звонок — для меня неожиданность.

Возражает она или нет, а дверь уже распахнулась и официантка направила тележку с едой прямо к столу для переговоров.

— Вы присоединитесь ко мне? — Мэт встал.

— Нет, спасибо, я поздно завтракала.

Завтрак был не поздний, а обычный, но с тех пор, как позвонил отец, у нее пропал аппетит.

Ллойд Брейтон попросил дочь прилететь домой и на вопрос «когда?» ответил: «Как можно скорее. Хорошо бы — завтра». Расстояния между Чикаго и Бостоном для него, кажется, не существует, как и того очевидного факта, что Кейла — человек по горло занятый. Ей непросто в одночасье бросить работу и уехать.

Но ведь речь идет о любимой бабушке... И она вылетела первым утренним рейсом, размышляя, чем может помочь.

— Должен признаться, Кейла, что нахожу ваш визит сюда... занятным. Рид уселся напротив нее и с явным удовольствием поднял крышку с блюда. После встречи с вашим отцом и братом я, разумеется, ждал их дальнейших действий. Но не рассчитывал, что они пришлют самого младшего члена семьи.

Нахлынувшая волна негодования не помешала ей сохранить верный тон спорить бесполезно.

— Я только вчера прилетела.

— Да-да, ваша бабушка упоминала, что вы не живете на Западе.

— Уже пять лет я живу в Чикаго, — уточнила она.

— Хмм... Вот почему я не встречал вас здесь.

«Можно подумать, ты только и делал, что искал меня», — с неприязнью подумала Кейла.

Тот злосчастный вечер, когда Мэта, в общем-то, вынудили ее сопровождать, пожалуй, нижняя точка в его карьере сердцеда. Непонятно, почему брат счел, что этот факт дает ей какие-то преимущества.

Мэт вопросительно посмотрел на нее.

— Так вы уверены, что не хотите есть?

Еда выглядит весьма аппетитно: несколько блюд с тушеными овощами, тонкие ломтики индюшки, макароны, приправленные специями из трав, а также круглые пшеничные булочки и свежие фрукты. В центре столика — бутылки с минеральной водой и разными соками. Кейла

взглянула на часы: пора поесть; к тому же такое совмещение экономит время.

Очевидно, Рид тоже образец организованности: офис нашпигован несметным количеством электронных чудес. Через полуоткрытую дверь смежной комнаты видна внушительная коллекция оборудования, соединенного с дополнительными телефонами, телевизорами, видеосистемами. На большом рабочем столе разложены коробки с кассетами, папки и все такое.

Вздыхнув, Кейла сдалась — положила себе на тарелку немного овощей.

— Итак, почему вы здесь? Вы еще не сказали мне, — отметил Мэт, наполняя свою тарелку. — Появились новости, о которых я не знаю?

— Ох... нет. Ничего нового. Дело в том, Мэт, что я очень беспокоюсь о бабушке. Мы все встревожены. А приехала я сюда, чтобы сообщить вам, что с ней не все в порядке. Не уверена, что вы в полной мере осознаете, насколько серьезно ее состояние.

Кейла применила подход, подсказанный отцом и Гордоном, — никаких угроз, лишь беспокойство о здоровье Рут и любовь к ней.

— И насколько же оно серьезно? — Он взял из корзинки булочку и посмотрел на Кейлу; в его серых глазах сверкал вызов.

Она налила стакан воды, отпила и с трудом проглотила.

— Видите ли, причины, которые привели ее прошлым летом к инфаркту, не исчезли. Без пристального наблюдения врачей, которые ее хорошо знают, в любой момент может случиться следующий инфаркт.

— В самом деле? — Его темная бровь приподнялась.

Кейла моментально почувствовала себя студенткой, убоившейся собственного голоса, и все же, по привычке решительно подняв голову, уверенно подтвердила свои слова. Но добилась лишь того, что выразительная бровь поползла еще выше. Черт побери, почему она не подготовилась к этой встрече более основательно? Ей бы позвонить бабушкиному терапевту и, прежде чем предстать пред огненным взором Мэта, вооружиться фактами и цифрами.

— И чего же вы хотите от меня? — холодно подвел он итог.

Такое безразличие задело Кейлу, но ей удалось выдавить подобие улыбки.

— Думаю, вы знаете, где она находится. Рут звонила моему отцу на прошлой неделе, заверила, что с ней все в порядке, а в случае крайней необходимости мы можем позвонить вам и передать для нее сообщение.

На самом-то деле их семья подозревала, что Мэт не только осведомлен, где сейчас Рут, но именно он всецело руководил побегом, заказывал билеты на самолет и устраивал все остальное.

— Да, это правда. Вы хотите ей что-то передать?

— Нет, не только. Еще — попросить вас о любезности: не дадите ли мне ее адрес?

Не задумываясь ни секунды, Мэт выпалил:

— Не могу.

Ногти ее больно впились в ладони рук, сжатых под столом.

— Тогда, может быть, номер телефона? Этого достаточно.

— Зачем?

— Я... я хотела бы поговорить с ней, убедиться, что все и правда в порядке.

— Если вы так беспокоитесь о ее здоровье, то, безусловно, захотите большего, не только поговорить по телефону.

— Нет, поверьте мне, это все.

— Тогда почему вы прежде всего попросили адрес?

Просчет! Она разозлилась и на него, и на себя.

— Вы правы, абсолютно правы. Я хотела ее навестить, лично удостовериться. — В конце концов, честность — лучшая политика, это общеизвестно. — Надеюсь, мне удастся убедить ее

вернуться в Бостон. — Ну вот, все карты раскрыла... или почти все...

В ответ он так долго и пристально ее разглядывал, что она смутилась.

— Вы уверены, что ее здоровье — единственное, что вас тревожит? — В вопросе прозвучала нескрываемая насмешка.

Кейла уловила это, и глаза ее широко раскрылись.

— Простите?..

— Рут — здоровая женщина, — уже спокойно констатировал Мэт.

— Уж не думаете ли вы... Ее деньги меня абсолютно не интересуют.

— Как забавно.

Опять этот циничный тон. Надо найти способ защититься от его враждебного настроения, убедить его.

Мэт нетерпеливо взглянул на часы.

— Кейла, я предлагаю на этом расстаться. В час у меня назначена встреча.

Она задохнулась от возмущения.

— Как это понимать? Я действительно беспокоюсь о ней и... и о ее психическом здоровье.

Кейла судорожно сглотнула, внезапная боль пронзила ее. Ухудшение умственных способностей Рут как раз и волновало Кейлу больше всего, именно это и заставило ее прибыть сюда.

Отец тоже подозревал, что Рут... ну, вроде вступила в первоначальную стадию маразма, что ли.

Ее бабушка, самая выдающаяся деловая женщина, какую Кейла когда-либо знала! Она всегда была такой, на протяжении почти всей своей семейной жизни с Брейтоном, еще задолго до того, как двенадцать лет назад, после смерти мужа, взяла бразды правления в свои руки.

Кроме того, как-то так получилось, что для Кейлы она и самый близкий человек — вроде матери.

Знала бы вовремя, так поехала бы домой на Рождество. Гордон заявил, что у Рут тогда уже появились странности в поведении. Будь она с бабушкой поговорили бы, и, быть может, все дальнейшее удалось бы предотвратить. Но в ее магазине так не хватало рабочих рук, один за другим все болели — и Кейла осталась в Чикаго. Ко всему прочему Фрэнк попросил ее провести каникулы в его семье, и она согласилась, потому что отношения их подошли к той черте, когда они уже обсуждали возможность брака.

— Объясните, — глаза Мэта сузились, — что именно вы имеете в виду, когда беспокоитесь о ее психическом здоровье.

Кейла разом проглотила все овощи, набранные в рот.

— Попробую... В последнее время казалось — она немного не в себе. Стала забывчивой, рассеянной. Ну, например, вот недавно: встретила на улице с соседкой — и прошла мимо, не поздоровавшись. И еще много других случаев, когда ее поведение можно назвать... не вполне адекватным. Ах да, еще: что подумать, если человек улыбается, когда ничего смешного и нет?

Мэт Рид помрачнел еще больше, а Кейла припоминала:

— Как-то Гордон, когда был у нее, видел, как грузовик Армии спасения увозил большую часть вещей из ее гардероба. В другой раз брат оказался у нее в тот момент, когда она вернулась из салона красоты.

— Что же она такое там совершила?

— Подстриглась и сделала перманент. — Кейла тщетно силилась представить элегантную, аристократичную Рут, много лет носившую гладкий, блестящий шиньон, в мелких завитках. — А еще через две недели перекарасилась, совсем печально добавила она. — В блондинку.

— Кейла, для женщины нет ничего необычного в том, чтобы завить и покрасить волосы.

— Вообще-то конечно. Но это абсолютно нехарактерно для Рут Брейтон. А ее гардероб? Бабушка всегда покупала только классическую одежду, не подверженную изменениям моды. — Она помолчала. — А по-настоящему нас расстроило, — теперь Кейла цитировала отца, — открытие, что однажды вечером она отправилась куда-то с вашим отцом. На свидание. Бога ради, подумайте только!

Вилка в руке Мэта замерла на полдороге ко рту, он медленно опустил ее.

— А что тут дурного, если двое немолодых людей иной раз выйдут вместе пообедать? Вы боитесь, что ваша бабушка, с ее пошатнувшимися умственными способностями, может быть обманута? И кто же больше всего способен на это, как не человек, который изнутри знает состояние ее финансов?

— Н-не совсем так. Я...

— Не юлите, Кейла. Все это я уже слышал от вашего отца и брата. Вы вообразили, что мой отец каким-то образом обманывает Рут, сладкими речами заставляя оплачивать отдых. А может, уже подбирается и к ее акциям или другим сбережениям.

Нет, она так не думала. Что истинно ужасало отца и брата, а теперь и ее, так это опасение, что Филип Рид замыслил забрать в руки все дело Брейтонов. Очень просто: он женится на Рут и переживет ее, поскольку он значительно моложе. Впоследствии, будучи вдовцом, унаследует ее должность председателя правления, что в соответствии с уставом корпорации практически сделает его владельцем компании.

С такой же легкостью Филип унаследует и остальное состояние Рут — если учесть, какое количество юридических документов он может побудить ее изменить в свою пользу. Это касается прежде всего большого старинного особняка в Ньютоне — Кейла очень его любила, — бесценного антиквариата, картин, страховых полисов, ценных бумаг, да мало ли чего еще...

Мысль об утрате семейного имущества, конечно, потрясла Ллойда, но куда меньше, чем панический страх потерять контроль над компанией. Как можно, чтобы она попала в лапы постороннего?! Он сам говорил вчера — ведь никогда и вопроса не возникало, кто станет преемником матери, когда она отойдет от дел: Ллойд крутится на заводе с двенадцати лет. А каково теперь Гордону, и думать не хочется.

— Что ж, допускаю, — уступила Кейла. — О ее средствах я беспокоюсь, конечно, но лишь постольку, поскольку это связано с состоянием ее здоровья. Почему бы вам не взглянуть на проблему с нашей стороны? Мы любим Рут, встревожены ее болезнью. Почему вы не хотите помочь нам?

Мэт потряс головой, язвительно смеясь.

— Странные вы люди. Почему-то возомнили, что я должен помогать вам. И это после того, как вы обвинили моего отца в преднамеренном надувательстве старинного друга и клиента? А меня — в сговоре с ним? Уже за одно такое подозрение мне следовало бы вышвырнуть вас, не задумываясь о том ущербе, который это нанесло бы моей репутации, стань известным хоть одно слово из ваших обвинений.

Кажется, он по-настоящему зол не только на ее отца и брата, но и на нее тоже.

— Простите, ни у кого и в мыслях нет... наносить вам удар. Встань вы на наше место — поняли бы наши опасения.

— О, я вас прекрасно понимаю. Вы, Брейтоны, просто помешаны на своих деньгах.

Эх, бросить бы прямо ему в лицо: дело не только в деньгах! А в самой компании — в 1800-х годах их прапрапрадедушка создавал ее в тяжелой борьбе; дело в заводе, живом и действующем, в запахе дерева и лака, в шуме машин; в особом понимании принципов работы часового механизма, знании дизайна часов, в качестве часов, поддерживаемом на протяжении столетий, и гордости за них! А для нее лично — еще и в тех магазинах розничной продажи

часов, которые она сама открыла!

— Тогда как же вы объясните их побег? Они знают друг друга тридцать пять лет. И вы предлагаете нам поверить, что ваш отец неожиданно сражен неотразимым очарованием бабушки?

Уфф! Самое время нашли! А что вы скажете по поводу тайных планов вашего отца? Если его намерения столь благородны, почему же они скрылись, не сказав никому ни слова, а? Нет уж, боюсь, мою бабушку умышленно и с недобрый намерением уговорили пойти по пути наименьшего сопротивления, и...

— Мисс Брейтон! — ледяным голосом остановил ее Мэт. — А не приходило вам в голову, что одураченной стороной может оказаться вовсе не ваша бабушка?

Кейла запнулась на полуслове — и отпрянула в ужасе, возмущенная, когда до нее дошел смысл его слов.

— Это абсурд!

— Отчего же? Потому что мой отец не так богат, как Рут? — Холодный зимний свет подчеркивал непреклонное выражение его лица. — У него денег гораздо больше, чем вы, Брейтоны, очевидно, думаете. — Мэт Рид, тяжело вздохнув, уставился в пространство перед собой. — Порой, Кейла, из всех существующих видов надувательства финансовое лишь самое безобидное. — Он отодвинул тарелку с едой, не съев и половины.

Кейла вглядывалась в него с недоумением.

— Мне трудно взять в толк, о чем вы. Но если, по-вашему, моя бабушка обвела вокруг пальца вашего отца, почему вы помогли им бежать?

— Да потому, что мне нравится Рут, черт побери, и она нуждалась... — Он оборвал себя на полуслове, с досады и злости запустив руку в волосы.

Вот так так! Интересно, дошло до него, что он себя выдал — признал свое участие в их побеге? Кейла хмуро смотрела на него, сидя напротив за столом. Вчера, в разговоре с отцом и Гордоном, она выражала сомнение по поводу их домыслов. Утверждения отца, в сущности, голословны. Ллойд рассуждал просто: Филип женится на Рут, унаследует после смерти состояние жены, а в будущем наследство, естественно, перейдет от отца к сыну — к Мэту. Возможно, Ллойд и прав и Мэт Рид в самом деле разрабатывал план действий вместе с отцом...

Но почему, собственно, ее-то так сильно задевает эта мысль?

— Так вы дадите мне номер ее телефона? — предприняла она очередную попытку.

— Нет! — выстрелил он в ответ.

— Почему же — нет?

— Потому что не хочу.

Она невольно улыбнулась.

— Не хотите. — И, взяв сумочку, поднялась. — Что ж, поступайте как знаете.

Когда Кейла уже взялась за ручку двери, голос Мэта остановил ее:

— Подождите, не уходите.

Она молчала, с трудом сдерживая улыбку удовлетворения. Это отец и Гордон настояли, чтобы она прежде всего встретила с Мэтом Ридом — самый короткий путь поиска Рут. Еще Ллойд предупреждал: не поможет Мэт, так и не стоит к нему подлизываться. Они в любом случае должны найти Рут, и отыщут ее.

Она обернулась: этот упрямец сидит злой как черт и мрачный как туча.

— Что у вас там еще заготовлено?

— Не поняла, простите?

— Вы бы так скоро не сдались, не будь у вас другого плана.

— Вй-Богу, право, если уж ничего нельзя от вас добиться...

— Ваш отец намерен угрожать мне, вменить криминал?

Ей стало нехорошо, но она молчала, и он уточнил:

— Вы понимаете, о чем речь — о моей роли в похищении, моей помощи и содействии.

— Нет, ммм... конечно, нет. А что касается другого плана, тут вы правы. Я пришла сюда, рассчитывая на вас, на ваше доброе участие. Но и без вас мы найдем бабушку. Сами понимаете, мы уже обратились к частному детективу, он уверен, что поиск не займет больше нескольких дней.

Ну и челюсть у Мэта — настоящий гранит, вроде того, что так щедро задействован в декоре его офиса.

Он с любопытством воззрился на нее.

— А если я скажу, что этот умелец только зря потратит время? Рут вне досягаемости.

Теперь она точно так же, оценивая, принялась изучать его: правда это или он просто пугает?

— На вашем месте, мистер Рид, я бы поискала хорошего адвоката. Вы ответите за последствия, если Рут пострадает хоть в каком-нибудь отношении — финансовом, физическом, моральном или любом другом...

Трель телефонного звонка прервала ее предостерегающую речь и заставила разом вскочить обоих. Кейла взглянула на стол Мэта: там телефонный аппарат с трубкой для набора.

Странно — звонок не оттуда... Ага, глаза Мэта остановились на другом аппарате, на столе председателя. Телефон зазвонил в третий раз.

Очевидно, частная линия, никто, кроме Мэта, не ответит. Взгляд его метнулся к Кейле и снова к телефону. Наконец сработал автоответчик глубокий, раскатистый голос Мэта сказал: «Оставьте сообщение. Перезвоню, как только смогу».

Неудобно прослушивать разговор на частной линии... Но только Кейла об этом подумала, как чувство неудобства мгновенно улетучилось: раздался отлично знакомый, с красивыми модуляциями голос: «Мэтью, это папа...» — и голос бабушки: «...и Рут». Не раздумывая, Кейла бросилась к телефону.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Уж как она быстра, но Мэт оказался проворней.

— Да, здравствуй, я здесь, — судорожно произнес он.

Кейла ухватила за его руку и попыталась вырвать трубку.

— Я хочу поговорить со своей бабушкой!

Отвернувшись, Мэт прикрыл ладонью микрофон.

— Что?.. Нет, никого нет. Я слушаю тебя, говори, папа.

— Еще как есть! — завопила Кейла. — Бабушка, это я!

— Минутку, отец. — Мэт прижал трубку к лацкану пиджака. — Вас когда-нибудь вышвыривали из помещения, мисс Брейтон?

— Нет, еще никогда. Ну, что же вы не вызываете охрану?

Зарывав, он поднес трубку к уху.

— Отец? У меня тут небольшая проблема.

Кейла Брейтон здесь и... О, здравствуйте, миссис Брейтон. — Он поморщился. — Да, вы не ослышались. — Состроил гримасу, замолчал и, кипя от негодования, передал ей трубку.

— Бабуля!..

— Кейла, какой потрясающий сюрприз!

— Ба, с тобой все в порядке?

— Ну конечно, детка, в полном порядке. А как ты?

Кейла тщетно пыталась проглотить ком в горле.

— Все хорошо, бабушка. Да, беспокоюсь... и расстроена. Ты так внезапно уехала и... Где ты?

Взгляд Мэта стал угрожающим; он подключил другой аппарат и вмешался в разговор:

— Миссис Брейтон!

— О, вы оба у телефона! Как хорошо! Фил, возьми другую трубку, тогда мы все поговорим.

Тут все заговорили разом, спрашивая кто друг о друге, кто о погоде. Рут немедленно попыталась выяснить:

— Почему вы оказались вместе? Признаюсь, я обрадована, но смущена.

Мэт саркастически засмеялся при слове «обрадована».

— Видите ли, Кейла здесь потому, что... мы тут открыли недавно кое-что, как раз сейчас обсуждали, не объединить ли нам наши усилия.

— В самом деле? В чем же это? Что за загадка?

— Нам обоим хотелось бы прилететь к вам.

Кейла будто получила пулю в лоб — открыла было рот, чтобы возразить, но Мэт молниеносно, но нежно сжал пальцами ее полуоткрывшиеся губы. От эдакого прикосновения она лишилась дара речи. Слышно было, как на другом конце провода в замешательстве перешептываются.

— Вообще-то мы не рассчитывали на приезд гостей, — вежливо предупредил Филип Рид. — Мы здесь на отдыхе.

В трубке опять послышалось перешептывание. Кейла воспользовалась паузой, чтобы закрыть микрофон и прошептать:

— Какого черта... что вы творите, Рид?

Он тоже закрыл микрофон и выдавил в ответ:

— Если вы поедете, так и я тоже. Никакой альтернативы. Ясно?

Кейла поборола ухмылку победителя. Очевидно, бабушка очень даже досягаема и Мэт

понял, что его переиграли.

— Кейла, ты здесь?

— Да, бабушка.

— Ты знаешь, я люблю тебя, дорогая, и согласилась бы со всем, что ты сказала...

— Миссис Брейтон, — решительно прервал Мэт, — истина заключается в том, что ваш сын нанял частного детектива, чтобы вас выследить. Но есть выход, — спокойно резюмировал он. — Позвольте нам с Кейлой приехать к вам.

Кейла вернется с докладом, что с вами все в порядке. Миссис Брейтон, это, возможно, успокоит вашего сына, и вы продолжите свой отдых без дальнейших потрясений.

— «Нам... с Кейлой»? — в подозрительном ужасе едва смогла выговорить Рут.

— Ну да, конечно, — подтвердил Мэт.

— Мэтью!

— Да, отец.

— Ты все еще сохраняешь тайну нашего убежища?

— Конечно. Кейла не узнает, куда мы едем, пока мы не прибудем на место.

О, если б взгляд убивал!.. Остается надежда, что Мэт понял ее намерение.

— Хорошо, сын, приезжайте.

Кейла так изумилась, что даже забыла о своих преступных поползновениях, схватила Мэта за рукав и потрепала дружески — неожиданно для себя самой.

— Дело в том, дорогие... мы тут обсудили... — добавила Рут, — и, знаете, в самом деле рассчитываем на ваш приезд. Только поскорее.

— «Поскорее» — это как, бабушка?

— В воскресенье, самое позднее — в понедельник.

Кейла задохнулась.

— Но я... я не уверена, что...

Мэт оборвал ее:

— Нет проблем. Позвоню вам, как только закажу билеты, — будете в курсе, когда нас ждать.

— Вот и отлично, — одобрил Филип. — И не вздумайте беспокоиться, никаких отелей. У нас тут комнат...

Как только они повесили трубки, Кейла развернулась к Мэту.

— Премного благодарна!

— Пожалуйста, не стоит, а за что?

— Как вы понимаете, у меня есть свои обязательства. Это вы из прихоти можете все сразу бросить, а я...

— «Из прихоти»! Леди, да вы оглянитесь вокруг! — Он издал глубокий гортанный звук, будто подавился. — Кроме того, я осознал: увидеть вашу бабушку — для меня острая необходимость.

Она закусила губу, вконец расстроенная.

— Мне придется позвонить в свой офис и все перенести.

Мэт уже протягивал ей телефон. Да, он от своего не отступит — она сама лишила его этой возможности. В конце концов, ей не на что сетовать — она достигла своей цели: ее пригласили на Багамы, в убежище Рут и Филипа. Но такая неожиданность — ехать туда с Мэтом Ридом!

Они начали подготовку: Мэт звонил личному турагенту по офисной линии, а Кейла — в свой магазин в Чикаго по частной линии Мэта.

Фрэнк ответил на пятый вызов.

К счастью, она всегда путешествует со своим электронным календарем пока Мэт изучал

расписание авиалиний на экране компьютера, Кейла и Фрэнк переносили встречи и меняли планы. Они с Мэтом почти одновременно повесили трубки.

— Ну так как? — Левая бровь Мэта имела обыкновение приподниматься, когда он задавал вопрос.

— Удалось освободить целую неделю.

— Отлично! Билеты на самолет уже заказаны.

Кейла едва доплелась до стола для переговоров, налила воды и проглотила две таблетки аспирина.

— Когда вылет?

— В воскресенье, в одиннадцать. Встречу вас у стойки регистрации Американской авиакомпании. В десять — десять пятнадцать.

— А когда мы возвращаемся?

— Дату вылета я оставил открытой. Да, вам нужен паспорт.

— У меня нет с собой паспорта.

— Тогда регистрационная карточка избирателя. Иммиграционная служба на Багамах принимает ее вместо паспорта. Лучше всего позвонить в администрацию Чикаго и утром получить от них факс.

— Сделаю еще лучше — съезжу в администрацию Бостона. Я там зарегистрирована.

— О, это как же?

Она пожалала плечами, избегая его взгляда.

— Просто пришлось много раз переезжать за последние несколько лет. Голосую по почте. — Она осторожно поставила стакан. — Ну, тогда все улажено.

Зазвонил внутренний телефон:

— Мистер Рид, клиент, назначенный на час, ждет.

— Спасибо, Сара. Через минуту буду.

Неужели только час дня? Кейла тоже привыкла работать в быстром темпе, но чтобы такое сумасшествие!..

— И так, до встречи... в... в Логане. — Она даже слегка заикалась.

— Да-да, мисс Брейтон, до встречи.

Кивнув на прощание, Кейла нетвердой походкой покинула офис. Боже, только вчера она улетела из заснеженного Чикаго, уверенная — до воскресенья, до вечера. А теперь отбывает на неведомые солнечные Багамы, делая вид, что тут нет ничего особенного. Не в самом факте путешествия (хотя и этого хватит), а в том, что Мэт Рид, давняя и трудная любовь ее несчастливых юношеских лет, окажется там вместе с ней.

Ллойд Брейтон подъехал к стоянке, принадлежавшей терминалу аэропорта, но двигатель не выключил.

— Ты позвонишь мне, Кейла? — Интонация скорее приказа, чем просьбы.

Кейла смотрела через ветровое стекло «линкольна» на дорогу, посыпанную песком и дорожной солью, и дрожала, хотя машина прекрасно обогревалась. Температура прошлой ночью резко упала, так что этим утром все было покрыто льдом, даже старый снег, собранный в кучи по сторонам дороги, ведущей в аэропорт Логан.

— Постараюсь, папа. Сделаю все, что смогу.

А если что-то помешает — пожалуйста, не волнуйся.

— Как это — не волнуйся! Разве уже то, что ты с Мэтом Ридом, не повод для волнения? — Его пальцы сжали руль.

— Знаю, тебе не по нутру, что мы едем вместе. Мне тоже. Но у меня нет выбора. А вообще-то у нас с ним, может, больше общего, чем мы думали. Я ведь уже говорила тебе — он тоже

отнюдь не в восторге, что его отец умыкнул нашу Рут на Багамы.

— Я на такое не покупаюсь, и тебе бы не стоило. Мэт отличный манипулятор, Кейла. Об отце беспокоится? Да ерунда! Твоей бабушке средств вполне хватает. Деньги Филипа ей точно не нужны. А едет с тобой Мэт в это путешествие, только чтобы помешать тебе увезти ее домой.

Кейла поджала губы: это и ей приходило на ум.

— Ты уверена, что убедишь ее вернуться?

— Да, папа, вполне. — Она проглотила ком в горле.

— Так. Когда же тебя ждать?

— Надеюсь, в среду.

— Прекрасно. Три дня — вполне достаточно, чтобы воздействовать на Рут. — Ну, я тебя отпускаю.

— Ммм... за тобой какие-то машины...

— Ох, они уже здесь? — Он взглянул в зеркало заднего вида. — Я договорился поехать с Гордоном на ланч.

— Извини, не знала.

— Ничего страшного. Мы ездим на ланч почти каждое воскресенье.

Это пояснение каким-то образом задело ее чувства, подтвердив тот факт, что она отдалилась от отца, а отношения его с сыном становятся все глубже. Ежась от холодного ветра, Кейла вышла из машины, открыла заднюю дверцу, вытащила дорожную сумку и портфель и поставила на дорожку.

— Ну, пока. — Она нагнулась заглянуть в машину — отец все держался за руль.

— Запомни: не позволяй Риду встать между тобой и бабушкой.

— Не позволю.

— Итак, я на тебя надеюсь, Кейла.

Как она ни старалась совладать с собой, у нее перехватило горло. Отчаяние ледяной рукой сдавило сердце, когда он включил скорость. Неожиданно для себя она вдруг выкрикнула:

— Папа, подожди!

«Линкольн» слегка вильнул, Кейла подбежала к дверце со стороны водителя и открыла ее.

— Что ты, Кейла? — Отец искренне удивился.

— Я... я только хотела попрощаться, папа. — И, пока смелость не покинула ее, быстро его обняла.

— Ох! — выдохнул он, слегка похлопав дочь по плечу; было видно, что ему неловко.

— До встречи, папа! — Не дожидаясь ответа, она метнулась к своему багажу и, не оглядываясь, скрылась за стеклянными дверьми терминала.

Мэта увидела сразу: он стоял у стойки оформления билетов, в том месте, где они договорились встретиться два дня назад. Какое-то мгновение она колебалась, настроение ее быстро менялось, переходя от меланхолии к какому-то другому состоянию, которое она предпочла не анализировать. Мой Бог, что за потрясающий мужчина — идеал каждой женщины!

Как только она шагнула к нему и оказалась в поле его зрения — сразу почувствовала, как он охватил ее взглядом с головы до ног, начиная от французского шарфа, с искусной небрежностью завязанного вокруг воротника черного шерстяного пальто, и кончая черными ботинками на высоких каблуках. Спустя мгновение Кейла кожей ощутила: они единственная пара, которая так оделась, направляясь в тропики. Но ведь в Бостоне всего восемнадцать градусов. Выглядят они все же весьма щеголевато, выделяясь среди публики.

— Привет, — поздоровалась она, сдержанно улыбаясь.

Он кивнул, не выразив никаких эмоций.

— Это все, что у вас с собой?

— Да, это все.

— Тогда идемте. Получим посадочные талоны.

Они встали в одну из очередей. Глаза обоих были устремлены в пространство перед собой, оба молчали.

Кейла все еще никак не могла осознать, что она делает. Самое странное мероприятие, в какое ее когда-либо втягивали. Она едва знает Мэта Рида. Не считая этой встречи в офисе — и еще одной, давно забытой в прошлом, — он для нее чужой, незнакомец; да еще, возможно, устроил заговор против ее семьи. И все же она с ним едет.

Однако очередь двигается так медленно... Даже Мэт, очевидно, почувствовал невыносимость молчания. Переступил с ноги на ногу, кашлянул и наконец произнес:

— Теперь уже можно вам сказать, что мы летим в Орlando. У нас прямой рейс. Вы раньше бывали на Багамах?

— Нет, — ответила Кейла.

— Куда ваша семья ездила на отдых, когда вы были маленькой?

— Мы не ездили. Всей семьей не ездили. А вы?

— Бывал ли на Багамах? Нет, мы тоже не ездили, а теперь, — он пожал плечами, — у меня не так много времени.

— Понятно. — Она ослабила шарф и расстегнула пальто, открыв ту же юбку и белую блузку, что была на ней в офисе.

— Надеюсь, вы взяли с собой еще какую-то одежду?

Она бросила на него равнодушный взгляд.

— В магазине вчера побывала. — Внезапно в ее памяти веером вспыхнули красочные летние наряды — как распустившиеся яркие оранжерейные цветы — в отделе одежды для отдыха фирмы «Файлин». Она легко устояла против них, а купила лишь две пары рыжеватокоричневых шорт, две майки, тоже рыжеватую и белую, еще широкую зеленую юбку и пару туфель без каблуков. — Но зачем покупать одежду, которая не нужна?

— Понимаю, вы в любом случае не можете уезжать надолго. — Мэт подтолкнул свою сумку вперед.

Кейла сделала то же, с новой силой переживая абсурдность ситуации: «Что я здесь делаю?»

— Подходите, — сказал Мэт, — мы следующие.

Какое-то время ушло на уточнение посадочных мест, процедуру проверок и поиск нужных ворот для прохода на посадку. Но вот они заняли места в зале ожидания, и Кейла снова почувствовала себя как на иголках. Рев взлетающих самолетов придавал путешествию реальность, которую до этого она не вполне ощущала. По-настоящему она стала нервничать, когда объявили, что их рейс откладывается из-за обледенения самолета.

Какое счастье, что она взяла с собой уйму работы, — есть чем занять себя во время напряженного ожидания. Кейла открыла портфель, вытащила портативный компьютер и инвентарную книгу учета товаров в магазине в Балтиморе. Мэт тоже раскрыл свой портфель, разделенный, как оказалось, на ячейки, а в них изобретательно были вмонтированы миниатюрный компьютер, факс и телефон. Она погрузилась в свои цифры, он-в свои. Время шло; Кейла просматривала колонки на маленьком экране, сознавая, что ровным счетом ничего не воспринимает. Рядом с ней маялся Мэт, тихонько покашливая и барабаня пальцами по бедрам.

И он, оказывается, не читает — серые глаза неподвижно смотрят на взлетную полосу. Задумчивость придает лицу грустное выражение.

Помимо воли взгляд Кейлы остановился на его губах: ведь было — она целовала этот рот,

ощущала его тепло... Странно все-таки: вот двое, которые раньше целовались, теперь, десять лет спустя, сидят рядом в аэропорту и притворяются, что незнакомы...

Кейла уже очень жалела, что решила на эту поездку. В сущности, внутренне она свободна. Но Мэт, оказывается, достаточно сильно ее затрагивает. Стоило ли подвергать себя такому болезненному эксперименту несколько дней быть все время рядом с ним?

Мысли се обратились к себе, к поре своей ранней юности. Три года она провела в Брайвуде, в частной академии для девушек, куда поступить ее убедил отец. А до того — самое обычное детство, рядовая муниципальная школа.

В Брайвуде она никогда не чувствовала себя на своем месте. Академия вовсе не такая уж привилегированная — большинство учащихся местные жители. Тем не менее многие ее однокашницы отличались высокомерием и заносчивостью, сильно заблуждаясь относительно своего положения в обществе. Процветали группировки, существовала болезненная вражда между входившими в них и теми, кто оставался за их пределами. Часть проблемы коренилась в том, что в составе академии были и старшие классы местной школы. Девочки, там учившиеся, образовали свои маленькие кланы еще до того, как перешли на старшие курсы.

«Эта Кейла еще и странноватая какая-то, чудачка...» — так о ней судили. А дело обстояло просто: после смерти дочери бабушка, погрузившись в свое горе, мало уделяла внимания внучке. Одежда и вообще весь внешний вид девушки ничуть не отвечали «современным» воззрениям подростков и молодежи на моду и «стильный» облик.

Оглядываясь на прошлое с высоты взрослости, Кейла подозревала, что даже самая модная и шикарная одежда не спасла бы ее тогда. Она не считала себя хорошенькой — слишком проста, абсолютно обыкновенна. А в шестнадцать лет была попросту жалкой. Выросшая уже в то время до своего теперешнего роста (примерно метр семьдесят), веса, естественно, не набрала — меньше сорока пяти килограммов. Округлостей, притягивающих внимание, не имела, макияжем не пользовалась, а ее светлые волосы до плеч безжизненно висели и секлись от домашней завивки, которую она по глупости делала втайне от Рут. Но наихудшее воспоминание, сохранившееся в глубинах сознания, — скобы на зубах: толстые серебряные пластинки, блестящие, как металлическая решетка у «бьюика» пятьдесят седьмого года, стоило ей открыть рот.

Как она умоляла бабушку не звонить мистеру Риду! Но Рут не послушалась: рождественский бал, ежегодно проводимый в загородном клубе по соседству с академией, — главное событие общественной жизни школы. Друга у Кейлы нет, и потому сопровождать ее на бал некому. А вот сын Филипа все равно проводит каникулы дома, скучает, наверно, отчаянно и будет рад случаю пойти на бал.

Скучает? Это Мэт-то Рид скучает?! Да каждому, кто живет в радиусе двадцати миль, известно: стоит Мэту Риду сесть в машину по окончании семестра — и телефон в его доме слетает с крюка от звонков. Что там Кейла — любой в Брайвуде в курсе всего, что происходит в его жизни. Девочки тут еще не доросли, чтобы возвращаться в его орбите. Но он воспитывался и вырос в том же пригороде Бостона, учился в местной высшей школе, звезда на беговой дорожке, и вообще слышит твердым орешком. Все знают Мэта Рида одного из тех редких индивидуумов, которые находятся в поле всеобщего внимания: о них не просто говорят — о них слагают легенды.

И вот Мэт Рид, так сказала ей бабушка, согласился сопровождать Кейлу на бал. Потрясающе! В следующее же мгновение ей захотелось умереть немедленно заползти под кровать, вместе с пыльными зайцами и куклами, и умереть. Мэт такой взрослый, он слишком хорош, чтобы даже на вечер быть бе кавалером. Но почему он согласился? Ведь Ёдва ее знает: встречались несколько раз, когда она заходила с Рут в офис Филипа. Случалось, что Мэт бывал

там в это время — работал после школы, — но вряд ли обменялся с ней и двумя словами. Может, потому не смог отказаться, что бабушка — самый важный клиент мистера Рида? Принудили-и пришлось со скрипом согласиться...

Она так и знала, что каждое мгновение этой встречи окажется для нее пыткой. Мэт материализовался у ее дверей во всем своем великолепии, а ее только что вырвало — во второй раз за вечер. В машине он вел с ней непринужденную беседу, она же... почти заикалась. Бал проходил в местном клубе: Мэт с легкостью выделял любые танцевальные па, а она только и делала, что все время наступала ему на ноги.

Но, несмотря на все это, он оставался вежливым и внимательным партнером. Однако чуткая девушка уловила в нем некоторое нетерпение, чуть заметное желание: «Ох, поскорее бы все кончилось!», заметила взгляды украдкой на часы, нервное постукивание пальцами, когда разговор замирал.

Кейла сама предложила уехать раньше, до окончания бала, и Мэт не стал возражать. Они покинули танцевальный зал, спустились по нарядной лестнице и обогнули туалет, расположенный позади главного фойе.

Оба одновременно слышали смех из соседнего помещения, а еще комментариев тех, кто не подозревал, что они с Мэтом тут, рядом.

Кейла узнала один голос — лидера самой популярной группировки ее класса. Чувство унижения захлестнуло ее: предмет злословия — она, Кейла Брейтон... Уж конечно, она трясется от страха: все будут говорить, что эту встречу устроила бабуся! Ну, это еще ладно, это само собой, но зато «чудачке» ничто не грозит: бедный Рид даже не попытается поцеловать ее...

Оглушенная, убитая, Кейла вслепую протянула руку за пальто, но пальцы Мэта нежно замкнулись на ее запястье, и твердая решимость прозвучала в голосе:

— Знаете, мы обязательно должны потанцевать еще хоть немного. — И, не дав ей возразить, потащил за собой вверх по лестнице.

И они танцевали, о, как они танцевали!

Больше никогда ничего подобного в своей жизни Кейла не испытывала. Поначалу от пережитого волнения и шока она ничего не чувствовала и была как бревно, но Мэт, крепко прижимая к себе девушку, олицетворял собой героя — живое воплощение ее девических грез. Умная Кейла понимала, разумеется, что все это искусная игра, но противостоять не умела, да и не хотела, наверное, по своей неопытности. Протанцевали два долгих танца, и по окончании каждого он не отпускал ее, будто не в силах от нее оторваться: нежно обнимал, тихонько, с завораживающей интимностью с ней разговаривал. Как только начался третий танец, Кейла заметила: группка сплетниц вошла в зал. Пульс ее участился, напряжение сковало плечи, руки, ноги...

— Расслабься, дорогая! — прошептал он у самых ее волос. — Ты все делаешь просто прекрасно!

От его дыхания она испытала чувство острого наслаждения, но расслабиться никак не получалось. Он капельку отодвинулся от нее и приподнял ее подбородок, так что теперь она поневоле смотрела вверх, в его затуманенные серые глаза, видела его ласковую, успокаивающую улыбку — и, сама того не сознавая, заулыбалась и похорошела... А он... склонил голову и стал ее целовать — осторожно, любовно целовал ее твердые губы, до тех пор пока колени ее не ослабли, а сердце не забилося так, что чуть не выскочило из груди... Наконец он оторвался от нее и прошептал:

— Теперь мы можем уйти.

Ни он, ни она не смотрели в сторону тех, кто о них судачил, но Кейла кожей ощущала: они наблюдают... молчат... цепенеют... Мэт проехал почти полпути до ее дома, прежде чем они

заговорили.

— Мне хотелось бы объяснить. Я... у меня есть девушка... там, в колледже. У нас все довольно серьезно.

У нее перехватило горло — какое же она наивное создание! Ведь и вправду возомнила, что он хоть что-то да испытывал к ней во время танцев.

— Я понимаю, прекрасно... Я... — она задыхалась, — я тоже встречаюсь с одним парнем, но он сейчас поехал со своей семьей в круиз.

— Тогда все отлично. У меня прямо гора с плеч. — Он вырулил на закругленную дорожку перед ее домом, выключил двигатель и повернулся к девушке, глядя прямо ей в лицо. — Кейла, вам многое дано. Вы — умная, веселая, добрая и искренняя девушка. И, поверьте или нет, со временем станете очень хорошенькой...

Не позволяйте никому подавлять вас.

Вместе со словами «со временем», уязвившими ее в самое сердце, он накрыл рукой ее сцепленные руки — самое дружеское прикосновение, какое Кейла когда-либо испытывала. Оно сделало ее несчастной окончательно и бесповоротно!

Кейла смотрела на его улыбку, пытаясь запомнить ее, так как тогда уже знала, что никогда больше его не увидит. И она не видела — пока не встретила с ним два дня назад...

— Кейла!

Ох!.. Подскочив на месте при звуке голоса Мэта, она повернула голову и уставилась на него, с трудом возвращаясь оттуда, из прошлого, в настоящее.

— Где вы, Кейла?

— Вы что-то сказали?

— Да, я спросил, чем вы занимаетесь в Чикаго.

— Послушайте, Мэт, — она колебалась, — мы оба знаем, что это не очень приятное путешествие, а если вполне откровенно — я не очень-то расположена к беседе.

— Согласен. Поверьте, я тоже себя неловко чувствую в нашем совместном путешествии. Я только подумал, что за разговором время прошло бы быстрее. Предпочел бы, конечно, работать, но почему-то не могу сосредоточиться. К тому же наш рейс отложили еще на двадцать минут. Видите?

Кейла взглянула на монитор, показывающий время отправления и прибытия самолетов: их рейс чуть ли не в полдень.

— Хотите перекусить? — Мэт перевел на нее взгляд.

— Да, пожалуй.

Оба подхватили сумки, и он было направился в сторону ресторана, но Кейла остановилась у стойки бара в фойе.

— «Ирландский туман на скалах», пожалуйста, — попросила она бармена.

У Мэта от изумления бровь поползла вверх.

Она оглянулась, — мол, а вы закажете что-нибудь?

— Кофе. Черный.

За маленьким столиком они мирно потягивали напитки и наблюдали за парадом проходящих мимо. Наконец Кейла не вынесла молчания: Мэт прав, им надо убить время. Здесь, в самолете, в аэропорту Орlando, опять в самолете, и так до их тайного места назначения.

— Я... я работаю в нашем филиале. — Она обронила это так неожиданно, что Мэт слишком быстро проглотил горячий кофе.

— О, леди разговаривает!

Она сразу же пожалела, что начала.

— Извините. Продолжайте. Вы работаете на Брейтонов. В магазине розничной торговли?

Она изучающе посмотрела на него из-под длинных ресниц. С таким интересом к компании Брейтонов он, несомненно, знает о ней все до мелочей. Вероятно, даже имеет доступ к финансовым отчетам — ведь его отец ведет бухгалтерские книги.

— Да, в магазинах розничной торговли.

— Хмм... Вы всегда интересовались реализацией часов, но, насколько я припоминаю, надеялись работать на заводе.

Ну и острая же память! Кейла чуть было совсем не лишилась присутствия духа.

— Да, но пристрастия меняются, — уклончиво пояснила она. — Окончив колледж, я убедила отца, чтобы он разрешил мне открыть заводские филиалы. У нас теперь розничные магазины в пяти главных городах страны. Но, конечно, все это для вас не ново.

Улыбка постепенно освещала его лицо, образуя лучики в уголках глаз.

— Вы правы. Рут упоминала об этом, несколько раз.

— Упоминала? Когда?

— Когда приходила ко мне в офис. Она — одна из моих клиентов.

— Одна из ваших?.. — Кейла умолкла в недоумении.

— Мм... Бесшабашная леди. Любит играть с очень рискованными товарами самого высокого класса. Говорит, это придает ей энергии.

— Моя бабушка... играет на фондовой бирже?

— Конечно. А вы не знали?

— Знала только, что у нее довольно скромный пакет ценных бумаг.

— Да, но вы не беспокойтесь, это у нее недавнее увлечение. Я ее подтолкнул к вполне безопасным направлениям капиталовложений.

Итак, Мэт управляет пакетом ценных бумаг Рут и доподлинно знает цену ее активов и долговых обязательств...

— Рут упоминала о ваших магазинах, но вскользь. Я мало знаю о них, но, если откровенно, немного удивлен. Не одно столетие Брейтоны производили часы и продавали оптом, с помощью каталогов и разъезжающих коммивояжеров.

— Да, мы и сейчас так делаем. Но теперь у нас есть и розничные магазины.

— Интересно. — Он попивал кофе. — Нравится вам этим заниматься?

— Конечно. — Она обхватила стакан пальцами и задумчиво смотрела на темно-янтарную жидкость.

— Он вам подходит?

— Кто — он?

— Парень, который подарил это кольцо?

Крошечный сапфир сиял у нее на правой руке.

— Его зовут Фрэнк Шэффер. Долго был одним из наших коммивояжеров на Среднем Западе. А сейчас он... ну, вроде моего помощника.

Собственно, партнер.

— «Партнер», ха... И давно вы его знаете?

— О-о, уже семь лет. С тех пор как он работает на Брейтонов. Но встречаемся мы только последние два года.

— «Только»? По-моему, немалый строк.

— Может быть. Но лучше быть осмотрительной, чем потом жалеть.

— Полностью согласен. — Он явно ее поддразнивал, потягивая кофе. — И скоро вы услышите звон свадебных колоколов?

Она пожала плечами.

— Думаем — в следующем году.

— Не шутите?

— Ничуть! — выпалила она.

Он что же, думает, ей не дано привлечь к себе мужчину и пробудить у него серьезные намерения?

— И после замужества вы будете продолжать работать?

— Конечно. Мы собираемся с ним будущей осенью открыть новые магазины в Сан-Франциско, а еще через год — в Фениксе.

— Все эти переезды трудно совмещать с детьми, если они вдруг появятся.

— Несомненно. Потому и не собираюсь их заводить по крайней мере в ближайшие десять лет. Когда магазины в Фениксе станут на ноги, мы переедем в Техас, а потом, может быть, во Флориду.

Лицо Мэта стало плотной, непроницаемой маской.

— Но вы все же намерены где-то жить постоянно?

— Безусловно. В Чикаго. — «Если мы с Фрэнком поженимся», — подумала она. Все это еще висит в воздухе, но притворяться, что это дело решенное, так приятно — проливает хоть немного бальзама на ее уязвленную гордость.

Мэт откинулся от стола и с сомнением посмотрел на нее, сложив скрещенные руки на широкой груди.

— А отцу вашему он нравится... как там его зовут... Фрэнк?

— Да, очень. Он-то и... предложил нам работать вместе. А как вы, Мэт? Что было в вашей жизни?

Он сделал вид, что счел ее попытку изменить направление беседы естественной.

— Окончил колледж, тоже пошел работать к отцу. Мне удалось расширить сферу его деятельности. Короче, бизнес рос, мы переезжали вместе с офисами, но бизнес рос еще быстрее.

К сожалению, отец несколько лет назад вышел на пенсию. У меня двадцать два работника, но по сравнению с ним...

— Он на пенсии?

— Ммм... Иногда он приходит в офис — вести особые счета, например, такие, как счета вашей бабушки, — пояснил он, поняв ее озадаченность.

— А-а... Так что же еще происходило в вашей жизни? Последнее, что я помню, — вы были без ума от какой-то девушки, с которой вместе учились в колледже. Что же с ней стало?

Ей тоже захотелось слегка его подковырнуть — верно, и не вспомнит ту девчонку.

Лишь много времени спустя до нее дошло, почему в ответ он протянул руку, взял ее стакан и одним глотком выпил то, что в нем осталось.

Ее как громом поразило, когда он, поморщившись, сказал:

— Я на ней женился.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Объявили посадку на их рейс, но Кейла, ошеломленная, едва расслышала.

— Вы... на ней женились?

Его челюсть напряглась.

— Да, женился.

— Но... — В мозгу у нее произошло что-то вроде короткого замыкания, и она оказалась не в силах продолжать.

— Мы разведены, Ксйла. — Он так резко встал, что стул его закачался на двух ножках. — Нам пора на посадку.

Она последовала за ним сквозь толпу в самолет, стора от желания узнать, что же произошло с его браком. Да она, пожалуй что, и знает: просто Мэт Рид человек не семейного плана. Рядом с той фотографией, в «Бостонце», было черным по белому написано, что он увлекается спортивными играми — и столь же старательно избегает серьезных увлечений.

— Извините, не достались нам места в первом классе. — Мэт засовывал сумку в отсек над головой, потом взял у нее сумку и затолкал рядом со своей.

— И пальто тоже?

— Да, пожалуйста.

Пристегнув ремень и настроив кондиционер, она невидящим взором уставилась в иллюминатор. Нервы ее были на пределе. И при самых благоприятных условиях она терпеть не могла летать, а сегодня погода не из лучших. Готовясь к взлету, самолет свернул с одной полосы на другую, и с каждым метром обледеневшего асфальта, по которому он несся, пальцы Кейлы все сильнее сжимали подлокотники. Вот мощно взревел двигатель, момент взлета — Кейла конвульсивно глотнула. Мозг ее лихорадочно заработал, рождая беззвучные, страстные молитвы.

Вдруг она почувствовала — по ее плечам скользит рука... И в то же мгновение неожиданно для себя уткнулась в спасительное тепло свитера Мэта.

— Все в порядке, — бормотал он, слегка покачивая ее голову. — Отсюда все утро взлетали самолеты, и ничего не случилось.

От его слов ей стало лучше. И только когда они набрали высоту около семи тысяч метров, она распрямилась в кресле и, заметив, что юбка сбилась, натянула ее на колени.

— Кто бы мог подумать?!

Ей оставалось гадать, к чему это относится — то ли к ее страху во время взлета, то ли к тому, как она быстро к нему прильнула в поисках опоры.

— У меня много работы. — Она резко нагнулась за портфелем.

Мэт последовал ее примеру. Недавний эпизод почти уничтожил напряженность между ними, и оба усердно и с удовольствием поработали, пока не подали ланч. Когда они ели, локти их то и дело соскальзывали в кресла друг друга.

Наконец Кейла рсшилась-таки задать вопрос, мучивший ее с самого начала, как только они сели в самолет.

— Как звали вашу жену? — Ее передернуло — какой стыд, да ей глубоко наплевать, как ее звали.

— Кэндейс. — Глаза Мэта похолодели.

— Славное имя. — А сама подумала: как все это глупо... — Когда вы женились на ней?

— Летом, сразу после окончания колледжа.

— Наверное, я пропустила сообщение в газете.

— Свадьба была в Линоксе, она родом оттуда.

— А-а... Но после женитьбы вы жили в Бостоне?

— Да.

— Из-за вашего бизнеса?

— И из-за ее тоже: она работает в рекламе.

— Угу... — Взгляд Кейлы остановился на спинке переднего сиденья. Надеюсь, вы не подозреваете меня в праздном любопытстве, но... так хотелось бы узнать... какая допущена ошибка. Может, мне удастся избежать подобной в своей жизни.

Мэт выдохнул с презрительным смехом:

— А такая, мой любознательный друг: Кэндейс была вся в планах, на десятилетие вперед.

Не поняв его сразу, Кейла в смущении приоткрыла рот — и тут вспомнила слова о своем собственном расписании на годы вперед. Так сарказм нацелен на нее...

— О-о-о... — И она устремила взгляд на поднос с едой.

— Простите, не хотел вас задеть. — Мэт запустил пальцы в волосы, вид у него стал расстроенный. — Кэндейс, конечно, была права.

Права во всем, включая наше расставание. Мы оба хотели многого достичь — сделать карьеру.

Для нас было ошибкой связывать себя домом, возможными детьми.

— Но тогда вы ведь так не думали?

— Нет, тогда — нет. В двадцать три мне всего этого хотелось, включая кучу детей. — Он презрительно улыбнулся. — Я был очень молод.

— А теперь?

— Теперь я наслаждаюсь своей свободой и намерен наслаждаться ею как можно дольше, так как главное в моей жизни — работа.

Как вовремя стюардесса — вот умница! — забрав у них подносы, прервала их разговор.

Кейла чувствовала себя ужасно неудобно. Мэт, очевидно, тоже, потому что, как только девушка ушла, сказал:

— Послушайте, Кейла, брак наш оказался коротким, и... ну... я хотел бы как можно скорее это забыть. Договорились? — Взялся за портфель и так углубился в работу, что их будто разделила монолитная каменная стена.

Вот и хорошо, решила Кейла, снова открывая компьютер, но спустя несколько минут почувствовала, что лоб ее упирается в прохладное вибрирующее окно, а мысли витают где-то в облаках. Она начинала осознавать, отчего ей так неудобно путешествовать с Мэтом, почему трудно говорилось с ним в аэропорту, не хотелось идти к нему в офис...

Мэт — убежденный холостяк (его неудавшийся брак лишнее тому свидетельство), хочет получать все удовольствия, положенные мужчине от общества женщины, но не имеет перед ней никаких обязательств. Короче, Кейле нельзя так долго находиться в его обществе, потому что для нее это небезопасно.

Не дай Бог увлечься им по-настоящему — она же и пострадает. Мэт никогда особенно и не воспринимал ее как женщину, находил жалкой; глупо ожидать, что произошли какие-то изменения за эти несколько дней. Но даже если и так (невозможно, сама мысль кажется дикой!), его неприязнь к серьезным отношениям сведет все к кратковременному, мучительному для нее флирту. Впрочем, зря она тревожится, проблема решаема. Мэту, даже если он вознамерится, не удастся вовлечь ее в легкую интрижку. Она теперь совсем не та, что десять лет назад, — она современная, организованная женщина, способная контролировать свои поступки, да и чувствами научилась владеть.

Кейла вздохнула и закрыла глаза. «Думай о бабушке! — приказывала она себе. — Думай о

предстоящих проблемах!» Но все эти мысли связываются у нее в голове с Мэтом — вот в чем беда! Как-то не подготовлена она была к переменам, происшедшим с бабушкой. А теперь оказалась в ее распоряжении пара дней, чтобы настроиться на понятие «старость», поразмышлять о неизбежности старения для каждого. Но Рут — все, что с ней произошло как-то трудно осмыслить...

При пересадке во Флориде у них едва хватило времени снять верхнюю одежду, заполнить декларации и добежать до ожидавшего самолета.

Кейле удалось выяснить, что они летят на Большой Багамский остров, но позвонить отцу и сообщить возможности не было. Она стремглав неслась к самолету, радуясь, что еще при вылете из Бостона догадалась сменить ботинки на удобные туфли без каблука.

— Там, у себя, мы и вообразить не могли такую жару, а? — Мэт затолкал свитер в сумку и отдал ее грузчику, а тот поместил в грузовой отсек маленького самолета.

— Только как чудо. — Кейла подставила лицо ослепительным лучам флоридского солнца.

— Вашу сумку, Кейла, — человек ждет.

— Ох, да! — Отдав багаж, она огляделась.

— Самолетик-то какой, а? — заметил Мэт.

— Сколько же в нем примерно мест?

— Да наверное, около тридцати.

— Таких я еще не видала. Правда, и на летное поле никогда не выходила шла по воздушному переходу. — Кейла нервно засмеялась, когда Мэт взял ее за руку и повел к трапу — пассажиры уже поднимались. — Такое ощущение, что меня снимают в фильме сороковых годов.

— Ммм, пожалуй, — охотно согласился Мэт. — Про войну, черно-белый... Какой же?..

Вот, «Касабланка», [\[1\]](#) а?

— Выбор принят. — Кейла улыбнулась ему через плечо. — Тогда, я думаю, самое время кому-то из нас сказать: «Это могло бы быть началом прекрасной дружбы».

— Кейла!

Она обернулась, приостановившись на последней ступеньке трапа.

Устремив на нее теплый взгляд, Мэт тихо повторил:

— Это могло бы быть началом прекрасной дружбы.

От его интонации у нее пересохло во рту, но осознать свою реакцию она не успела — стюардесса поторопила:

— Проходите, мисс!

Летели на высоте всего две тысячи метров — так низко, что четко различались меняющиеся ландшафты, океан, темно-синие воды Гольфстрима, сверкающая бирюза прибрежных волн, когда приближались к Багамам... Мириады мелких островков и коралловых рифов невольно притягивали взор — такого детского чувства восторга она не испытывала с той далекой розовой поры. Столько песчаных дюн, отмеченных пальмами, столько непривычных красот!

Забывшись на миг, она тряхнула головой — распустить бы волосы... Спокойно, она-то прибыла не на отдых; пробыть ей здесь предстоит три, максимум четыре дня, и миссия ее трудна и ответственна.

И все же Кейла снова заволновалась, когда стали видны Большие Багамы. Остров продолговатый, изумительной бумерангообразной формы. Размеры и все остальное она помнит из рекламного проспекта: длина семь миль с востока на запад. Большая часть населения живет в современном городе Фрипорте, предоставив пальмам и соснам свободную часть острова. С высоты птичьего полета так дивно смотрятся мангровые топи, густые леса, промышленные зоны, площадки для гольфа, роскошные отели и пляжи, которые тянутся вдоль всего

побережья...

Международный аэропорт «Фрипорт»? Но он такой маленький, что натяжка в применении к нему такого титула куда больше. Когда сошли с самолета, Кейлу поразил контраст: терминал, светло-розовое здание наисовременнейших архитектурных форм, и примитивные подъездные дороги. Экзотические деревья, яркие, невиданные цветы — чужой, незнакомый мир глянул ей прямо в лицо.

Очередь таяла быстро — иммиграционные службы привыкли к тому, что толпы отдыхающих прибывают ежедневно. Но Кейла еще жила в привычном стремительном темпе и настолько заметно проявляла нетерпение, что один грузчик засмеялся и посоветовал ей не спешить.

— Здесь время островное, сладчайшая леди, — скороговоркой произнес он, но речь его прозвучала удивительно музыкально.

— Я что, была невежлива? — тихо спросила она Мэта, как только они отошли от регистрационной стойки.

— Да нет, не заметил. Просто мы, американцы, все делаем быстрее, чем другие.

— О, мне это в голову не приходило. Пожалуйста, нельзя ли идти помедленнее?

Мэт не то чтобы замедлил шаг — он просто встал как вкопанный, прошептав:

— О Боже!

Кейла инстинктивно приподняла голову и проследила за его взглядом.

— Ох!.. — только и выдохнула она, когда двое пожилых людей кинулись им навстречу.

— Кейла, как я рада! — Рут Брейтон, до неузнаваемости загоревшая, крепкими руками обвила оцепеневшую внучку, не подозревавшую в ней такой силы.

Бросив сумки, Кейла тоже обняла бабушку, увидев краем глаза: встреча Мэта с отцом такая же теплая. Кейла немного отстранилась.

— Ой, бабуля, дай мне на тебя взглянуть!

В голубых глазах Рут промелькнула усмешка.

— Ну как, прошла я досмотр?

Взгляд внучки мгновенно охватил новую, совсем другую Рут: соломенная шляпа с затейливо изогнутыми полями на коротких светлых завитках волосах; широкая, яркая юбка, присборенная на талии, с разрезом, открывающим расчерченные синеватыми венами, но стройные, загорелые ноги в розовых туфлях.

— Ты... ты блестяще выглядишь! — удивленно выдохнула она.

Рут и правда выглядела отлично — куда лучше, чем раньше, несмотря на абсолютно нехарактерные для нее наряд и прическу.

— А я и чувствую себя хорошо, — заверила Рут.

— Здравствуй, Кейла!

Приветствие Филипа раздалось как раз вовремя, избавив ее от пристального бабушкиного взгляда. Но, как только он протянул руку, все опасения Кейлы к ней вернулись — вместе с приступом враждебности.

Едва заметное колебание — и она молча пожала его руку, однако не вымолвила ни слова, даже не кивнула. Про себя отметив, однако, что пожатие у него твердое. Филипа Рида она практически не знает, просто не обращала на него внимания, изредка вместе с бабушкой посещая его офис. И неудивительно — все ее чувства приковывал к себе Мэт. А Филип... по ее впечатлениям, образец настоящего бухгалтера — профессионал, с приятными манерами, не поднимает головы от работы, не отрывает пальцев от калькулятора... Память ее подвела, что ли?

Вот и Мэт растерянно улыбается:

— Что с твоей бородой, отец?

— А вам разве не нравится?! — с девичьим энтузиазмом воскликнула Рут.

Мэт перевел на нее сразу похолодевший взгляд.

— Да она какая-то другая.

Кейле все стало ясно: Мэт тоже никогда не видел отца в таком виде сандали и гавайская рубашка, — судя по тому, как он отпрянул от Филипа, разглядывая его с каким-то беспокойством.

— Зато мне нравится. — Филип подчеркнуто погладил пальцами свою новую, щегольскую бородку. Он и Рут дружно рассмеялись, обменявшись только им понятными взглядами.

«Какой интересный мужчина Филип!» — пришло вдруг в голову Кейле. Он почти такой же высокий, как сын, с потрясающими густыми белыми волосами, к ним очень идет эта бородка, а лукавые искорки в живых серых глазах придают ему вид искушенного ловеласа — прямо Кэри Грант,^[2] да и только.

Мэт решительно поднял сумки, и все двинулись к выходу.

— Кейла, надеюсь, ты не собираешься, дорогая, бросаться к телефону и звонить отцу? — предупредила Рут. — Пообещай мне, что не сделаешь этого. А иначе, девочка, мы попросаемся прямо здесь.

Кейла прикусила губу, поразмышляла и неохотно согласилась:

— Хорошо, не буду звонить. Обещаю.

Прошли через стеклянную дверь — Филип ее держал, чтоб не закрылась. Солнце пылает, как раскаленная доменная печь, а ведь половина шестого. Кейла тяжело перевела дух. Рут бросила недоуменный взгляд на ее деловой костюм: жакет она сняла, но блузка — из плотного шелка, длинные, строгие рукава с манжетами на пуговицах.

— Что же заставило тебя так тепло одеться, моя милая?

— Мне хорошо.

Рут поцокала языком, глядя на фланелевые брюки Мэта.

— Мне хорошо, — как эхо, повторил он с нотой раздражения.

— Наша машина напротив, через дорогу, — сообщил Филип.

Пока добрались до машины, у Кейлы вся одежда противно прилипла к телу. Пришлось расстегнуть и закатать рукава. Уложили вещи, уселись: впереди Рут с Филипом, за ними — Мэт и Кейла.

Рут обернулась, положив руку на спинку сиденья.

— Вы и представить себе не можете, как мне приятно, что вы здесь. Тут есть два огромных казино, живописный рынок, хорошая еда, музыка...

— Бабушка, мы не отдыхать сюда приехали.

— У нас всего несколько свободных дней, — поддержал ее Мэт, — и мы... хотели бы провести их вместе с вами.

Рут по-девичьи сморщила нос — такой гримаски Кейла за ней прежде не замечала.

— Да? Понятно... — Неожиданно лицо ее просияло. — Ох, да вы только взгляните! Какие дивные краски, а?

— Да, очень красиво, — пробормотала Кейла.

Сейчас ей не до красот местной природы — надо понять природу перемен, происшедших с Рут: видимо, отец и брат правы... Как бы избавиться от мужчин — и от Филипа, и от Мэта — и побыть с бабушкой наедине? А Рут тем временем щебетала что-то о казуариновых деревьях, об изумительных садах и аллеях... Прежде Кейла никогда не замечала, чтобы бабушка восхищалась растительным миром и вообще была так сентиментальна.

А вот Филип... интересно, превратится ли он сразу в страшного врага, если поймет, зачем она сюда приехала? Дело не в конфронтации как таковой, она все равно неизбежна. Что, если

ситуация станет неуправляемой? С ее стороны просто безответственно в этом случае не позвонить домой.

Пока что Филип, кажется, взял на себя обязанности гида. Кейла, откинувшись на спинку сиденья, старалась не слышать его голоса отключиться, сосредоточиться на своем. Она хочет вернуться в Бостон в среду; стало быть, для выполнения задачи у нее остаются сегодняшний вечер, завтрашний день и вторник — не много.

Но и торопить события нельзя — надо быть очень осторожной, деликатной, постараться укрепить их с бабушкой взаимное доверие.

А Мэт, какова его роль во все этом? Она повернула голову, чтобы взглянуть на него. Глаза молодых людей встретились, и сердце Кейлы учащенно забилось. «Дьявол!» — ругнулась она мысленно, ощущая всю силу его мужского обаяния.

— Вот он, — торжественно провозгласил Филип, — вот — наш дом!

Машина проехала через ворота в розовой оштукатуренной стене и остановилась в конце короткой подъездной дорожки у двухэтажного розового здания с красной черепичной крышей.

Здесь явственно ощущались чудесные ароматы моря.

— О, дом очаровательный, бабушка!

— Правда ведь? К тому же располагается прямо на пляже и отсюда всего несколько минут езды до рынка, казино и больших отелей...

Филип поставил машину и, когда вышли, добавил:

— Дом в нашем распоряжении на две с лишним недели.

— А потом? — спросила Кейла, хотя понимала: Рут надо убедить вернуться в Бостон через несколько дней.

— Потом — пока не знаем. — Глаза Рут весело сияли. — Может, побудем на островном карнавале, может, улетим в Европу.

Такой ответ огорчил Кейлу: впервые на ее памяти у Рут нет четкого расписания. Вошли в дом — современный, просторный, светлый.

Легкая плетеная пальмовая мебель, яркие цветные подушки, сине-зеленые паласы на полах.

Пышная лужайка — вид на нее открывался через громадное стекло веранды увеличивала пространство. У дальней границы владения светился сквозь густую листву бирюзовый океан.

Рут отодвинула створку стеклянной двери и с наслаждением вдохнула ворвавшийся с дуновением ветра благоуханный воздух.

Филип обнял ее за плечи и улыбнулся. «Уж слишком интимно он улыбается они ведь не вдвоем», — раздраженно подумала Кейла.

Мэт деликатно кашлянул.

— Куда можно положить сумки?

— Не торопись, Мэтью, — усмехнулся Филип, — дольше проживешь. — И скрылся на кухне.

Тем временем Рут сняла шляпу и тряхнула светлыми кудряшками. С ее виска свисали три крошечные косички с искусно вплетенными цветными стеклянными бусинками.

— Бабушка, что это?..

— Ох, тебе нравятся мои косички? — просияла Рут, зардевшись.

— Я... я что-то не понимаю...

— Скоро поймешь: здесь куда ни пойдешь — тут же какая-нибудь местная чародейка предлагает сплести косички из твоих собственных волос. Тебе ни за что не удастся вернуться в Штаты, не заимев хоть пару косичек.

Объяснять бабушке, что она здесь не в отпуске, по-видимому, больше не стоит — бесполезно.

— С твоими длинными волосами ты была бы как самая экзотическая островитянка, — не унималась Рут. — Посмотри, Мэт!

Кейла, к великому своему неудовольствию, почувствовала, как жар распространяется по всему телу: темноволосая голова Мэта наклонена и глаза его так и блуждают по ней — вмиг ощутишь себя товаром, чью скрытую ценность пытаются определить. Вернулся Филип с подносом по-праздничному сервированных напитков.

«Неужели спиртное?» — изумилась Кейла, бросив на него враждебный взгляд. Алкоголь, безусловно, вреден для здоровья Рут. Уловив ее реакцию, он неуверенно удерживал перед ней поднос.

— Сок папайи... вы разве не любите?

— Ох! — смущенно выцавила она — ей стало очень неловко. — Да, да, благодарю вас.

После этого гостей препроводили наверх и показали две комнаты, отделанные тоже в бирюзовых и зеленых тонах.

— Кейла, надеюсь, это не все, что ты привезла с собой? — воскликнула Рут, когда Кейла стала распаковывать вещи.

— А мне больше ничего не нужно, бабушка, хватит что есть.

— Ты даже без купального костюма? Но ты же не сможешь здесь без него обойтись!

— Еще как смогу.

— Нет, девочка. Обязательно надо купить, как и все остальное, завтра пойдем по магазинам.

Отлично, подумала Кейла. Уж конечно, мужчины не потащатся с ними по магазинам одежды — бабушка поступит в полное ее распоряжение.

— Да, бабуля, я и впрямь ничуть не подготовилась к курортной жизни. Зато мы с тобой походим — я знаешь как соскучилась по нашим прогулкам по магазинам!

— Ох, бедняжка! — Рут всплеснула руками. — Идем, присоединимся к мужчинам.

Мэт с отцом как раз выходили в коридор, Мэт тоже переоделся. Как только подошли к лестнице, Кейла поняла, что на этаже осталась всего одна спальня. Ни она, ни Мэт, разумеется, не произнесли ни слова, но напряжение повисло в воздухе. Филип и Рут занимают одну спальню — это открытие совсем ее обескуражило.

Спускаясь по лестнице, Филип сказал Рут:

— Поверишь ты, что мой сын привез с собой компьютер? — И шутливо шлепнул Мэта по затылку.

«Что случилось с этими немолодыми, некогда разумными людьми? — размышляла Кейла. — Бабушка изменилась не только внешне — отношение к миру, манеры, все-все...»

— Рыба пахнет божественно, Рут! — Филип в предвкушении втягивал ароматный воздух отлично оснащенной кухни.

— К сожалению, не могу принять на свой счет. Фил. Сегодня еду готовила Таникия. — Рут доставала из буфета тарелки и, вручая их Кейле, объясняла: — Таникия — это наша молодая помощница: приходит, убирает в доме, приносит продукты, стряпает. И меня учит готовить кое-какие местные блюда.

— А как же диета, бабушка?

Должно быть, Рут заметила нотки осуждения в ее голосе и поспешила успокоить внучку:

— Это отварная рыба, моя дорогая. Вполне диетическая еда.

Кажется, она вынуждает бабушку занимать оборону. И Кейла, мгновенно переключившись, сменила тему.

Беседа оставалась непринужденной в течение всего обеда на веранде. Но все же Кейла уловила настороженность хозяев. Что это они постоянно переглядываются? Прояснилось все,

лишь когда выпили послеобеденный кофе.

— Ну, Руги, — Филип улыбнулся ей своей обаятельной улыбкой. — Мы давно крутимся вокруг того, что на самом деле занимает наши мысли.

Мэт медленно поставил свой кофе.

— И что же их занимает, папа?

Отец спокойно встретил его прищуренный взгляд.

— То, из-за чего мы с Рут здесь находимся.

Что же еще?

Последовавшая пауза лишь усилила общую неловкость.

— Ну, вы столько раз говорили, что вы здесь на отдыхе... — Казалось, Мэт ждет подтверждения.

— Да, мы на отдыхе, — осторожно вступила Рут. — Но это больше чем отдых. Это то, из-за чего вы здесь.

— Из-за чего мы здесь? — Кейла чуть не задохнулась.

— Именно. Но я не о том, из-за чего отец прислал тебя. — Рут протестующе махнула рукой. — Я имею в виду причину, по которой мы позволили вам приехать.

Кейла, глупейшим образом позаикавшись несколько секунд, все же выговорила:

— А ты... а вы... тебе известно, зачем отец прислал меня?

Рут лишь посмотрела на нее насмешливо-добродушно, тем трезвым взглядом, что явно свидетельствовал: разум ее в полном порядке.

— И все же ты... ты пригласила меня? Зачем?

Рут взяла Филипа за руку.

— Называйте нас как хотите, но мы с Филипом решили: хотим, и все, чтоб вы оба, из наших семей, были на нашей свадьбе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вновь прибывшие буквально онемели и остолбенели — прямо живые парковые статуи.

— На... свадьбе? — повторил наконец Мэт.

Две догадки сразили Кейлу одновременно: отец ее, вероятно, прав в отношении Филипа — тот стремится завладеть наследством Рут; но Мэт не соучастник. Изумление его абсолютно естественно, а реакция — сугубо отрицательна.

— Да, мы намерены пожениться. — Филип заговорщицки улыбнулся Рут. — Уже сделали все приготовления.

— Однако есть одна деталь в церемонии, — подхватила Рут, — которую нам хотелось бы изменить.

— К-какую именно, бабушка? — Кейла с трудом выбралась из оцепенения.

— Нам бы хотелось, чтобы вы были у нас свидетелями.

Мэт резко встал и свирепо уставился на отца.

— Ты сошел с ума?

Подбородок у Филипа стал как у сына, когда тот злился. Рут взяла руку Филипа в свои ладони.

— Откуда, черт возьми, взялась эта сумасшедшая идея женитьбы? — Мэт никак не мог успокоиться.

— Если подумать, так нет ничего удивительного. Мы с Рут давно уже встречаемся — постоянно, несколько месяцев.

Мэт запустил пальцы в густую шевелюру и принялся ходить взад-вперед.

— Бога ради, отец! Тебе шестьдесят пять, а Рут... — он осуждающе кивнул в ее сторону, — еще старше.

— Сядь, Мэтью, ты заставляешь всех нервничать. — Филип обратился к Кейле: — А вы как относитесь к этой новости? Тоже, как и мой сын, против?

Еще утром Кейла рассмеялась бы, если бы кто-то предположил, что они с Мэтью союзники, но сейчас она только кивнула.

— Простите, но я согласна с Мэтом.

— О Боже! — горестно воскликнула Рут. — А мы надеялись, что ты-то хотя бы нас поймешь.

— Что значит «ты-то хотя бы»?

— Да то лишь, что ты сама сейчас серьезно увлечена. Вроде бы должна посочувствовать, понять, что значит найти человека, с которым хочешь провести остаток жизни.

— Вы... вы что же, пытаетесь сравнивать себя... со мной и Фрэнком?..

Рут вдруг пришла в ярость:

— А что, нам Богом запрещено?! Двое таких старых динозавров — что могут они знать о любви? Я и забыла — ведь только вам, молодым, дано право на эту привилегию, а?

Мэт так и взвился, вцепляясь в спинку свободного стула.

— Прекратите нести весь этот вздор о любви!

Простите, Рут, я всегда восхищался вами, но, черт побери, что вы с ним делаете? — Глаза его устремились к отцу.

— Я? Что делаю с ним? Разве я давлю на него?!

— Моя мама! — взревел Мэт. — Вот о чем я говорю, Рут! Года не прошло, как ее нет! — Отшвырнув стул, он снова забегал взад-вперед.

— О-о! — тихонько протянула Рут — до нее только сейчас стало доходить, в чем дело.

— Мэтью! — оборвал его Филип. — Ты переходишь все границы! Все это жестоко и... неуместно. Ты ошибаешься, принимая меня за вешалку. Этаким одинокий старый дуралей, который...

— Когда это я назвал тебя дуралеем? — возмутился Мэт.

— Нет, но думал.

— Лишь о том, что мама умерла совсем недавно и ты все еще... эмоционально уязвим.

— «Эмоционально уязвим»! — сардонически рассмеялся Филип. — Да, надеюсь, что я эмоционально уязвим — в отличие от некоторых.

И благодарен за то Богу.

Атмосфера накалялась; что же будет, к чему приведет эта перепалка между отцом и сыном?

Кейла обратила взор на бабушку, но Рут молчала, опустив глаза. Не желала, видно, подливать масла в огонь: пусть мужчины сами остынут.

— Бабушка, милая, а ты хорошо подумала... по поводу этого брака?

— Основательно — я знаю Филипа как-никак тридцать пять лет.

— Вот это-то и удивляет меня: почему теперь?

— Кто знает — почему теперь? — вздохнула Рут. — Но инфаркт мой сыграл тут немалую роль.

— И моя потеря жены — тоже, — добавил Филип.

Мэт плюхнулся в шезлонг в тени веранды, тихо бормоча что-то себе под нос.

— Да что ты, бабушка, что ты говоришь?

Инфаркт, выходит, дал тебе новые надежды?! — Кейла понимала уже безнадежность этой странной дискуссии.

— Безусловно, девочка. Надо жить сегодняшним днем. Теперь это моя философия.

— Звучит, конечно, заманчиво. Но если б мы все измеряли одним днем, бабушка, боюсь, печальный конец ожидал бы нашу цивилизацию.

Кто станет, например, выкладываться на работе или там... ну, приносить жертвы во имя будущего и все такое?

— Да я не о том, милая, — ответственность необходима. Но только пусть ничто не мешает нам открыть сердца навстречу тому, что делает нас счастливыми.

— «Счастливыми»... Представляешь, сколько счастья доставила ты моему отцу, когда исчезла на прошлой неделе?

— О, твой отец...

— Но он и твой сын. Ты о нем не подумала?

Он так расстроен всем этим.

— У нас не было выбора, Кейла. — Филип обнял Рут за плечи.

Кейла с ненавистью смотрела на его руку и дрожала от негодования.

— Ллойд превратил мой дом в тюрьму, — жаловалась между тем Рут. — В больнице, в тяжелейшем состоянии, я подписала документ, который давал ему право принимать за меня решения. Вполне все правильно. Но мне и в голову не приходило, что сын будет продолжать в том же духе, когда я вернулась домой.

— И что же он делал? — Кейла помрачнела.

— Для начала уволил моего повара и нанял этого ид... диетолога. Оговорка и сама интонация Рут не оставляли никаких сомнений относительно того, что она думала о кулинарном искусстве диетолога. — Потом еще прикрепил ко мне компаньонку — она изводила меня своей глупостью. Перестал говорить со мной о заводе, приходилось окольными путями узнавать, что там происходит. Даже водительское удостоверение у меня отобрал.

— Он так и поступал, Кейла, все правда. Обращался с Рут как с полностью недееспособным человеком, — подтвердил Филип.

— Мой отец делал все только во имя ее здоровья. — «Не то что вы», говорил ее хмурый взгляд.

Рут и Филип снова обменялись многозначительными взглядами. «Черт побери! — подумала Кейла. — Всякий раз, когда они это делают, — будто заговор готовят и вот-вот перейдут в наступление».

— Пожалуйста, дорогая, постарайся меня понять. Может, Ллойд и поступал так, заботясь о моем здоровье, но я-то чувствовала себя подавленной, бесполезной — никому не нужной.

И... очень-очень старой.

Кейла никогда еще не слышала, чтобы бабушке изменил голос.

— Филип стал моим освобождением, Кейла, моим избавлением. — Рут с любовью смотрела на импозантного, седовласого мужчину, стоящего рядом с ней.

— Видите ли, сначала я просто наносил Рут визиты вежливости, — вступил в объяснение Филип, так же глядя на Рут. — Но скоро ее общество стало для меня и бесценной радостью, и необходимостью.

— Мы играли в карты, слушали старые записи, разговаривали и смеялись целыми часами, — подхватила Рут с энтузиазмом. — У нас оказалось так много общего, и знаешь, главное, что мы поняли, так это что жизнь продолжается.

— Когда Рут получила разрешение докторов, я приготовился забрать ее.

— К сожалению, чем чаще мы виделись с Филипом, тем сильнее наседал на меня Ллойд.

Начал давить: мол, переведи на него всю собственность Брейтонов. Еще до моей смерти он жаждал получить все мною завещанное. Но последняя капля... ты ведь не в курсе... он предложил переехать мне в дом для престарелых.

Кейла, как несколько минут назад Мэт, резко вскочила и зашагала взад и вперед.

— Я... я этому не верю! Папа не мог бы... никогда он не поместил бы тебя в такой дом!

— Он не мог бы, конечно. Ведь пришлось бы доказать, что я не только физически, но и умственно неполноценная.

У Кейлы вдруг мурашки побежали по коже.

Ей доводилось слышать в тесном семейном кругу, как отец обвинял Рут в умственной неполноценности.

Выражение неприкрытого отчаяния появилось на лице Рут.

— Понимаешь ли, внучка, как больно сознавать, что мысль о доме для престарелых могла прийти в голову сыну?! Более того, Ллойд пытался и меня убедить, что именно там мне и место. — Живые голубые глаза Рут заблестели от выступивших слез. — Знаю, Кейла, я... старая. — Губы ее слегка задрожали. — Но зачем мне без конца напоминать: «Ты уже не такая, как прежде, и дни твои сочтены»? Я и так живу с ощущением этой реальности. Может быть, теперь ты поймешь, почему я уехала из Бостона.

Пусть мне уже немного отпущено — что ж, я хочу получить все из этого немногого.

Опустилась тишина — плотная, густая и темная, как тропическая ночь. Вдруг из темноты размеренно загрохотал возмущенный голос Мэта:

— По-че-му?!

— Что «почему», сын?

— Я могу понять, почему ты держал ваш побег в тайне от Ллойда Брейтона. Но мне ты почему лгал? Ты использовал меня. Надоедал мне с подробностями: бедная Рут так вымотана, ей нужен отдых. А ты жалеешь ее, заботишься о ней — чисто по-дружески. И я помог вам уехать: нашел для вас это место, заказал билеты, сам отвез вас в аэропорт. Все это я делал

молча, хотя мне и не нравилось, что Рут использовала твою дружбу. — По взгляду, брошенному на Рут, было ясно, что он думает: «Теперь мои сомнения подтвердились». — Ну и дураком же я был, когда спорил с Ллойдом Брейтоном, считая чудовищной ложью, гнусным заблуждением его заявления о том, почему вы на самом деле уехали. Почему ты не сообщил мне, что вы собираетесь пожениться?

— Прости, Мэтью. — Филип вздохнул. — Но мы подумали: вряд ли тебе было бы легче все перенести, узнай ты раньше.

— И мы не нуждались в дополнительном противодействии, какое уже имели от Ллойда, — добавила Рут.

Мэт посидел-посидел и вдруг осведомился:

— Ну и когда же состоится церемония?

Взгляд Рут смягчился.

— Во вторник. И мы уже говорили: нам хотелось бы, чтобы вы с Кейлой были нашими шафером и фрейлиной. Ведь вы для нас — самые дорогие на свете люди.

Все еще вышагивая взад и вперед, Кейла размышляла, прикусив губу. А Мэт, сидя в тени, схватился руками за голову.

— Вот что я вам скажу. — Филип зажег тонкую сигару и уставился на ее горящий кончик. — Мы согласны отложить церемонию... ну, скажем, до четверга, при условии, что Кейла не будет звонить домой до окончания всех событий. Это даст вам два дня, чтобы подумать и привести веские доводы, почему мы не должны пожениться.

«Невероятно! — твердила себе Кейла. — Абсолютно невероятно!» Кажется, Мэт, свернувшись в своем шезлонге, настроен так же.

— Ну а теперь вы нас извините... — Рут встала и, заметив, что Кейла смотрит на часы, пояснила: — В эти дни я вставала гораздо раньше, чем обычно.

Рука об руку пожилая пара вошла в дом, предоставив Кейле и Мэту сколько угодно вариться в котле противоречивых эмоций и осознавать неизбежное. Так они и делали — минут десять, не меньше... Мэт безмолвно сидел в своем углу, а Кейла, плотно обхватив себя руками, сложенными на груди, уставилась невидящим взором в какую-то лишь ей ведомую точку океана.

— Понимаете, они живут в одной комнате! — прошептала она наконец.

— Я не слепой. Не думаете ли вы, что их ранний уход означает, что они...

Кейла поспешно откликнулась:

— Это из-за самочувствия моей бабушки.

Сейчас ей особенно важен сон и отдых.

— Да-да, конечно...

Наступила такая тишина, что Кейла не сомневалась — Мэту слышно биение ее сердца.

— Итак, что же нам делать? — Мэт выпрыгнул из шезлонга.

— Я... я не знаю.

Он стоял рядом с ней на краю веранды, со сложенными, как и у нее, на груди руками, и поверх темной лужайки смотрел на полосу высоких пальм.

— Хотите прогуляться?

— О, конечно, — почти бессознательно выдохнула Кейла, сама не зная, чего ей сейчас хочется.

— Тогда я возьму ключ от ворот.

Владение было обнесено сетчатым забором, обрывавшимся на пляже. Естественная растительность вместе с рощицей из казуариновых деревьев обеспечивали почти полную уединенность. Мэт отомкнул замок калитки и открыл ее, пропустив Кейлу вперед. При свете

почти полной луны песок по консистенции и цвету был как сахар. Вот только в туфли забивался...

— Ммм... бесподобное ощущение... — Кейла сбросила туфли и пошевелила пальцами.

Мэт последовал ее примеру, и они побрели дальше по кромке воды, бездумно глядя на пустынный пляж. Завораживающий лунный свет посеребрил всю панораму залива — ее по достоинству оценили бы фотографы, специализирующиеся на изготовлении пейзажей для почтовых открыток, а еще влюбленные... Но ведь они с Мэтом ни те и ни другие, и, тряхнув головой, Кейла обратила мысли к их конкретной, вполне прозаической ситуации.

— По-моему, эта матримониальная затея здорово вас поразила, а? — Она вошла в воду по колено.

— Да, я удивлен, чего уж там. — Мэт закатал штанины, тоже вошел в воду и замолчал ненадолго. — А вы правда не знали, что вытворяет ваш отец с Рут?

Кейла отрицательно покачала головой.

— Сегодня вечером впервые об этом услышала. Боюсь, нас обоих использовали.

В молчаливом согласии они двинулись в направлении огней, высвечивающих большие отели примерно в миле отсюда.

— Извините, что я поцапался с вашей бабушкой. Прежде мы с ней всегда отлично ладили.

— Ну, вероятно, ваш отец действительно еще... эмоционально уязвим так вы сказали. — «...В отличие от некоторых» — эхом раздалась у нее в голове слова Филипа. Они относились к Мэту...

— Да, это так, конечно. Он одинок, тоскует по маме, хочет как-то восполнить ее отсутствие. — Мэт стягивал плотно облегающую его хлопчатобумажную рубашку.

— Думаете, моя бабушка просто нечто вроде группы эмоциональной поддержки?

Мэт провел рукой по лицу.

— Бедная Рут. Вряд ли она сознает, какую роль выполняет в жизни отца. Он шел не останавливаясь. — Вообще-то, наверно, догадывается. Вот выйдет за него замуж — избавится от опеки Ллойда.

Так-то оно так, ну а Филип — разве мало он сам выигрывает от этого союза? Пожалуй, даже больше. Но Кейла воздержалась от замечаний: Мэт любит отца и, разумеется, и мысли не допускает о какой-то нечестности в его поведении.

Голос Мэта прозвучал тихо и печально:

— У них был удивительный брак.

— У ваших родителей?

— Ну да. В этом сумасшедшем, вечно меняющемся мире они были такими дружными, такими надежными...

— Это и для вас, должно быть, очень было важно — подстраховывало, воспитывало.

— А как же? Хотя главная заслуга принадлежала, конечно, маме. Наш дом всегда был теплым и гостеприимным, еда — вкусной, а одежда и все прочее... ну, позвольте лишь заметить, что мы никогда не выходили с оторванными пуговицами. Не подумайте, что я против, чтобы женщина работала, — нет. Но что-то есть такое... неповторимое, особенное в доме, который ухожен и где во всем ощущается присутствие женщины. — Голос его вдруг прервался, лицо посуровело.

О чем это он подумал? Может, вспоминает собственный неудачный брак?

Мэт вдруг резко повернулся к ней.

— Ох, простите, я все о своей маме. А ведь вы не знали своей... Вы были совсем маленькой, когда она умерла?

— Можно и так сказать.

Мэт внезапно остановился и стал смотреть на воду.

Кейла тоже остановилась — так близко к нему, что ощущала жар его тела, он передавался ей как заряженное электрическое поле. Жаль, что с запозданием вспомнила она о твердом своем решении тщательно следить за собой, когда она с Мэтом. Прогулка при лунном свете по пустынному пляжу такой романтический пейзаж вовсе не способствуют самообладанию.

Он тихо, почти про себя произнес:

— Вот почему вы так близки с Рут.

— Ну... она одна забирала меня домой из роддома. У отца тогда такой период был в жизни... он не справился бы с новорожденной. — «Зато потом-то справился бы — в три года, в четыре...» — с грустью размышляла Кейла. — С бабушкой я оставалась до четырех лет.

Удивленный, Мэт взглянул на нее.

— Наверно, не просто ребенку переезжать в незнакомый дом.

— Не совсем так это было. Бабушка старалась, чтобы я проводила в доме отца какое-то время — обеды, визиты, ночевки. А еще я часто встречалась с отцом на заводе. Почти каждый день Рут брала меня с собой на работу.

— Стало быть, ваше раннее детство прошло на заводе? — Мэт недоверчиво посмеивался.

— Знаете, по большей части — да. — Ни с того ни с сего подступили слезы — глаза щипало. — Мэт, просто не знаю, что и делать. Бабушка рассуждает разумно, но я вижу — изменилась она очень.

Мэт вдруг положил ей на плечо руку — большую, теплую, она так успокаивает...

— Выглядит она неплохо, как и мой отец.

Но мне понятны ваши переживания. А что они изменились — неоспоримый факт. Что-то важное с ними обоими происходит, вот и отражается внешне.

— А как вам нравится эта чушь — жить одним днем? Да ведь это противоречит всем основам ее жизни — целеустремленности, упорному труду, самодисциплине, самоограничению... скромности, наконец.

— Не думаю. Скорее, Рут просто сбежала от старости. Дом для престарелых — веселенькая перспектива, а?

— Ваш отец тоже бежал — от своего горя, одиночества. Так тяжело потерять жену, с которой прожил долгую жизнь.

— Вот что, Кейла, — Мэт убрал руку с ее плеча, — как я понимаю, вы согласны со мной, что их намерение вступить в брак — ошибка.

— Абсолютно согласна. При самых благоприятных условиях браки между пожилыми людьми — большой риск.

— Ну конечно. У каждого позади прожитая жизнь. Свой груз привычек, эмоциональный и прочий багаж...

Она опустила голову, глядя на волны, слегка пенящиеся у ног.

— Извините, Мэт, что мой отец и брат так поспешно обвинили вас в заговоре.

— Вы, Брейтоны, очевидно, смотрите на этот брак как на вопрос времени. — Мэт передернул плечами. — Ваша реакция мне понятна. Наверно, я реагировал бы так же. Бог мой! И правда, если Рут выходит за моего отца... — голос его осекся, — ее недвижимость и акции... ее положение в компании Брейтонов...

Кейла обхватила голову руками и сдавленным голосом почти выкрикнула:

— Что же нам делать, Мэт?

— Скажу вам только одно — чего я не собираюсь делать: не буду у них шафером.

— А я — фрейлиной.

— Договорились. — Он взял ее под руку, повернулся и направился, увлекая ее, в сторону

дома. — А пока нам бы извлечь максимум пользы из той отсрочки, что они нам предоставили.

— Да, у нас еще два дня.

— Это означает, что мы должны здесь торчать чуть ли не до вечера четверга или пятницы! — Мэт зарычал с досады.

— А если нам не удастся их переубедить? — засомневалась Кейла.

— Должно удастся! Ничего хорошего не выйдет из этого брака.

— Завтра мы с бабушкой собираемся пойти по магазинам. Вот тогда-то я с ней и поговорю.

— Да, удобный случай. А я — с отцом.

Они улыбнулись, остановившись у кромки прибоа. Неожиданно Мэт нагнул голову и поцеловал ее — легонько, целомудренно. Но она чуть не задохнулась от этого прикосновения.

— А это зачем?

— Чтобы закрепить наш договор и выразить радость, что мы больше не враги.

Сладкое и страшное предчувствие охватило ее и что-то еще, очень сильное, — лихорадочное волнение, жар и холод... Мэт с ней флиртует?.. Нет, конечно, нет. Его неотразимая улыбка... ну, он воспользовался ею потому, что его все еще забавляет эта маленькая, неуклюжая девочка. Ей бы не поддаваться его чарам, а как следует разозлиться, но отреагировать она не успела...

— Пойдемте, нам пора домой. — И Мэт направился вверх по пляжу.

Этим же вечером, приняв душ и накинув халатик, Кейла решила позвонить Фрэнку. Она удобно расположилась в своей комнате на двуспальной кровати, и внезапно ее поразила мысль: «А ведь я ни разу не вспомнила о нем, за весь день, — только когда Мэт спрашивал!»

Разговаривали недолго, но все новости сообщить друг другу успели. Он-о магазине, она — о полете, о погоде и что она думает о состоянии здоровья Рут. Даже раскрыла секрет, где они находятся, но, сама не зная почему, умолчала о том, что Рут с Филипом собираются через несколько дней пожениться.

Из-за стены, где располагалась ванная, которую они делили с Мэтом, доносился шум воды — Мэт под душем... Если закрыть глаза — перестанешь слышать звук? Нет, не помогает, наоборот — такое видишь, что лучше не экспериментировать. Застонав от отвращения к себе, Кейла забралась под одеяло и погасила свет — тут же все события дня стали сменяться в ее сознании одно за другим. Мэт успокаивает ее во время взлета... Мэт рассказывает о своем браке... Грустно рассуждает на веранде... Прогуливается с ней по пляжу... Мэт, Мэт, Мэт... А теперь еще и это «ужасное видение»: теплая мыльная вода, стекающая по широкой, мускулистой спине Мэта... Кейла схватила подушку и набросила ее на голову. Впереди ее ожидает длинная-предлинная неделя.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Проснулась Кейла рано. Мышцы шеи затекли, зато голова ясная и уже выстраиваются планы на день. Как тихо в доме... Двигаясь как можно осторожнее, она приняла душ, высушила волосы и, подобрав их наверх, заколола как обычно. Легкий, почти незаметный макияж, белая блузка с зеленой юбкой, туфли без каблуков — и она на цыпочках вышла из комнаты.

Мэт уже встал — сидит на веранде и читает газету.

— Доброе утро! А я-то думала, что всех опередила.

Он поднял на нее глаза и выдвинул для нее стул.

— Доброе утро. Кофе?

— Да, спасибо.

На столе тарелка с ломтиками фруктов, корзиночка со сладкими булочками, укутанный кофейник.

Кейла отвела глаза, не в силах встретиться с его, скользящими по ней.

— Видели уже наших голубков?

— Нет. Спят еще. — Он с отвращением подтолкнул к ней газету. — Вот, извольте взглянуть — трехдневной давности.

Солнце стояло уже довольно высоко, когда появились Рут и Филип. Кейла успела почитать газету, убрать и вымыть посуду после завтрака и основательно проштудировать журнал по торговле. Мэт тоже работал притащил из комнаты компьютер. Пожилая пара выплыла на веранду.

— Какое великолепное утро! — Рут откинула назад голову и с восторгом вдохнула. — Сегодня воздух как шампанское.

— Ммм... — согласился Филип. — Ты улавливаешь запах жасмина?

Кейла оторвалась от журнала: «Какого еще жасмина?»

— Доброе утро. Будете завтракать? — предложила она.

— Немного позже. Мы с Филом уже привыкли плавать до еды. — На них были купальные халаты. — Не хочешь ли присоединиться к нам?

— Нет, бабушка, спасибо. Мне надо еще кое-что прочесть.

— А ты, Мэтью?

Мэт с трудом оторвался от компьютера и отрицательно покачал головой.

Хозяева пожали плечами и направились к пляжу. Они поплавали, поели, побродили по пляжу в поисках ракушек. Почти половину этого времени Мэт и Кейла усердно трудились, но наконец не выдержали и тоже устремились на пляж. Не сняв одежды, расположились в тени пальм и принялись наблюдать оттуда за детскими шалостями стариков.

— Бабушка, когда же мы поедем по магазинам? — в очередной раз пристала Кейла к Рут, когда та, после второго захода, вместе с Филипом вышла из воды.

Бабушка постоянно отвечала, что спешка ни к чему, а Кейла напоминала себе, что они живут здесь в режиме островного времени. Но, Господи, сейчас-то уже почти полдень! Рут подняла часы с полотенца, на котором сидела Кейла.

— Фил, нам, кажется, пора двигаться.

Кейла в изумлении захлопала глазами.

— А я думала... мы с тобой, бабушка, вдвоем...

Рут выжала воду из густых светлых кудряшек.

— Почему только вдвоем? Международная ярмарка — такое большое удовольствие, грех кого-нибудь его лишать.

Кейла и Мэт обменялись озабоченными взглядами.

— Бабушка, хорошая ли это идея? Для мужчин магазины — такая скука.

— Ну, не совсем так... — мягко протестовал Филип.

Итак, смирилась Кейла, выбора нет, придется идти всем вместе.

Больше двух часов длилась прогулка вдоль вымощенных бульжником улиц и затененных двориков, где разместилось свыше семидесяти магазинчиков с великим множеством товаров — здесь были представлены более тридцати стран.

Кейле и Мэту покупать ничего не хотелось, разве что газеты — вот газетный киоск.

— Поверить не могу! — пробурчал Мэт, совершив тщательный осмотр стенда. — Все старые — двухдневной давности и так далее.

— Так сюда доставляют, — засмеялся Филип.

Только в середине дня Кейла оказалась наконец наедине с Рут. Они заглянули в магазин женской одежды, где нашли широкий выбор купальных принадлежностей. До этого Кейле пришлось ощутимо ткнуть Мэта в ребро — тот понял и, заявив, что умирает от жажды, затащил отца в ближайший пивной бар. Вращая круговую вешалку с купальными костюмами, Кейла не без внутренних мучений размышляла: как бы потактичнее подойти к проблеме, всецело занимавшей ее ум. Но Рут ее спасла, начав сама:

— Итак, теперь, когда Фила заманили, что бы ты хотела обсудить со мной?

Внучка смутилась — бабушка рассмеялась.

— Кейла, да разве тебе когда-нибудь удавалось от меня хоть что-то скрыть!

— Бабушка, можешь ты быть со мной честной? Я имею в виду по-настоящему? И откровенной?

— Постараюсь, девочка, постараюсь... О, смотри, какая прелесть! — непроизвольно вырвалось у Рут, поглощенной созерцанием розового бикини с яркой наклейкой: «Эффект флуоресценции под водой!»

Кейла и бровью не повела.

— Почему ты хочешь выйти замуж за Филипа?

— Почему? — усмехнулась Рут. — По самым обычным причинам.

— Мне показалось, тебя очень расстроило предложение отца насчет дома для... В общем, не в этом ли причина?

Рут со вздохом сожаления водворила на место вешалку с бикини.

— В вашем возрасте, конечно, трудно поверить, что кто-то... в нашем может быть влюблен. Но я влюблена, Кейла.

— А он — он испытывает к тебе такие же чувства?

Губы Рут сжались в жесткую, прямую линию.

— К чему ты клонишь, Кейла?

Кейла перешла к вешалке с тонкими, как паутина, очаровательными юбками из ткани, получившей в просторечье наименование «iМарлевка».

— Понимаешь, это все так неожиданно, а учитывая твоё нежелание передать отцу компанию Брейтонов...

Глаза Рут стали огромными, испуганными.

— Ты... ты думаешь. Фил... хочет на мне жениться с расчетом, что я включу его в завещание?

Кейла страшно покраснела — и молчала.

— Кейла, Филу не нужны мои деньги.

— Бабушка, не ответишь ли ты мне только на один вопрос: чья это была идея убежать, не сказав никому ни слова?

Рут подумала, явно стараясь вспомнить.

— Наверно, Фила, но...

— А идея пожениться?

— Конечно, Фил сделал предложение, по всей форме. Не такая уж я эмансипированная.

Но вряд ли это дает тебе право приходить к заключению, что он польстился на мои деньги.

Понимаешь, он же все видел: что я устала от слишком пристального внимания твоего отца, от преследований, порицаний... А если уж соглашусь за него выйти, так без этого гнета, без затаенной злобы семьи, чтобы не омрачить наш светлый день. Вот почему мы все скрыли.

Слезы жгли глаза Кейлы.

— Бабушка, уйдем отсюда.

— С радостью, дорогая.

Едва выйдя из магазина, Рут взмолилась:

— Неужели я слишком о многом прошу тебя — только доверять моим словам?! Кейла, Фил — хороший, порядочный человек. Я вручаю ему свою жизнь, не то что состояние. Хорошо бы ты посмотрела на него в какой-то мере моими глазами, девочка. Понимаешь, — она встряхнула кудряшками, — с ним я чувствую себя, если хочешь, более привлекательной, женственной, молодой...

Кейла вдруг заметила, что в двадцати шагах от них стоят Мэт и Филип. По выражению их лиц сразу уразумела: Мэт преуспел в своей миссии не лучше, чем она, ему тоже не удалось привести отца в чувство.

Увидев приближающихся женщин, мужчины разом умолкли, прекратив спор, но физиономии их оставались свирепыми.

— Фил, думаю, нам лучше немедленно уйти. — Рут тяжело дышала, и Кейла поняла, в чем дело: увидев Филипа расстроенным, она рассердилась из-за него еще больше, чем из-за себя.

Их подвергли массированной атаке? Прекрасно, она защитит Филипа! Это намерение ясно было написано на лице бабушки, когда она подошла к нему.

— Только что подумал то же самое. Самое время принять приглашение Мартинсов.

— О'кей, при условии, что мы избавимся от этой парочки — меня утомляет их общество.

Пусть поищут других и попробуют на них свое умение делать людей несчастными.

— В любом случае мы уже обо всем поговорили. — И Филип взял Рут под руку.

Оба выпрямились и демонстративно медленно, спокойно стали удаляться.

— Бабушка! — Голос Кейлы срывался от растерянности. — Бабушка, подожди!

— Что еще? — обернулась Рут.

— Куда вы уходите?

— Идем в курортную зону в Лукойе. Мы здесь встретили одну пару из Бостона, они нас приглашали вместе пообедать. — Насмешка, прозвучавшая в сердитом голосе Рут, окончательно лишила Кейлу гордости. Рут вынула из соломенной сумки ключи от дома и бросила их Мэту. — Можете доехать до дома на такси. Адрес, надеюсь, запомнили?

— Да, но...

— Кстати, — прервал ее Филип, — мы записались на завтра на экскурсию с подводным плаванием. Вы, конечно, не поедете — ведь вы здесь не на каникулах, — протянул он с сарказмом. — Ради Бога, дорогие! Сидите себе дома, развлекайтесь с вашими компьютерами и факсами — это все, что вам нужно для счастья.

Ну а мы уходим.

— Бабушка, а как же... как же с купальником?

— Ну, Кейла, ты уже не маленькая — сама купишь себе купальник или что тебе там вздумается. Идем, Фил, мы и так уже потратили слишком много времени на этих молодых

истуканов.

Остолбенев, Кейла провожала взглядом удаляющуюся пару.

— Я... я так отвратительно себя чувствую. — Она готова была разреветься. — Совсем не то ей сказала, что думала и что хотела...

— Понимаю вас: я тоже.

— А теперь она не желает меня видеть. О Боже, что я наделала?!

Левая бровь Мэта приподнялась в немом вопросе.

— Понимаете, я ее так... так люблю! — Кейла пыталась, подставляя лицо жаркому солнцу, осушить горькие слезы.

Мэт согнутой в локте рукой обхватил ее за шею и притянул к себе. Жест такой для нее неожиданный... и желанный... Она уткнулась лицом в рубашку на его груди, пытаясь справиться с невыносимым чувством горечи, утраты она потеряла привязанность самого близкого человека. Всю ее тонкую фигурку сотрясала дрожь.

— Все будет хорошо, дорогая. Иногда надо позволить себе уйти от всего, забыть...

Она застонала: почему ей надо от чего-то уходить, что-то забывать? Она стиснула зубы, но слезы все лились и лились...

Его доброта, его именно дружеское отношение трогали ее.

— Вот, возьмите, — с нежной улыбкой он вложил ей в руку чистый носовой платок.

Кейла вытерла глаза, оглянулась — и вдруг сообразила: да ведь они стоят посреди главного прохода на переполненном народом базаре! На них, разумеется, бросают кто насмешливые, кто удивленные взгляды.

— Не обращайтесь внимания. Думают, наверно: влюбленные поссорились.

— Да нет, вряд ли.

Мэт заключил ее лицо в ладони, гипнотизируя теплым взглядом серых глаз.

— Нет? — ласково повторил он, водя пальцами по ее горящим щекам.

Тревожные предупреждающие звоночки раздались в голове, но сейчас она ни за что на свете не отстранилась бы от него... Мэт медленно опустил голову, и губы его коснулись ее губ.

— И пусть их думают! — прошептал он и прижался ртом к ее рту. Этот поцелуй не был невинным, как вчера, — губы его, горячие, настойчивые, долго не отпускали ее, пока все ее тело не начало отвечать на их страстный призыв...

Мэт не сразу открыл глаза, в серой их глубине плавала темнота, а еще возбуждение, изумление.

— Да, теперь-то они уверены, что мы влюбленные, — прошептал он.

Кейла, чувствуя, как горят ее щеки, в смущении отвела взгляд, но мало-помалу предательская улыбка — бездумная, счастливая — выдала, что ее сдержанность притворна. Пусть он целовал ее из жалости — все равно, ей приятно, что он не остался равнодушен.

Почему раньше не слышала она экзотических птичьих трелей, не замечала ярких красок, не чувствовала особого аромата, исходящего от тележек с едой?.. За каких-нибудь несколько минут для нее гостеприимно распахнул двери новый, пестрый, многоцветный мир — будто черно-белый фильм, который смотришь, вдруг превратился в цветной.

— Мэт? — Неужели это ее голос прозвучал так весело, непосредственно?

— Ммм?..

— Знаешь что?

— Что-о?

— А ведь мы на Багамах...

— Разве? Я что-то не замечал до сих пор.

— Да-да, вот посмотри кругом.

Он повиновался, тоже, казалось, заново воспринимая все вокруг.

— А хорошо-то здесь как, будь я проклят!

— А что это значит, знаешь?

Он широко и радостно ей улыбнулся, глаза его заблестели.

— Что же, Кейла?

— Очень просто — мне надо купить купальник.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Покончив с самыми необходимыми покупками, они решили сделать налет на «соломенный рынок» — здесь, неподалеку от международной ярмарки. После почти целого дня на багамском солнце, щурясь и чувствуя, как стягивается кожа лица под жаркими его лучами, Кейла вдруг пришла к неожиданному для себя заключению: а ведь широкополые шляпы, что носят бабушка и Филип, это, в конце концов, скорее умно, чем глупо, а вот отказываться от них...

Посмотрев там и сям, Кейла выбрала шляпу с умеренными полями и синий пояс из хлопка к своему новому купальнику.

— Потрясающе! — растерянно прокомментировал Мэт, натягивая низко на глаза большую плетеную панаму с яркой цветастой лентой.

Кейла прыснула — удержаться было просто невозможно.

— Э-э... послушай, почему ты смеешься? А мне нравится. — Мэт притворился обиженным. И, положив свою и ее шляпу на стол, заваленный рубашками, осведомился о цене.

Немолодая продавщица, бросив на него проницательный взгляд, назвала цифру.

Мэту она не показалась приемлемой — он покачал головой, сделал несколько шагов назад и предложил вдвое меньше. Продавщица поколебалась, поулыбалась, но делать нечего — пришлось согласиться.

Кейла наблюдала за всем этим процессом с великим удовольствием. Мэт мастерски играл свою роль, будто принимал торговлю всерьез, и был так неотразим, что к моменту окончания сделки эта местная женщина чуть не заигрывала с ним. Поведение ее напомнило Кейле: не мешало бы ей самой быть сдержаннее с этим опасным мужчиной.

Конечно, у нее есть Фрэнк, он ждет ее в Чикаго. Но даже если б его не было, не имеет она права всерьез отдавать свое сердце Мэту.

Он-то наверняка не придает всему этому никакого значения — подумаешь, поцеловались... Для него это жест симпатии, способ ее утешить — не больше. К тому же он убежденный холостяк; общество женщин ему необходимо, и он чувствует себя среди них как рыба в воде, но отсюда решительно ничего не следует, для нее — уж во всяком случае. Живут они за тысячи миль друг от друга.

Облачившись в новые шляпы, они покинули «соломенный рынок» и направили свои стопы в конец бульвара, к казино «Принцесс» — огромному фантастическому строению со шпильями и сводом а-ля Тадж-Махал.

— Вот не ожидала, что здесь так шумно, — удивилась Кейла. — А что это за звонки?

— Игральные автоматы звонят, когда выбрасывают деньги.

— О-о-о! — Кейла, замороженная, не могла отвести глаз от ярких разноцветных огней, мерцающих кругом: какой великолепный фейерверк! — Вот здорово! — вырвалось у нее невольно.

Мэт, обняв ее за талию, подтолкнул вперед.

— Не возражаешь, если я сначала попью?

— Ну что ты! Сама умираю от жажды.

Он заказал в баре местное пиво, а Кейла — напиток под названием «Мамочка с Багам», нечто пенистое, ромовое, ароматное. Они бездумно окунулись в эту шумную, ослепительную, увлекательную жизнь.

Сгорая от любопытства, Кейла держалась рядом с Мэтом, вбирая в себя все это действо: стрекотание рулетки, ловкие движения пальцев крупье, изящные карточные столы, сильные удары игроков в кости... Но преобладали здесь игральные автоматы.

Кейла и оглянуться не успела, как Мэт со смехом набрал целую горсть двадцатипятицентовых монет и стал ее подталкивать:

— Давай-давай, попробуем!

Она автоматически покачала головой:

— Нет, спасибо, — чуть не добавив: «Я здесь не на каникулах». Но вдруг, поколебавшись, сдалась: — Ладно, почему бы и нет? — И неуверенно шагнула к автомату.

С бьющимся сердцем Кейла опустила монету, потянула за рычажок и стала наблюдать за выскакивающими на табло символами — вишнями, лимонами, бананами... Вот все замерло, она еще чего-то ждала, пока Мэт не подсказал:

— Опусть еще монету.

— А что, я проиграла?

— Ну да, опускай!

Проиграв доллар и двадцать пять центов, Кейла одумалась:

— Хватит с меня. Неудивительно, что эти автоматы зовут «однорукими бандитами».

Мэт участливо улыбнулся.

— Ты не против, если я поиграю в рулетку?

Первые три ставки он проиграл, но четвертую игру выиграл, потом и пятую, а затем преспокойно удалился.

— Мэт, смотри! — Кейлу охватило нечто вроде восторга. — Пятицентовые автоматы! Вот они-то мне и нужны!

Когда звонки прозвенели и автомат в первый раз выбросил кучу монет, радости ее не было предела.

— Сколько? — крикнул Мэт.

— Два доллара! Ур-ра!

По нескольку раз они выиграли, но в конце концов, как и следовало ожидать, в выигрыше остались автоматы.

— Пойдем-ка отсюда! — Мэт развернулся к ней. — Гиблое место, затягивает.

— И опа-асное! И стра-ашное! — стенала она.

Мэт подхватил ее за локти и приподнял со стула.

— Да-да, идем, идем! — смеялась она.

Когда они вышли из казино и Кейла увидела, что солнце уже почти зашло, ее это поразило: да она потеряла счет времени, до того ей весело!

— Хочешь есть? — Мэт взглянул на часы.

— Да-а... знаешь, теперь, когда ты напомнил...

— А домой?

— Что об этом волноваться, там никого нет. — Она вдруг упала духом, вспомнив все: и как они бранились, и как Рут и Филип от них сбежали...

— Да если они и дома, — поддержал Мэт, будто слышал ее мысли, — все равно есть с нами не станут.

— Ну и пусть. Им и без нас не скучно.

— Зато мы вот сейчас где-нибудь ка-ак поедим, а завтра им ка-ак расскажем... Вот удивятся они нашим туристским похождениям!

Здесь, на территории международной ярмарки, разумеется, хватает ресторанов, но они сели в автобус и поехали в тот ресторан в Лукойе, о котором упоминала Рут. Он близко к дому — чуть больше мили, если идти по пляжу, — и, если они не найдут такси, то доберутся к себе пешком. Изучая меню, Кейла предложила:

— Нам бы что-нибудь местное, да?

— Что касается меня — кусок хорошего мяса.

— Ну а я попробую нечто экзотическое.

Так... похоже, на гарнир здесь только горох и рис.

Им предложили очень темный рис и коричневый горох — основной продукт питания на острове. Приняли заказ, принесли Кейла «Мамочку с Багам». Она умиротворенно откинулась на спинку кресла. Багамское солнце быстро покрыло золотистым загаром лицо Мэта, осветлило прядь в его темных прямых волосах. Она вдруг засмотрелась, восхитилась — и призналась себе, что пропала...

А он-то, почему он изучает ее с нескрываемым интересом?

Задумавшись, Кейла отвернулась и обратила взор в сторону залива, где на ночь пришвартовывались лодки с прозрачным дном. Мелодии мюзикла «Парень с островов» лились в теплом воздухе. Все небо было разрисовано лавандовыми и розовыми полосами сказочных оттенков, миниатюрная радуга венчала картину.

Кейла вздохнула, произвольно улыбаясь: поверить невозможно, что она здесь, а не в зимнем Чикаго, с его пронизывающим ледяным ветром и дорожными пробками. Может, и правда не так уж важно, что газеты здесь двухдневной давности, обслуживают тебя с ленцой, а на любую напасть один ответ: «Нет проблем, мэм».

Но не потому ли это кажется несущественным, что рядом с ней Мэт?

— Тебе надо как следует закрываться от солнца, — услышала она его голос.

— А что, я обгорела?

— Немного. Нос и вот здесь, — он наклонился через стол и провел пальцами по ее скуле.

«Не поддавайся! — увещевала она себя. — Попадешь в беду — жалеть будешь». Хмуро уставившись на белую льняную скатерть, она попыталась придать беседе деловой характер:

— Итак, что же насчет Рут и Филипа? Есть у тебя план действий?

Мэт сразу будто встрепенулся.

— Что касается их намерения пожениться — я своего мнения не изменю.

— Я тоже.

— Но, по-моему, стоит попробовать другой подход.

— Это какой же? — Кейла потягивала свою «Мамочку».

— Ну, может, убедить их просто жить вместе...

— Бабушка никогда на это не пойдет.

— Сейчас она изменилась, Кейла. Я все-таки попытаюсь.

— Пожалуй. Но, что бы мы ни решили, нельзя больше так ссориться с ними.

— Согласен. Так мы ничего не добьемся, кроме полного отчуждения. — Мэт чертил на скатерти невидимые знаки. — Нам бы завтра поехать с ними на эту экскурсию, с подводным плаванием.

— Хм... я о том же думала. Не то чтобы мне хотелось, но они-то будут счастливы.

— А значит, охотнее выслушают наши доводы, — подхватил Мэт.

Принесли еду, и они занялись, ею. Неожиданно для обоих разговор за обедом протекал очень живо. С увлечением рассказывая какой-то анекдот из своих школьных дней, Кейла вдруг заметила, что Мэт, подавшись вперед и опершись подбородком на ладонь, не отрывает от нее глаз, горящих таким огнем, что она разом забыла, о чем говорит, и покраснела до корней волос.

— Прости меня, — улыбнулся он. — Неприлично так вот... смотреть на женщину. Тебе неловко, понимаю, но... ничего не могу с собой поделать. Знаешь... у тебя самое выразительное лицо из всех, что мне приходилось видеть.

— Вы... выразительное? — Произвольно Кейла прикрыла лицо рукой.

— Хотя должен уточнить: это не связано... ну там с прической или с тем, как ты обычно

одеваешься.

— Что ты имеешь в виду? — Ей пришлось приложить немалые усилия, чтобы вернуться к реальности: его взгляд превращал мозги в фарш.

— Ну, хотя бы противоречие между внешним видом и выражением глаз. Один — этакий отшлифованный, сдержанный, а второе — очень непосредственное, живое. И я никак не могу понять, какая же ты на самом деле. Десять лет назад я был не совсем прав: ты стала не просто хорошенькой, а очень красивой женщиной.

Вспомнив обстоятельства, при которых он делал свое предсказание, Кейла прикусила губу и осторожно отстранилась.

— Мэт, по поводу той встречи... десять лет назад... С тех пор мне все время хотелось извиниться перед тобой.

— За что это. Бога ради?

— А ты не знаешь? — Она избегала его глаз.

— Это ты не знаешь: все было... не совсем так, как ты тогда воспринимала.

— Положим. И все-таки: ты был настолько старше меня, пользовался популярностью, все тебя знали, все тебя звали всюду. А я... я была настоящим гадким утенком. Представляю, как ты тогда чертыхался, когда тебя попросили меня эскортировать.

Сраженный ее пронизательностью — ведь все это, в сущности, правда, — он сначала растерялся, а потом рассмеялся.

— Допускаю, мне было немного неудобно, но только потому, что мы плохо знали друг друга.

— Но... эти мои скобы на зубах... мои ужасно причесанные волосы... и тот кошмарный костюм — красный, бархатный...

Он пожал плечами, будто все это просто выпало у него из памяти.

— А хочешь знать, что мне больше всего запомнилось из того вечера?

— Что же? — Она вся сжалась.

— То, о чем мы говорили с тобой: о бизнесе наших семей... о Густаве Малере... да еще о мировом кубке по футболу. Я тогда подумал, что среди девушек, которых когда-либо встречал, ты — одна из самых интересных. Я имею сейчас в виду — как личность. Это правда! — заверил он, видя ее искреннее изумление. — Как и твой богатейший репертуар избитых шуток такого мне тоже не приходилось слышать.

Кейла прижала ладони к пылающим щекам.

За неделю до бала, боясь показаться скучной, она пошла в библиотеку и проштудировала книгу шуток — от начала до конца.

— Конечно, я догадался кое о чем. — Мэт понимающе усмехнулся. — Но это как раз мне польстило. Ты ведь была совсем еще малышка... но такая милая.

О Боже! Он знал, знал о ее увлечении им! К счастью, появилась официантка. Мэт вопросительно взглянул на Ксйлу, она согласно кивнула пора уходить, можно рассчитывать.

— Мне до сих пор не все ясно с этим балом, — сказала Кейла, когда официантка ушла. — Почему ты все же согласился пойти со мной?

— Почему? Просто потому, что меня об этом попросили.

— Отец заставил?

— Слегка надавил, но я особенно и не сопротивлялся. Ты ведь приходила к нам в офис.

И... в тебе всегда было нечто загадочное, это меня заинтриговывало.

Вернулась официантка со счетом и тут же ушла, взяв незаметно для Кейлы кредитную карточку Мэта.

— Если быть честным, я часто об этом думал и пришел к выводу, что не должен был так

себя вести. Мне и в голову не приходило, что ты воспримешь мое поведение как проявление жалости.

— А разве... было не так?

— Конечно, нет, Кейла, мной руководила только злость на тех идиотов, которых мы случайно подслушали. Ты... прости меня, если я нечаянно причинил тебе боль.

— Не надо просить прощения. — Кейла мило улыбалась, испытывая легкую эйфорию: просто удивительно, насколько по-разному они вспоминают тот бал.

Он все не сводил с нее наблюдающего взгляда.

— Франку здорово повезло, Кейла. Надеюсь, он это понимает.

Сердце ее подпрыгнуло от радости — вот это комплимент! — и тут же упало. Фрэнк...

При упоминании о нем настроение у нее разом изменилось. Думая о Фрэнке, она, конечно, не испытывает безумного восторга влюбленного подростка. Ну и что же? Она не подросток, а кто может быть лучшим мужем для деловой женщины, чем коллега — помощник и единомышленник?

Наконец Мэт поднялся и положил бумажник в карман.

— Пойдем на площадь, послушаем музыку, а?

— Пожалуй. — Она взглянула на часы. — Это заманчиво.

По трем сторонам площади располагались тесно прижатые друг к другу магазины и рестораны — от роскошных до самых обычных, а четвертая сторона обращена была к заливу. Вокруг бельведера танцевала толпа беззаботных отдыхающих, повинувшись зажигательным багамским ритмам. Сверкающие разноцветные огни окаймляли бары и оркестровую эстраду.

Вдыхая благоухание моря и ароматы пищи, от которых текли слюнки, под незнакомую будоражащую мелодию, переплетавшуюся со смехом и ритмами Карибского моря, Кейла невольно закрыла глаза и улыбнулась. Певучий лукавый голос вывел ее из этого состояния:

— Прекрасная леди, не желаете ли заплести косички?

Кейла неохотно открыла глаза: молодая, смуглая, хорошенькая женщина уже поднимала к ней тонкие руки.

— Нет, спасибо, — не раздумывая ответила Кейла.

Женщина удалилась грациозно, чуть пошевеливая стройными бедрами.

— Сколько раз к тебе уже обращались с этим за сегодняшний день? — посочувствовал Мэт.

— По крайней мере дюжину.

— Может, во имя спокойствия тебе уже стоило бы согласиться?

— Н-ну... я еще подожду, Мэтью.

В этот момент высокий красавец — вокалист оркестра на бельведере объявил в микрофон: дорогим гостям, дамам и господам, предлагается разучить национальный танец Багам. И, подхватив партнершу — ближайшую молоденькую темнокожую девушку, — медленно начал танцевать.

Кейла стала непроизвольно покачиваться, переступая с ноги на ногу, она любила танцевать, но такая возможность ей представлялась нечасто. Танец, кажется, совсем простой — одно удовольствие попробовать... Отовсюду доносились смех и шутливые возгласы — не у всех получалось сразу.

— А мы что же? Давай-ка! — Мэт ухватил ее за руку.

Напряжение и скованность быстро растаяли, и они задвигались слаженно и весело, будто всю жизнь были партнерами.

Шаг вправо, шаг влево — и на какое-то мгновение их тела соприкасались. «Мы как мятники...» — улыбаясь, бездумно, с чувством необычайной легкости думала Кейла, подчиняясь захватывающему ритму. Шаг вправо, шаг влево... Мэт повернул ее и она оказалась

прижатой к нему спиной. И так они продолжали двигаться в унисон, улавливая ритм и замирая от каждого прикосновения друг к другу.

Мэт не отрывал от нее глаз; постепенно черты лица его становились серьезнее, сосредоточеннее, шаги их все замедлялись — они уже танцевали совсем под другую музыку, не ту, что звучала на площади. Все связные мысли исчезли из ее головы, наступил миг озарения — оба поняли, что растворились друг в друге и остальной мир перестал для них существовать. Прошло несколько секунд, прежде чем она осознала: а ведь музыканты уже перестали играть. Кажется, Мэт тоже удивился тишине. Он отпустил ее, отодвинулся сердитый, смущенный.

— Прогуляемся?

Кейла глубоко вздохнула, пытаясь стряхнуть с себя очарование танца.

— Уже поздно, Мэт, домой пора.

— Да-да, идем, — кивнул он покорно и рассеянно.

Первое, что они увидели, выйдя из такси, — это темный дом. На цыпочках вошли, поднялись наверх, прокрались мимо спальни, где, мирно похрапывая, отдыхала пожилая пара.

У комнаты Кейлы они остановились.

— До завтра, — прошептала она.

— Да, спи спокойно, — едва слышно ответил он.

— Постараюсь.

— Я тоже.

Глаза их встретились, губы приоткрылись, будто хотели сказать что-то еще.

— Спокойной ночи, — решительно пожелал наконец Мэт и вошел к себе.

О, как правильно он сделал, как она благодарна ему за это! Шагни он к ней — так и простояли бы они до восхода солнца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Кейла открыла глаза и улыбнулась: яркий солнечный свет лился в распахнутое окно, заполняя всю комнату, вместе с неповторимым запахом моря, нежным шелестом пальм. Они будут сегодня плавать под водой с аквалангом, вспомнила она. Как это замечательно!

Быстро приняв душ, она облачилась в новый купальник и высоко подобрала волосы, связав их на затылке эластичной лентой, — так будет удобно. Натянула шорты и рубашку, влезла в туфли.

Мэт уже сидел на веранде, попивая кофе и читая очередной номер устаревшей газеты. Глаза их встретились в немом красноречивом приветствии, и она отвела взгляд, но что поделаешь с румянцем, разлившимся по щекам?

Мэт без рубашки: выпукло выступает мускулатура крепкого торса, красиво поросшего темными волосами. «Бог мой, да есть ли на земле мужчина привлекательнее?..» — на такой мысли поймала себя Кейла и устыдилась. Мэт Рид для нее не просто неотразимый, влекущий к себе мужчина, он значит гораздо больше. Что-то необъяснимое в нем, в их общении так подействовало на нее, что в ней словно повернулся ключ, заставивший ее вдруг осознать себя свободной и счастливой, открытой и чуткой ко всем прекрасным проявлениям жизни.

— Доброе утро. — Глаза его улыбались, словно и он хранил в глубине их воспоминания вчерашнего дня.

Внезапно он показал ей подбородком куда-то вбок; она взглянула: Рут и Филип неспешно прогуливались среди деревьев, старательно избегая просветов, где они могли попасть в поле зрения молодых людей. Ах да. Рут, Филип, вчерашняя размолвка... Кейла понимающе кивнула Мэту, и они двинулись навстречу неизбежному.

— Доброе утро, бабушка, Филип! — поздоровалась Кейла. — Может, поговорим?

Пожилая пара отозвалась не сразу.

— О чем?

— Я хочу извиниться за вчерашнее.

— И я тоже, — добавил Мэт. — Если мы вчера и сорвались, так только потому, что любим вас.

Рут гордо держала непокорную голову.

— Значит, вы изменили свое мнение относительно нашего желания пожениться?

— Если честно, то нет, бабушка. Но не стоит ссориться из-за этого. Можно ведь спокойно все обсудить, не горячиться.

Филип переглянулся с Рут, и Кейла уловила их колебание. Перемирие временное, проблема далека от решения. Но все же он ответил:

— Ничего, мы переживем.

— Вот и прекрасно, — просияла Кейла. — А теперь, если ваше приглашение остается в силе, мы бы с вами поехали, поплавали с аквалангом.

Услышав такое, Рут капитулировала — расцвела улыбкой.

— Что ж, только давайте сначала позавтракаем.

В шесть все вместе отправились из порта Луконя и за тридцать минут доплыли до коралловых рифов, которые целый час потом исследовали. Кейла, абсолютно сраженная уже тем, что после элементарного инструктажа поплыла с аквалангом, обомлела, узрев подводное царство.

Зато Рут уже через двадцать минут вернулась на катер и, тяжело дыша, уселась на одной из широких ступеней, спускающихся с нижней палубы к воде. Кейла, заметив ее состояние,

насторожилась.

— Тебе нехорошо? — крикнула она, цепляясь за перила.

— Да... нет, все в порядке. Просто я знаю пределы своих физических возможностей. — Рут помахала рукой и улыбнулась.

Еще раз внимательно оглядев бабушку — вид у той вполне довольный, Кейла надела маску и нырнула в воду, возвращаясь в дивный подводный мир, растревоженный только ее дыханием и движениями. Мэт плывет к ней, показывая, что сейчас вынырнет на поверхность воды.

— Плыви за мной, — он вылил воду из трубки, — покажу кое-что интересное.

Они проскользнули над садом из кустистых кораллов, где крошечные разноцветные рыбки плавали среди губок и ярких, плавно покачивающихся багровых водорослей. Мэт жестом попросил ее остановиться и стал нырять, внимательно осматривая это место. Она с любопытством наблюдала, гадая что же он ищет? Но вот он вынырнул.

— Не могу его найти.

— Кого?

— Скорпиона. В песок, наверное, зарылся.

— Скорпиона? — Несколько встревоженно Кейла принялась осматривать окрестности.

— Вот черт! Мне так хотелось, чтобы ты его тоже увидела!

Сама-то она предпочла бы не встречаться с этим обитателем подводных глубин, но на душе у нее потеплело: Мэт хочет поделиться с ней своим открытием.

Когда они возвращались с прогулки, солнце так палило, что купальник высох через несколько минут. Кейла удобно устроилась в кресле на палубе. Рядом с ней, в такой же позе, — Мэт.

Она вздохнула радостно и свободно, наслаждаясь мягким покачиванием катера, теплым ветром, треплющим мокрые волосы, соленой водой, орошающей иногда кожу, которая, высыхая, становится такой упругой. Матрос из команды принес ей «Мамочку с Багам», и в этот момент Мэт коленкой слегка поддел ее ногу.

— А что, ты намерена пристраститься к таким вещам? — кивнул он на высокий стакан.

— Не твое дело, Мэт Рид! — Она в свою очередь пихнула его коленкой. — Я же молчу, когда ты заказываешь это багамское пиво... как оно там называется — «Калик»?

Мэт виртуозным движением извлек из-под сиденья высокую банку из пластика и непринужденно открыл ее, прежде чем сделать глоток.

— Я уже говорил, как великолепно на тебе смотрится этот купальник?

Чуть не поперхнувшись, она выпрямилась в кресле.

— Я особенно не надеялся, что он тебе подойдет — размер очень маленький. Но я ошибся. — Глаза его блестели, скользя по ее фигуре.

Пренебрежительно тряхнув головой, она неожиданно для себя подмигнула Мэту поверх стакана.

— Кейла, ты ли это? — засмеялся он.

Вдруг она обнаружила, что Рут, стоящая спиной к перилам, наблюдает за ними, в недоумении переводя взгляд от нее к нему. Боже, она флиртует и захвачена на месте преступления! А, не все ли равно, в конце концов, что она ведет себя не так, как себе предписала, и бабушка это видит! Схватив майку, она натянула ее через голову и стремглав бросилась к лестнице остаток путешествия неплохо бы провести на верхней палубе, в одиночестве, — пусть никто ее не контролирует!

Прибыли на торговую площадь в Лукойе, и Филип предложил пообедать в уважаемом ресторане, но Рут, судя по восторженному выражению лица, уже захватила другая идея. Она подтолкнула своих спутников к тележке, где красивый багамец успешно удерживал внимание

группки зрителей.

— Что это он делает? — Кейла наклонилась — любопытно получше рассмотреть.

— Готовит салат из даров моря, дорогая. Хочешь попробовать?

Кейла принялась наблюдать: багамец жестом фокусника зачерпнул из бочки с морской водой большую ракушку, с загадочным видом пошлепал, побил по ней — и на свет явился сгусток скользкого мяса.

— Ох, нет, не хочу! — простонала Кейла.

— А зря, это необычайно вкусно! — авторитетно заявила Рут.

«Фокусник» между тем ловко нарезал мясо аккуратными ломтиками; несколько виртуозных движений — и перед ним горка красивых кубиков, ничуть не уступающих по аппетитному виду помидорам, зеленому луку, перцу, кучками лежавшим на другой половине безукоризненной разделочной доски. Вот он ссыпал все ингредиенты в сверкающую чистотой эмалированную миску, выжал туда два лимончика, добавил молотого красного перца...

Мэт с интересом наблюдал за этим процессом, стоя так близко к Кейле, что руки их соприкасались.

— Закажу-ка я себе порцию, а ты попробуешь и решишь, а? — благородно предложил Мэт.

Кейла улыбнулась ему и согласно кивнула.

Получив мисочку с салатом и бутылку «Калика», он храбро положил в рот полную столовую ложку незнакомой еды и принялся жевать с видом знатока и гурмана. Наконец кивнул одобрительно и протянул пол-ложки Кейле.

— Ну давай же, Кейла! Знаешь, как вкусно!

— А ты... — Одного звука оказалось достаточно — и ложка проскользнула в рот.

Глаза Кейлы округлились — теперь у нее всего два варианта: прожевать или выплюнуть; она прожевала.

— Дай-ка мне скорее пива! — Она задохнулась,хватила из рук Мэта бутылку и сделала огромный глоток.

— Заказать тебе? — Мэт улыбался во весь рот.

Кейла уверенно кивнула. Мэт попросил порцию с перцем послабее.

— Кейла, — обратилась к ней Рут, когда покончили с едой, — пойдём со мной, я хочу подобрать тебе сувенир на память. — И, не ожидая ответа, поднялась из-за стола под большим зонтом, где они сидели, и направилась к тележке, заваленной разноцветными майками.

Кейла собралась было заупрямиться, но какой смысл? Да и лишняя маечка ей очень пригодится. И она пошла за бабушкой. Обе женщины увлеченно перебирали яркий трикотаж, когда Рут вдруг задала вопрос:

— Итак, что же происходит между тобой и Мэтью?

Она почти ждала этого вопроса.

— Ничего не происходит. Просто он стал для меня хорошим другом, с которым я могу и подшутиться. — И извлекла из кипы маек голубую, с ракушкой на груди. — Симпатичная.

— Это уже больше чем дружба, Кейла. Что-то есть между вами... Задумавшись, Рут сжала губы. — Взаимопонимание, тяга друг к другу. Заметно, знаешь ли, — особенно когда вы пили из одной бутылки и ели с одной ложки.

Кейла так и вспыхнула.

— Бабушка, ты придаешь слишком большое значение ерунде. У меня ведь серьезные отношения с другим, ты не забыла?

Возникшая пауза так затянулась, что Кейла поневоле взглянула Рут в лицо: оно почему-то... почти торжествующее.

— Я-то — нет. А вот ты...

Кейла смущенно покашляла; вдруг перед ней возникла как из воздуха молодая багамка:

— Косички для хорошенькой леди? Вам пойдут!

Кейла решительно отмахнулась от нее:

— Нет-нет! Никаких косичек!

— Слушай, Кейла, нам надо поговорить.

Проницательные глаза Рут встретились с ее растерянным взглядом.

— Я еще вот эту возьму! — Кейла наугад схватила розовую майку с ярким цветочным рисунком и лозунгом «Летайте как птицы в Фрипорте!».

— Вот и чудно, девочка. — Рут заплатила за розовую майку и за голубую с ракушкой и, когда они уже собрались вернуться к мужчинам, задержала Кейлу. — Не время, конечно, обсуждать сейчас эту тему, но... — Она умолкла и неожиданно выпалила: — Кейла, ты любишь Фрэнка?

Кейла почувствовала, что бледнеет.

— О чем это ты, бабушка?

— Да о том самом, о чем все люди говорят в таких случаях, — усмехнулась Рут. — Ты и сама все понимаешь. Раз я тебе бабушка и люблю тебя, так желаю тебе удачи и счастья.

— Фрэнк удивительный человек. — Кейла зацепила виноградный листок с простирающейся над ней лозы и принялась его терзать, разрывая на мелкие кусочки.

— Знаю-знаю: удивительный, симпатичный, умный и — после Гордона любимчик твоего отца. Но вот что, Кейла: положи руку на сердце-а если б не компания Брейтонов? Ты бы им увлеклась... просто так?

Кейла бросила на землю то, что осталось от виноградного листка.

— Милая, да ты дрожишь и трепещешь, словно флажок на ветру!

Закрыв глаза, она глубоко вздохнула.

— Извини, бабушка, это просто солнце.

Как же так, все вроде перевернулось. Она зачем, все бросив, сюда прилетела? Почему они стоят сейчас здесь и обсуждают ее отношения с Фрэнком, в то время как ничего еще не решено насчет их самих — Рут и Филипа? Между прочим, Филип что-то им кричит... а-а, они с Мэтом идут в музей — поглядеть на выставку пиратских монет и бутылок. Ну и пусть их, как раз вовремя.

— Бабушка, я ведь переживаю из-за того, что ты намекаешь, будто между нами что-то есть.

Уверяю тебя — это ошибка. У нас с Мэтом нет ничего общего. Я не разбираюсь в основах товаропроизводства, а он не стал бы посвящать свое время принципам работы часовых механизмов. Да и живем мы за тысячи миль друг от друга.

Рут спокойно смотрела на нее.

— Мне кажется, ты все же придаешь какое-то значение вашим отношениям.

— Нет никаких отношений! Извини, если это тебя лишает надежд, которые ты питаешь с тех пор, как я была девочкой.

— Я с этим давно уж рассталась. Не отрицаю, думала в свое время, что, когда придет срок, выйдет хорошая пара. Но после той встречи — я ведь ее устроила — ты вернулась домой такая подавленная, а он... он больше ни разу даже не позвонил. — Рут развела руками, признавая — да, в прошлом она допустила ошибку. — Единственное мое оправдание — я знала, что ты увлечена им, и...

— У подростков бывают увлечения, бабушка.

— Что бы это ни было, я лишь хотела дать тебе шанс. Ну а не получилось — у тебя хоть осталась бы в памяти чудесная ночь.

«Чудесная ночь»! О да, она прекрасно помнит ту ночь — каждую ее унижительную

подробность.

— Но почему ты продолжаешь настаивать, что у меня к нему что-то есть?

— Да не настаиваю я, а уверена. Вот только не уверена, разумно ли это. А знаешь ты, что он был женат?

— Да, он говорил мне.

— Он очень пострадал, Кейла, слишком пострадал. Так Фил иногда думает. Со времени развода он занимался только своей карьерой, избегая серьезных увлечений.

— Да, и это он мне говорил — что его интересует только работа.

— Возможно, и так. Но Фил думает, что на самом деле он просто боится снова понести душевные потери. Работа — его прикрытие. Не то что он не встречается с женщинами — встречается, конечно, но избегает с кем бы то ни было сколько-нибудь обязывающих отношений. Фил всерьез опасается, что Мэт может ожесточиться и окажется не способен полюбить.

— Ты с ним согласна?

— Нет, не уверена. Судя по тому, как он смотрел на тебя.

— Ох, бабушка, говорила же я тебе: это ровно ничего не значит!

— Ты, вероятно, права. Поэтому я и чувствую себя обязанной предупредить тебя.

— Спасибо, ценю твою заботу. Но я и сама не позволю себе служить кому-нибудь развлечением на каникулах.

— Вот это правильно, девочка. — Рут сжала ее предплечье. — Пойдем присоединимся к мужчинам.

По музею Кейла бродила как в тумане. Мэт заметил ее необычное состояние и спросил:

— Ты в порядке?

Она его уверила, что да, но, когда заглянула в эти загадочные серые глаза, все у нее внутри перевернулось от горя. Вот странно, какое ей дело до его личной жизни? Через два дня они уедут отсюда и больше никогда не встретятся.

Они осмотрели музей и уже направились в агентство за билетами, намереваясь пообедать на корабле, когда обратили внимание, что Рут и Филип отошли в сторону и что-то обсуждают шепотом.

— Эй, люди! — крикнул им Филип. — Мы с Рут собираемся вернуться домой. У нее что-то с желудком.

— Это все из-за лука в морском салате.

— Ты уверена, бабушка, что с тобой все нормально?

— Вполне. Вы оставайтесь и развлекайтесь. До встречи. — Она помахала им рукой.

Мэт и Кейла остались на торговой площади.

Кейла невзначай упомянула, что с удовольствием поплавала бы еще с аквалангом, и Мэт тут же потащил ее в док, чтобы успеть на последний катер, отправляющийся к рифам.

Домой вернулись радостные, но с ощущением некоторой вины — не пообедали со стариками. Мэт позвонил, но никто не отозвался — дверь заперта... Вошли, открыв дверь своим ключом; шторы, защищавшие дом от жаркого дневного солнца, не подняты. Кейла похолодела от дурного предчувствия.

— Бабушка! — крикнула она, выглядывая из окна.

— Кейла, тут записка на столе, — позвал ее Мэт.

«Мэт, Кейла, — нацарапал Филип несвойственным ему небрежным почерком, уже пять часов, а Рут все еще чувствует себя неважно. Мы решили поехать в больницу, проверить, что у нее с желудком. Не волнуйтесь. Надеемся вернуться скорее, чем вы это прочтете».

— К-какой час, Мэт? — заикаясь, спросила Кейла.

— Семь тридцать.

Уже более двух часов ее бабушка лежит одна, в чужой больнице, среди незнакомых докторов. Паника охватила ее, лишила всех сил.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Они нашли Рут в приемном отделении «Скорой помощи»: сидя в кресле, в больничном халате, она силилась выглядеть безмятежно. Рядом с ней, держа ее за руку, сидел Филип.

— Бабуля! — кинулась к ней Кейла. — Что с тобой, дорогая? Врач тебя смотрел?

— Успокойся, девочка, думаю, это проявление гастрита.

— Папа, это так? — спросил Мэт.

Филип поднял глаза, и только теперь Кейла заметила, какие они встревоженные, как он измучен и бледен.

— Врач говорит, что она, вероятно, права.

Но для полной уверенности сделал анализы.

— По твоему настоянию, — с притворным возмущением припомнила ему Рут, глядя на него с ласковой теплотой.

— Сейчас мы ждем результатов ЭКГ, — добавил Филип.

— Вы бы присели оба, — мягко предложила Рут.

Мэт пододвинул Кейле стул, но сам не сел.

— Кейла Мэри Брейтон, — усмехнулась Рут, — глазам своим не верю: как это ты в таком виде появилась в общественном месте!

Кейла смущенно оглядела свои помятые шорты и майку со следами кетчупа после обеда: расходящиеся по ней мокрые круги неопровержимо доказывали, что купальник еще не высох.

— Да-а, бабушка, но мне это сейчас безразлично. Главное — я здесь, с тобой.

Вошел врач — невысокий, коренастый, седой, с толстой папкой, которую он прижимал к груди.

— Здравствуйте! — приветствовал врач вновь пришедших.

Когда он открыл свою папку, Кейла поразились: какая огромная работа проделана за такой короткий промежуток времени, и это только ради одного больного! Тревога ее усилилась.

— Итак, что со мной? — Рут приподняла подбородок, намереваясь, видимо, мужественно принять любой приговор.

— С вами все прекрасно, миссис Брейтон. Я не обнаружил никаких признаков нарушения сердечной деятельности.

Рут не удержалась от радостного возгласа. Донельзя обрадованная, Кейла бросилась к ней с объятиями, но ее уже обнимали другие руки — Филипа. Глаза его были закрыты, лицо напряжено, на тонких ресницах блестели слезы. Кейле стало ясно теперь, в ком больше всего нуждается бабушка. А сама она... ощутив вдруг сильные руки Мэта на своих плечах, вздохнула и прислонилась к нему, благодарная за тепло, за то, что в трудное мгновение он рядом.

— Дело в том, — продолжал терапевт, — что состояние вашего здоровья, миссис Брейтон, просто удивительное, если учесть данные медицинской карты, которую вы нам предоставили.

Огромный прогресс по сравнению с тем, что было в прошлом августе, когда случилась ваша история.

Вот это да! Рут привезла с собой медицинскую карту?

— Все очень просто, доктор. — Лицо Рут расцвело в улыбке. — Любовь вот лекарство.

Именно оно помогло мне почувствовать себя лучше так быстро.

Кейла смутилась было, но удивительно — врач слушал с явным интересом.

— Да, это часто помогает, — подтвердил он. — У меня были пациенты, которые с помощью положительных эмоций справились с очень серьезными недугами. — И он весело подмигнул пациентке.

— Значит, я свободна и могу идти?

— Несомненно, мадам. Советую вам зайти в аптеку и купить антацид или бикарбонат соды.

Хорошо помогает также теплое полотенце или бутылка с горячей водой прикладывать к животу. А в будущем старайтесь избегать острой пищи, договорились?

Поздним вечером Филип, заботливо уложив Рут в постель, присоединился, со своей тонкой сигарой, к Мэту и Кейле, сидевшим на веранде.

Мужчины тихо разговаривали, сидя за столом; рядом с ними, в глубокой задумчивости, полулежала в шезлонге Кейла.

— Филип, не могли бы вы кое-что для меня прояснить? — наконец, словно очнувшись, спросила она. — Причина инфаркта у бабушки — стресс?

— В основном — да. И еще — непроходимость сосудов. Она не снижала активности, в семьдесят один работала так же напряженно, как в сорок.

Кейла вздохнула, не в силах оторвать взора от темно-синего небесного свода с яркими звездами. Ее терзали сомнения: а что если это она сама спровоцировала своими возражениями против брака Рут эти проблемы с желудком...

— Но я не из тех, кто осуждает привычку к работе. — Филип приподнял сигару и уставился на ее горящий кончик. — Сам после смерти жены получил бы инсульт, если б не работал — старое, испытанное средство лечения.

— У тебя утомленный вид, папа.

Филип передернул плечами, но тут же поднялся — сын прав.

— Мне пора, если вы не возражаете.

— Спокойной ночи, Филип. — И, проглотив гордость, Кейла добавила: — И спасибо вам.

— За что? — Медленно, устало шагая к двери, он явно не ждал ответа.

— Спасибо за все ваши хлопоты и заботы о Рут. Знаю — это нелегко.

Филип ответил не сразу, тронутый ее капитуляцией:

— Вот в этом вы, дорогая, ошибаетесь. Нет ничего в мире легче, когда любишь. Спокойной ночи.

Мэт пересел к Кейле в шезлонг — он двойной, легко разместиться обоим. Кейла обрадовалась исходящей от него силе, спокойствию и возникшему между ними чувству товарищества — результату совместных переживаний.

— Ну как ты? — нежно спросил он.

— Так себе. — Она вздохнула, руки их соприкоснулись — ее шелковая, слегка загоревшая кожа с его жесткой, покрытой волосами, с ясно проступающими мышцами. — Трудно во всем этом разобраться.

— А что тебя смущает?

— Рут, Филип. Мои обвинения... ну, что он все делает ради денег.

Мэт кивнул понимающе.

— Знаешь, и я чувствую себя неловко. Тоже ведь бубнил — мол, она его использует, чтобы уйти из-под контроля твоего отца. — Он пошевелился, и она почувствовала прикосновение его обнаженной ноги.

— Мэт, он сегодня так переживал за нее — по-настоящему.

— Да, я знаю, видел. Да и она... как услышала, что с ней все в порядке, — прямоком кинулась в его объятия. — Он тяжело вздохнул. — Может, мы зря переживаем — не понимаем ни черта, а приходится вмешиваться...

Она робко улыбнулась.

— Может быть, Мэт. И я об этом думаю.

Мэт подставил свою левую обнаженную ступню под ее правую, маленькую, тоже

обнаженную. Опять это неопишное ощущение от его прикосновения слишком сладкое... Мысли ее спутались, она молчала.

— У меня вопрос. — Мэт надавил пальцами на ее ногу.

— Какой? — Голос у нее дрожал, она не дышала.

— Не относишься ли ты уже по-другому к их плану пожениться?

Кейла повернула голову, чтобы видеть его; он сделал то же, и глаза их встретились.

— А ты как относишься к их плану, Мэт?

— Ну, я... сам теперь не знаю. Видела ты, как они смотрели друг на друга?

Сам он с той же нежностью смотрит сейчас на нее. При лунном свете рот его притягивает, как тайна, а глаза бездонны, как небо.

Мэт взял ее руку, и она не отняла — прикосновение его непередаваемо приятно.

Мэт очень отличается от Фрэнка. Раньше ей и в голову не приходило задуматься о степени чувственности Фрэнка — как он воспринимает мир. Зато теперь, когда она проводит время и живет в одном доме с Мэтом, есть с кем сравнивать — явно не в пользу человека, с которым она собирается связать свою жизнь. Но это и не имеет большого значения — у них с Френком много, очень много общего, что объединяет их.

И все же в эти минуты она чувствует себя обманутой, обделенной... Какие ночи, счастливые, незабываемые, могла бы она проводить в будущем — могла бы, но они никогда не наступят — с тем, с кем лежит сейчас в шезлонге под звездами, с тем, кого... да что там, обожает до потери сознания!

И она вздрогнула от этой мысли, как от удара. Обожает до потери сознания? Его, Мэта Рида, мечту своей юности? Мэт Рид — необыкновенно обаятельный мужчина, зрелый, притягательный для любой женщины. Вполне естественно для нее по-женски реагировать на него.

Но это вовсе не значит, что она обожает его.

Так почему же она чувствует себя обманутой и обделенной? Только потому, что не обожает Фрэнка до потери сознания? Но она и раньше это знала, не маленькая, и для нее это ничего не определяло, не влияло на ее решение выйти за него замуж. И раз ее так задел вопрос Рут, любит ли она Фрэнка, видимо, все же ее женское существо не примирилось с тем фактом, что она обязала себя идти по жизни... с кем?

Она покусывала губу, мучаясь самоанализом, когда услышала хриплый шепот Мэта:

— О чем задумалась? Поделись...

Кейла нащупала, как ей показалось, вполне безопасную тему:

— О новой философии моей бабушки — жить сегодняшним днем. Теперь я понимаю, что она имела в виду. Бабушка уже на своем этом горьком опыте внезапной болезни познала, как коротка жизнь.

— Да, я тоже испытывал нечто похожее, когда мы приехали в больницу. Наблюдая за отцом, видел, как он за нее боится, и невольно стал смотреть на вещи его глазами.

— Твой отец морально помогает Рут избавиться от давления моего отца, не думать о возрасте, болезни. Как бы то ни было, а они любят друг друга, живут друг для друга.

Мэт приподнял руку Кейлы, ритмично ее покачивая.

— В настоящий момент это все, что у них есть. Прошлое есть прошлое, а будущее так неопределенно. С нашей стороны самонадеянно, жестоко... да нам просто не дано права отговаривать их.

— От намерения пожениться? — Кейла жадно глотала воздух.

— Ммм... — Он в последний раз качнул ее руку и положил в промежуток между ними в шезлонге — туда, где соприкасались их бедра.

Она задрожала, а он спросил:

— Тебе холодно, Кейла?

— Да нет, просто думаю: какую такую причину я распишу отцу?

Мэт посидел молча, неподвижно.

— Скажи, ты всегда так переживаешь, что скажет твой отец?

Первое ее побуждение — отбиться, наговорить резкостей — тотчас растаяло. Ведь это суцая правда; да, всегда, и еще как переживает.

— Как тебе сказать... Ну да, конечно, кому не приятна похвала родителей?

— С этим я согласен. — Мэт встал, опустил спинку шезлонга и устроился в нем так, чтобы видеть ее лицо. — Но у тебя это потребность, Кейла, и она сжирает тебя. — У него вырвался неожиданный смешок. — Интересно, как поступал с тобой Ллойд, когда ты была ребенком?

Обвинял тебя в смерти матери?

Как он сумел задеть ее, растревожить, раскрыть в ней все, что она таила долгие годы...

Она лежала тихо-тихо, скованная, как броней, вперив взор в ночное небо, и изо всех сил старалась не пустить наружу неудержимые слезы.

Нет, эта битва проиграна — звезды расплылись перед глазами...

— Кейла? — Мэт приподнялся на локте. — Эй, что такое? Я не хотел, прости! Мне только казалось... любой родитель, кто делает такие вещи... в общем, это нечеловечно, я и не ожидал...

— Шшш... все в порядке, Мэт. Мой отец никогда ничего подобного не произносил... ну, таких слов. Это лишь ощущение, которое я пронесла через годы. И не знаю почему, разве только... мне, кажется, никогда не удавалось угодить ему. А вот Гордон — он всегда безгрешен: никаких ошибок. Мой брат и правда умнее меня, удачливее. Для меня было вполне естественным расти с ощущением, что я хуже, никогда не дотянусь до него.

Мэт гладил ее по волосам с такой нежностью, что для нее это было почти равносильно гибели.

— Так вот почему ты провела последние пять лет в разных городах, расшибаясь изо всех сил, чтобы создать эту сеть розничных магазинов? Делала то, чего не сумел Гордон? Чтобы поразить отца?

Будто завеса спала вдруг с ее глаз, обнаружив такое, чего она раньше в себе не замечала.

— Ну так как, я прав? — не отставал Мэт.

Что и говорить, приятного мало в том, что вышло на свет Божий для нее самой о себе.

Мэт сумел расположить ее к себе, она не опасается его, не боится быть с ним откровенной.

— Да, пожалуй, прав, — с непривычной мягкостью уступила Кейла.

Теперь они лежали молча — глаза в глаза, сердце к сердцу.

— Расскажи мне об этом, — тихонько попросил Мэт.

Кейла немного успокоилась. Нет нужды говорить, как ненавидит она эти вечные переезды.

Не стоит разглашать тайну, как много ей приходится работать, чтобы поддерживать магазины на должном уровне, и как она разочарована и обижена, что отец ни разу так и не посетил их.

О ее усилиях Ллойд судил лишь по финансовым отчетам. Но для отца она неудачница, и все тут. Нет, не стоит во все это углубляться, ни в коем случае.

Она вздохнула, вдруг осознав, что палец ее лежит на нижней губе Мэта. Пораженная, она не отрываясь смотрела на его рот — на эти слегка приоткрытые губы. Мысли приняли совсем другое направление: у него самый замечательный рот, самая прекрасная смуглая кожа, самые чудесные волосы, какие она когда-либо видела... Безоглядно они изучали друг друга, признаваясь во взаимном интересе, бесстыдно предаваясь запретному влечению. Чувственные воспоминания о вчерашнем поцелуе пронзили ее тело, маленькие жаркие вспышки возникали

то здесь, то там и, казалось ей, отражались в ударах сердца Мэта...

Они играли с огнем, и оба это знали. Неприлично, неуместно ей лежать здесь, рядом с ним, в шезлонге и допускать, чтобы переплетались их души, их жизни. Ведь она встречается с удивительным мужчиной, и он ничем не заслужил такого поведения с ее стороны. А этот, по которому она сходит с ума, — убежденный холостяк, повенчан со своей работой, разочарован в любви. Сейчас для нее — и для него тоже — самое время спасти свою честь, если она еще не окончательно утеряна.

— Уже поздно, Мэт, — прошептала она.

— Прежде чем ты уйдешь и мы оставим то, о чем говорили... — Мэт притронулся пальцем к внутренней стороне ее запястья — простейшее прикосновение, однако она почувствовала, что тает от него.

— Да?.. — задыхаясь, прошептала она.

— Я вот что думаю, Кейла: ты должна жить своей собственной жизнью, а не той, которая, по твоему мнению, произведет впечатление на отца.

И только? Кейла была разочарована. Уж не ожидала ли она, что он скажет что-то другое?

— Знаешь, твоя бабушка права: жизнь — это не генеральная репетиция. У тебя, как у всех нас, только одна жизнь, и, может быть, пришло время взять ее, как говорится, за рога и — изменить в корне. Это непросто, конечно, но овчинка стоит выделки. А иначе... иначе ты рискуешь никогда не стать по-настоящему свободной и счастливой. — Он сел прямо, опустив ноги на кафельные плитки.

Оба молчали; тишину нарушал только шелест пальмовых ветвей да еще биение их сердец.

Воздух между ними был наполнен взаимным влечением, страстным желанием... и громадным напряжением — преодолеть это. Мэт проглотил ком в горле и отвел от нее взгляд. Нет, они бы не поцеловались, не смогли бы, не теперь: что-то изменилось между ними. Вчера еще она могла бы истолковать его порыв как жест дружбы.

Но такая страсть пылает сейчас в его глазах — слишком подлинная, чтоб не заметить... Итак, что-то перевесило его колебания.

Ее охватил стыд: быть связанной словом с Фрэнком — и цепляться к Мэту, флиртовать с ним; замирая, ждать его прикосновений, прижиматься к нему под звездами... Какое же она все-таки бессовестное создание!

Кейла поднялась — злая и печальная, расстроенная и смущенная.

— Я пойду, Мэт. Страшно устала.

— Да. И я тоже. — Но не встал, не последовал за ней.

Спустя полчаса она выглянула в окно: все еще сидит в шезлонге, посеребренный лунным светом Багам, затерянный в своих мыслях...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Кейла прометалась всю ночь, путаясь в паутине обрывков их беседы. «Жить своей собственной жизнью...» — так говорил Мэт. Но как сделать этот поворот? Предприятие розничной торговли, которым она управляет, стало для нее чем-то гораздо большим, чем она представляла себе тогда, в двадцать два года. Она даже не уверена, что у нее есть охота к свободе.

Мэт завел разговор о ее жизни, когда они обсуждали брачный союз Рут и Филипа; она выразила свою полную растерянность, даже страх: что говорить отцу? Мэт предлагает отстаивать право Рут выходить замуж за кого ей угодно — вот, в общем-то, и все. Но основы ее собственного существования оказались вдруг потрясенными. И в самом деле, как объяснить отцу всю непростую ситуацию?

Наконец сон сморил ее, но рассвет наступил слишком быстро. Когда Кейла спустилась вниз, под глазами у нее образовались круги, а в сердце потребность уничтожать всех и каждого.

Напрасно она пыталась убедить себя, что ее состояние — одно из тех необъяснимых дьявольских настроений, которые когда-то овладевают каждым. Нет, это не так: настроение имеет источник, и имя его — Мэт Рид. Ни на веранде, ни в саду никого, но ворота открыты... Прихватив апельсин с накрытого к завтраку стола, она пошла к воротам.

Мэт, вот он — лежит на пляже, лицом вниз.

Когда тень ее коснулась его спины, он попытался разлепить заспанные очи — безуспешно, снова заснул. Да-а, видно, ночь он провел не лучше ее. При одном взгляде на него сердце у нее так и перевернулось. К черту этого мужчину! Неужели он теперь будет поднимать в ней такой вихрь эмоций?

— К-какого черта? Что такое? Кто это?.. — Он поднялся, ничего не соображая.

— Это я. Доброе утро. А где все? — Ей удалось сохранить спокойный, дружелюбный тон.

Мэт подозрительно покосился на нее.

— Ушли совершать утренний моцион.

— Как бабушка себя сегодня чувствует?

— Лучше. — Он расстелил полотенце так, чтобы они могли сесть на него вдвоем. — Кейла, пока они не вернулись, нам надо поговорить.

— О чем? — Она продолжала стоять.

— О том о сем. Сперва — о том, что Рут с отцом решили сразу, как поженятся, отправиться в Нассау и просят нас остаться на это время здесь, присмотреть за домом.

— Как — одним?! — Дыхание ее сразу участилось.

— Ну да. Их и не будет-то только одну ночь.

Не раздумывая, она энергично замотала головой.

— Я не могу! Не хочу!

— Кейла, если мы не согласимся, им нельзя поехать, а они очень-очень хотят. И второе — я уже сказал Рут и Филипу: я буду шафером у них на свадьбе.

Теперь она уже просто-напросто не могла дышать, и давление, видно, подскочило — будто сгустившийся пар затуманил голову.

Он схватил ее за левую щиколотку и потянул к себе. С визгом она опрокинулась на песок.

Потом подобрала улетевший в сторону апельсин, соскребла с него песок и принялась чистить.

— Возможно, я не совсем правильно оценила угол, в который ты меня загнал.

— Какой такой еще угол?

Она бросила на него выразительный взгляд.

— А твое необычайно великодушное решение быть у них шафером? Представляешь, каким ничтожеством я буду выглядеть, если не последую твоему примеру?

— Минуточку. Разве ты вчера не согласилась, что мы не имеем права им мешать? А-а, понимаю. Ты не прочь быть фрейлиной, но не желаешь брать на себя ответственность. Хочешь во всем обвинить меня — будто это я загоняю тебя в угол. Должен тебя огорчить, дитя мое, — в такие игры я не играю. Давай-ка, Кейла, отвечай сама за свои решения.

— Дай мне время. — Она медлила, отводя взгляд, который, как она надеялась, выражал презрение — опять он попал в больное место. — А-а, приготовься, вот они идут. — Кейла приклеила на лицо улыбку. — Доброе утро, бабушка, Филип! Как сегодня себя чувствуешь, бабуля?

— Прилично. Но, если вы не возражаете, мы с Филом сегодня останемся дома. Надо сделать последние распоряжения по поводу нашей свадьбы. А если честно — просто хотим немного расслабиться.

— Но пусть это не мешает вам развлекаться, — добавил Филип.

— Расслабиться — это звучит прекрасно, — согласился Мэт, тяжело опрокидываясь на спину.

— Мэт уже сказал тебе, — Рут волновалась, — что согласился быть у нас шафером?

Кейла наконец очистила апельсин и бросила кожуру паре зорких морских чаек, которая немедленно с жадностью все проглотила.

— Да, бабушка, сказал.

Старики с преувеличенным восторженным вниманием устремили взоры на чаек, но Кейла знала, о чем они сейчас думают, чего от нее ждут. Сердце ее забило быстрее, и, когда напряжение достигло такой силы, что стало невозможно дышать, она, сдаваясь, вскинула вверх руки.

— Хорошо, я согласна! Я буду у вас фрейлиной!

— Все еще в сомнениях-колебаниях? — спросил ее Мэт через несколько часов. Они ехали в центр Фрипорта, за платьем для предстоящей торжественной церемонии. — Уж не передумала ли?

— Да нет, не передумала. — Настроение у нее и впрямь было скверное. Лучше смотри, куда едем.

В старой части города Мэт, даже не выяснив, есть ли поблизости магазин одежды, вырулил на обочину дороги и выключил зажигание.

— Не испытываю ни малейшего удовольствия от того, что я мишень твоей злости, или страха, или черт знает чего еще, что ты чувствуешь, думая о звонке отцу.

Она уже не владела собой.

— Замолчи! Я уже все усвоила, что можно почерпнуть из твоей дешевой психологии.

Мэт запустил пальцы в волосы и уронил локти на руль.

— Моей — чего?

— Ты прекрасно слышал, что я сказала.

Множество вещей, о которых мы говорили прошлой ночью, сегодня уже не имеют никакого смысла. Вся эта чепуха насчет «жить собственной жизнью», «никогда не будешь свободной и счастливой» и прочее. Свободной от чего, Мэт?

Я жила в шести великолепных городах, я — преуспевающая деловая женщина, у меня есть жених. К какой еще свободе и счастью ты хочешь, чтобы я стремилась?

Он медленно повернул к ней голову и устремил на нее один из тех взглядов, которые выдержать она была не в силах.

— Ты вся покрыта шрамами. Хочешь взять на себя ответственность за свою жизнь, но не знаешь, как это сделать. Ты себя чувствуешь полностью связанной.

— Думаешь, я не заметила твоих шрамов?

— Каких же?

— Прямо на фасаде.

— Вот как, даже на фасаде? — Он усмехнулся, саркастически растягивая слова.

— Вот именно. Ты — не само совершенство, и прекрасно это знаешь. У тебя тоже есть пунктики.

Выражение его лица не изменилось, но она почувствовала, что задела его за живое.

— Если ты имеешь в виду смерть мамы...

— Я имею в виду твой брак, мистер закоренелый холостяк.

— Мой брак? — Он вдруг стал неприступным, резким, холодным.

Кажется, не стоило касаться этой щекотливой темы.

— Оставим это, ладно? — Она собралась выйти из автомобиля.

Мэт схватил ее за руку.

— Так что там насчет моего брака?

Она задыхалась, но продолжала жалить его:

— Ну, мне кажется, ты все еще не можешь смириться, что он... не удался.

— Какая же здесь связь, — Мэт довольно удачно передразнил ее интонацию, — с тем, что я «закоренелый холостяк»?

О, ей ненавистен способ, которым он ее провоцирует, ненавистен этот лед в его глазах!

Она спешно подыскивала выражения — пусть не звучит все же то, что она произнесет, чересчур уж резко.

— Неудача плохо пахнет, Мэт. И она ранит.

Это так естественно — стать осторожным в отношениях с женщинами. А еще лучше, чтобы скрыть свои проблемы, спрятаться за личиной беззаботного холостяка, интересующегося только своей карьерой.

— Ты в этом уверена?

Кейла кивнула по инерции, но в пылу сражения уже утратила боевой задор — почти весь.

У нее и правда было желание нанести ему удар, досадить, но одновременно — прозондировать почву и проверить, насколько права Рут, поделившаяся с ней вчера мыслями о Мэте, о его душевном состоянии. Но только сейчас, глядя в эти глаза, она до конца осознала всю глубину раны, которой неосторожно коснулась.

Кейла наконец выдавила:

— Ты ничего не скажешь в ответ?

Спокойным, низким голосом, от которого она похолодела, он произнес:

— Скажу. Выходи.

— Что?

— Отправляйся за покупками. Я тебя встречу здесь через час. — Без дальнейших объяснений он вышел из машины, хлопнул дверцей и зашагал по раскаленному от зноя тротуару.

Домой они вернулись оцетинившиеся и до конца дня подчеркнута избегали друг друга.

Кейла около часа проработала у себя в комнате, а он в это время сидел во дворе — читал. Стоило ему подняться вверх — она тут же спускалась вниз. Оказываясь одновременно на лужайке, оба старались находиться на почтительном расстоянии друг от друга. Так и прыгали они вокруг дома, как шашки на игральной доске, излучая враждебность во взорах, если дорожки их случайно пересекались.

Поистине изнурительное времяпрепровождение. Поплакав немного, Кейла плюхнулась животом на пляжное полотенце и мгновенно уснула.

Проснулась она скоро, с тревожным от сумбурных снов ощущением не только в голове — во всем теле. Или это от палящего солнца? Она села и выпрямилась, еще затуманенная сном, еще чувствуя головокружение от его водоворота.

Наконец сон отступил, оставив ее с чем-то вроде видений, галлюцинаций, грез наяву. С трудом поднялась она на ноги и направилась к воде; если бы вокруг нее зашипело облако пара, когда она погрузилась в воду, нисколько бы не удивилась.

Жуткое настроение, с которым Кейла проснулась на пляже в среду, определялось главным образом тем, что солнце уже пошло на четверг.

А четверг — это, в конце концов, день свадьбы Рут и Филипа. В их присутствии ей надлежит быть с Мэтом по крайней мере вежливой.

И Мэт, казалось, пришел точно к такому же заключению. Но взаимная вежливость была очень уж угрюма. За завтраком они старались не встречаться глазами и, обращаясь друг к другу, цедили слова сквозь зубы.

После завтрака Кейла предложила Рут свою помощь — одеться и все такое прочее. Рут пришла в восторг и повела внучку к себе.

Она сидела перед зеркалом за туалетным столиком в своей спальне, а Кейла сушила ей феном только что вымытые душистым шампунем волосы, экспериментируя с разного рода насадками.

Наблюдая за бабушкиным отражением в зеркале, Кейла была потрясена: глаза ее просто излучают счастье. С чувством благоговения наклонилась она поцеловать бабушкины кудряшки.

Сердце ее переполнялось любовью и благодарностью к Рут за все те годы, которые она потратила на нее, на то, чтобы заменить ей мать.

— Вот теперь, надеюсь, прическа будет в целости и сохранности до самого Нассау. — Кейла поставила на столик флакон с лаком для волос.

— Спасибо тебе, дорогая. Помоги мне только застегнуть молнию на платье — и ты свободна, занимайся собой.

Кейла сняла с вешалки наряд цвета слоновой кости — Рут купила его перед приездом сюда у «Лорда и Тейлора».

— Надеюсь, девочка, ты не станешь возражать против нашего маленького путешествия. Завтра вечером мы уже вернемся.

— Какие могут быть возражения? Это же твой медовый месяц.

— А когда мы уедем, вы с Мэтом будете умничками, да?

Зоркая — заметила, видно, что они поссорились.

— Повернись, — попросила Кейла, игнорируя замечание. — Мне только непонятно, зачем тебе надо, чтобы я торчала здесь до твоего возвращения. Она застегнула молнию и накинула на платье прелестный жакет с широкими, короткими рукавами-крыльями.

— Наверно, сейчас самое время объяснить тебе. — Рут проскользнула в жакет и поправила отвороты на груди. — Я много думала о твоих переживаниях, Кейла, о том, что тебе предстоит, когда ты вернешься в Бостон и тебе придется все сказать отцу: что я вышла замуж за Фила, а ты была моей фрейлиной. И вот что я решила: я поеду с тобой — мы сообща преподнесем ему эту новость. Кроме того, по приезде я подпишу документы о передаче ему всех своих полномочий в компании.

Кейла слушала ее удивленная, потрясенная.

— Ты уверена, бабушка, что хочешь этого?

Ты не пожалеешь потом?

— Нет, Кейла. Я потеряла прежний интерес к заводу. Если Ллойд так хочется — пусть управляет.

— А как же быть с твоим отдыхом? У тебя ведь еще целая неделя здесь.

— А я сразу вернусь, как только все устрою в Бостоне.

Кейла вздохнула с облегчением — кажется, это самый ее свободный вздох за всю неделю.

— Прекрасно, бабушка. Так я закажу нам билеты на субботу.

Свадебная церемония состоялась в саду Гроувзов — двенадцатиакровом раю, названном так в честь основателей Фрипорта — Джоржет и Уоллиса Гроувз. Это была очень простая церемония, проведенная местным официальным лицом и засвидетельствованная кучкой посетителей сада, очень обрадованных неожиданным и таким приятным дополнительным развлечением.

Ни марша Мендельсона, извлекаемого из громоподобного органа, ни цветных витражей, ни горящих свечей — в высшей степени просто, но Кейлу тронула до слез эта лаконичная красота.

Сложные, волнующие чувства переполняли ее, когда она, фрейлина, стояла со стороны бабушки. Теплый, влажный воздух, напоенный запахом экзотических цветов и трелями загадочных южных птиц, обволакивал присутствующих.

Мэт стоял со стороны отца, свободно сцепив пальцы рук. На нем были самый обычный, спортивного кроя пиджак из хлопка, белая рубашка и серые брюки; зато галстук — явно новый. Взгляд его неподвижен, а мысли, кажется, витают где-то далеко. Интересно бы знать, о чем он сейчас думает. Вид у него далеко не безмятежный. Неужели все еще переживает ее атаку?

Неожиданно Кейла заметила на себе внимательный взгляд его оживших теперь, взволнованных глаз и чуть-чуть улыбнулась ему: пусть поймет — она просит не сердиться за вчерашнее, между ними нет такой дистанции, какая создалась за эти сутки. И-о чудо из чудес! — он улыбнулся в ответ; она сразу почувствовала, как всю ее охватывает знакомый жар.

Он изучает ее, оглядывает с головы до ног...

Что ж, сегодня она ничего против этого не имеет — выглядит вроде недурно. Туалет она выбрала романтический, женственный, с венецианскими кружевами в серо-голубых тонах, прелестно подчеркивающими персиковый тон ее кожи и светлые волосы. Необычно долго возилась с макияжем, с особым тщанием расчесывала щеткой кудри, пока они не заблестели и не легли свободными золотыми волнами.

Да, она хотела быть для него как можно привлекательнее, ради этого приложила столько стараний. И еще — чтобы он желал ее, как она желает его. Глупо, конечно, и бессмысленно: они, вероятно, никогда больше не увидятся, после того как она вернется в Чикаго.

Между тем Рут повторяла: «...в радости и в горе, в богатстве и в бедности...»

Мэт однажды уже произносил те же слова...

Нет, только воистину сумасшедшая женщина оставит такого мужчину!

— А теперь я объявляю вас мужем и женой! — торжественно объявил священник.

Слава Богу, церемония окончена. Филип запечатлел поцелуй на щеке Рут зрители азартно зааплодировали. Кейла стряхнула с себя оцепенение и шагнула вперед, чтобы присоединиться к поздравляющим.

— Мои поздравления, папа! — Мэт обеими руками сжал руку отца, а потом повернулся к Рут и тепло ее обнял.

Кейла последовала его примеру. В момент сплетения рук и произнесения наилучших пожеланий она уголком глаза наблюдала за Мэтом. Теперь они одна семья, что бы ни случилось в их жизни; одна семья, образованная этими двумя немолодыми, преданно любящими друг друга людьми. Ей стало как-то тепло и радостно.

В саду они пробыли еще около часа, прогуливаясь по тропинкам, восторгаясь буйной

растительностью и делая снимки. Рут и Филип шли вдвоем, рука в руке, на некотором расстоянии от молодых людей, — им хорошо вдвоем, и мешать они никому не хотят. Кейла и Мэт после вчерашней ссоры чувствовали себя неловко, и оба упорно молчали.

Молодожены остановились у «бассейна исполнения желаний» — дно его было усеяно монетами. Посмеиваясь, как подростки, они наклонились над ограждением и бросили каждый по монете.

— А вы не загадаете желание? — удивилась Рут.

Мэтью в ответ лишь пожал плечами, а Кейла неестественно засмеялась.

— Мы не так богаты, чтобы швыряться деньгами.

— О Господи! — воскликнула Рут, но не рассердилась, слишком была для этого сегодня счастливая.

Они с Филипом просто ушли, предоставив этим молодым старичкам делать что хотят.

Кейле стало совсем не по себе, она шагнула к перилам и уставилась на расходящиеся по воде круги. Почему она не приняла участие в этой безобидной, веселой игре — загадать желание?

Мэт облокотился рядом с ней на перила.

Они завороченно смотрели на залитый солнцем бассейн, и Кейла подумала: почему бы не теперь? Это так легко — загадать желание, вынуть монету из кошелька и швырнуть ее в бассейн?

Чего бы она себе пожелала? Успеха своим магазинам? Чудесной свадьбы? Долгого, счастливого брака? Умных, здоровых детей? Естественные желания на этом этапе ее жизни... Не сознавая до конца, что говорит, она пробормотала:

— Будь осторожен, загадывая желание...

Близко-близко к ней, чуть не касаясь, Мэт закончил:

— ...ибо может оно исполниться.

Будто под действием неведомой силы, Кейла повернулась взглянуть на него; он сделал то же.

— О, Мэт, я вся в шрамах! — воскликнула она. — Ты абсолютно прав. И потому я была вчера такой ведьмой.

Улыбка согрела его взгляд.

— Знаю, Кейла.

— Я не понимаю, кто я и куда двигаюсь.

Он провел тыльной стороной ладони по ее щеке.

— Может, ты не так уж и растерянна, как представляешь. По-моему, участие в этой свадьбе — очень верный шаг на твоем пути. Все дело в том, как далеко ты захочешь и сумеешь пойти.

Признание висело между ними в воздухе — признание, о котором он, возможно, и не подозревал... или подозревал?

Утонувшая в его глазах, Кейла чувствовала себя в безнадежном плену его обаяния. И в это мгновение она поняла, что есть другая причина — возможно, она-то и подлинная — ее вчерашней злости и неуправляемости. Никакие заклинания не помогут ей спастись от неудержимого влечения к Мэту — душа ее, видно, имеет на этот счет собственное мнение. И нет у нее никакой защиты от его колдовских мужских чар, от этой своей уязвимости. Разум ей диктует, что надо делать, а сердце совершает лишь то, что ему, сердцу, отрадно...

— Мэтью? — Голос Филипа донесся как с другой планеты.

Кейла томно вздохнула и медленно повернула голову... Мэт проглотил ком в горле и с трудом отвел от нее взгляд.

— Да, папа? Вы уже...

— Ты нас не сфотографируешь?

— Ну конечно, папа, с радостью. Оставайтесь там, на месте. Не двигайтесь!

Из сада Гроувзов Мэт привез их в уединенный ресторан со столиками, расставленными прямо на пляже. В этой обстановке они в своих костюмах выглядели явно нелепо. Ну и пусть — не оставаться же без ланча?

Окончив пиршество, сразу поехали в аэропорт.

— Мы вам позвоним завтра вечером, когда будем возвращаться, — напомнил Филип.

— Ждем вас дома с нетерпением! — заверил Мэт.

— Ах да, не забудьте: на сегодня вам заказан обед в ресторане на пляже. Приглашительные билеты — на обеденном столе.

— И помните, — погрозила пальцем Рут, — живите дружно!

— Вам пора! — Кейла подтолкнула их к дверям терминала.

Подождали, пока взлетит самолет, медленно развернулись и направились к выходу.

— Итак, чем бы ты хотела заняться, Кейла?

— Прежде всего — переодеться во что-нибудь удобное. — Она толкнула дверь.

— Отличная мысль. А потом?

— Позвонить домой, — Кейла закусил губу, — рассказать обо всем отцу.

Мэт приостановился на мгновение.

— Ты уверена, что это нужно, и именно сейчас?

— Да, несомненно.

— Но Рут же вызвалась вернуться с тобой.

— Знаю-знаю. Но в ее возрасте, с ее здоровьем такой стресс... Нет! Объявить отцу, что она вышла замуж за Филипа, — моя проблема и моя обязанность. Самое малое, чем я могу ей помочь, — это позвонить и принять на себя первый удар.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ожидая, пока ее соединят, Кейла тупо смотрела на свои пальцы, теребившие ковер.

Наконец щелчок:

— Добрый день. Компания Брейтонов.

Она вся подобралась, сосредоточилась; пульс звоном отдавался в ушах. Отец в офисе, сам снял трубку.

— П-привет, п-папа.

— Кейла?

— Да, я.

— Ну, молодая леди, наконец-то вы удосужились позвонить.

Упрек отца мгновенно ее сразил — выработанный рефлекс. Она почувствовала, как пот течет по ребрам.

— Ну?! — требовал он. — Скажешь ты наконец, что там происходит?

Она взглянула на внутренний дворик, куда вежливо удалился Мэт, усевшись под фиговым деревом с книгой в руках, которую, по всему видно, не собирался читать.

— Для этого я и позвонила, отец.

Ллойд воспринял новость ужасающе — куда хуже, чем она ожидала: он просто взорвался.

— Твоя бабушка... она... сделала это? Она посмела?!

Кейла пыталась объяснить, привести доводы в пользу решения Рут. Даже передать отцу радость новоиспеченных супругов, их новый интерес к жизни, пользу для здоровья... Тщетно — для отца все это ничего не значило. Прервав ее сбивчивую речь, он поперчил свою оскорбительным выпадом и закончил с горечью:

— Эх, и почему я не послал Гордона!

Слезы подступили к глазам, но голос не подвел ее:

— В любом случае послезавтра я дома. — Она промокнула рукавом глаза. Бабушка прилетает со мной. Ради Бога, я надеюсь, ты успокоишься, будешь рассудителен и объективен. — И раньше, чем он сумел добавить боли в ее и так уже израненное сердце, она поспешно попрощалась и положила трубку.

Стояла не двигаясь, с опущенными по бокам руками, тупо уставившись на телефон. Скребущее чувство неудачи переполняло ее — неудачи, некомпетентности, отверженности... Она не слышала, как открылась дверь, но почувствовала — это Мэт; в одно мгновение он оказался рядом, притянул к себе, крепко прижал. В горле что-то болело, мешало, но она оцепенела настолько, что была не в состоянии двигаться и... позволила себе заплакать.

— Все в порядке, дорогая, — шептал он, сильнее прижимая ее к груди.

Она уткнулась в его тепло и надежность, сжав зубы и закрыв глаза.

— Ну все же удалось, все получилось, — нежно уговаривал ее Мэт, глядя по спине. — Ты это сделала. А теперь все позади.

Она потерлась горячим лбом о его ключицу.

— Нет, Мэтью, не все получилось и не все позади. Отец... он мною недоволен, так... расстроен.

— Дай ему время, Кейла. Я вот уверен — он подумает над всем этим и увидит другую, светлую сторону.

Она подняла голову и с сомнением взглянула на него:

— Какую... светлую сторону?

Глаза его лукаво блеснули под полуприкрытыми веками.

— Спорю — Ллойд всегда сожалел, что у него нет брата. Знаю, всегда знал.

Кейла нахмурилась, пытаясь сообразить, о чем это он, — и вдруг залилась смехом.

— Бог мой, да ведь вы теперь с моим отцом... сводные братья!

Мэт улыбнулся, но по выражению лица было видно, что обретение такого братца не так уж его обрадовало.

— Да, все это делает нас какими-то там родственниками друг другу... будь я проклят, если б смог вычислить какими.

Он заключил ее лицо в свои руки — большие, добрые, какие они теплые, и гладил пальцами щеки. Глаза ее погрузились в его — надолго, глубоко. Мэт прав, они теперь и правда кто-то друг другу, но кто?..

Взгляд ее блуждал по его чертам, отмечал малейшие особенности: гладкость смугло-золотой кожи, маленькая завораживающая ямочка в изгибе верхней губы... Конечно, она и прежде встречала красивых мужчин, даже более красивых, но никогда ни к одному не испытывала такого притяжения. Это не просто реакция на приятное сочетание черт — ее чувство к нему глубже. Она может смотреть на него вечно и никогда не устанет им восхищаться — в этом она убеждена.

Мэт отнял руки от ее лица и отстранился.

— Тебе лучше, Кейла? Отошла?

— Да, все в порядке. Спасибо, Мэт.

Он с облегчением распрямил плечи.

— Ну, так как теперь? Чем бы ты хотела заняться в оставшееся у нас сегодня время?

Кейла, раздумывая, закусил губу: нужны активные развлечения, тогда время их пребывания вдвоем пролетит незаметно. И она щелкнула пальцами:

— У меня есть идея!

— Ты уверена, что тебе этого хочется? — осторожно выяснял Мэт.

Они сидели на стене, ограждающей пляж перед одним из огромных отелей, и заполняли специальный бланк, который по всей форме освобождал мореходную компанию от ответственности — на случай травмы пассажиров, ну и так далее...

— Мы не птенцы, — усмехнулась Кейла, скрывая волнение.

Заполнили бланки, уплатили — и попрыгали в воду, а потом вскочили в моторную лодку; у руля сидели молодые, спортивного вида багамцы. Мгновение — и они уже мчались от берега к движущемуся парому, где поджидала небольшая команда.

— Кто полетит первым? — спросил кто-то из членов команды.

Кейла сжалась от страха.

— Полечу я, — спокойно отозвался Мэт.

Ему помогли надеть специальное снаряжение. Тем временем рулевой подплыл в лодке совсем близко. Трос свободно тянулся от кормы к «упряжи» Мэта.

— Готовы? — крикнул матрос.

Мэт поднял большой палец вверх — взревел лодочный мотор. Для разбега в соответствии с инструкцией Мэт сделал два шага назад; мгновение — и он оторвался от судна. В следующий миг его подхватила волна — и он уже в воздухе... Однако Кейла с духом не успела собраться, как время пребывания Мэта в воздухе истекло.

Искусным движением рулевой подтянул трос к корме, и Мэта втянули в лодку; помогли устоять на корме, отцепили трос.

— Ну и как? — теребила она его за плечо, пока молодой багамец сновал вокруг нее, прицепляя теперь уже к ее «упряжи» плавающий в волнах парашют.

— Нечто не от мира сего, — усмехнулся Мэт.

— В самом деле? А не жутко?

Он еще и не ответил, а тот, кто готовил ее, уже пожелал певучим голосом:

— До встречи, до встречи, счастливого плавания! — И помахал рукой.

Кейла вскрикнула, почувствовав, что ее потащило вперед... Когда до нее донесся смех Мэта, она уже взлетала.

— Конечно, жутко! — вдогонку крикнул он. — То-то и здорово!

Впереди нее, одним с ней курсом, неслась лодка. Кейла зажмурилась и покрепче ухватилась за трос у самых своих ушей... Несколько секунд — и она осознала, что ведет себя глупо: теряет ценные мгновения такого краткого полета. Нет уж, она откроет глаза, впитает каждый миг, каждое ощущение свободного плавания в воздухе... Взлет оказался более плавным, чем она ожидала, и подъем в воздух вовсе не страшен. Тонкое, щемящее замирание сродни тому, какое испытываешь в верхней точке «чертова колеса».

Теперь главное — расслабиться; когда это удалось, она уже могла обозревать открывшуюся панораму: громадные пространства пляжей — белый песок и яркие цветные вкрапления загорающих людей. А самое поразительное, конечно, вода: живая, движущаяся, переливающаяся бирюза, такая прозрачная, что просматривается дно залива...

Эх, какая жалость, что не взяла камеру — показать бы отцу эту потрясающую картину. В памяти сразу всплыл телефонный разговор; слова отца, ранящие в самое сердце. Почему он считает — всегда — ее поступки глупыми? Разве она постоянно совершает ошибки? Вовсе она не глупа! А для него — простоватая, не уверенная в себе, а скорее, просто... нелюбимая. Ей еще с давних пор думалось, что в тайных своих мыслях он обвиняет ее в смерти матери. Ну вот, опять слезы подступают... Прочь эти мысли! Мэт прав: это ее жизнь, она сама должна выбирать, как ее прожить, и единственный человек, которому ей надо нравиться, — она сама.

Лодка примерно в трехстах шагах — и прекрасно. Вместо испуга Кейла испытала гордость за себя — сделала хоть что-то вопреки не только земному притяжению, но логике и здравому смыслу. Разведя руки в стороны до предела, она широко улыбнулась от радости. В это мгновение она — птица, огромная, яркая морская птица, подхваченная ветром... Увы — ее уже притягивают к лодке, она снижается.

— Как ты, дорогая? — улыбнулся Мэт, когда она приземлилась.

В ответ она только радостно вздохнула — никакими словами не передать пережитое там, на просторе.

— Давай мы сохраним это, Кейла.

Они обменялись многозначительными взглядами.

Остаток дня они провели, нежась на пляже.

Кейла наконец-то надела на левую щиколотку приобретенный втихомолку браслет из кораллов и даже приняла очередное предложение заплести косички. Ей заплели и украсили несколькими синими, как море, бусинками. Она хитро порекомендовала Мэту сделать то же самое.

Его ошастливили тремя коротенькими косичками и вплели в них черные бусинки.

Дома они нашли на столе пригласительные билеты на обед и рекламный листок с расписанной по всем канонам программой обеда. Пока Мэт чистил зубы, Кейла, устроившись недалеко от двери ванны, торжественно зачитывала эту программу вслух.

— «Традиционные багамские блюда — на любой вкус! К вашим услугам разнообразнейший буфет. Следом за ним вас ожидает зажигательное ревью местные национальные танцы и песни».

— И в котором часу все это великолепие?

— Обед — в шесть тридцать. Ревю — в восемь.

Взглянув на часы, он доложил:

— В принципе я готов, побриться только. А ты?

— Тоже. Преобразиться, конечно, надо.

— Представляю, это будет сногшибательно.

Кейла деланно застонала, развернулась и удалилась к себе преображаться. Когда она спустилась, Мэт сидел уже во дворе, вытянув ноги и сцепив на затылке пальцы.

— Ну как? — Она сделала шуточный пируэт — мол, оцените и меня, и мой наряд. Среди множества уступок, сделанных ею себе за прошедшую неделю, вот это прелестное, ниспадающее до щиколоток воздушное платье из тончайшего натурального хлопка. В круговом движении густо собранная пониже талии пышная юбка разлетелась и поплыла, а сверкающие ультрамарином бусинки в длинных, волнистых золотых волосах тихонько, призывно зазвенели...

Мэт даже рот раскрыл. Он приподнялся и улыбался как-то странно.

— Мило. Очень, очень мило. Даже... даже слов нет. — И подвинул для нее стул. — Присядь-ка на минуту, Кейла. Хочу тебя кое о чем попросить.

— О чем же, Мэт? — К естественному любопытству примешивалась изрядная доля тревоги.

— Предупреждаю — моя просьба покажется тебе... ну, странной.

— Бога ради, не тяни, что у тебя? И не смотри так торжественно — ты меня пугаешь.

Взгляд его стал напряженным.

— Ты пугаешь меня гораздо больше, дорогая.

— Ну так что же, что? — с трудом выговорила она.

Он потянулся к ней через стол и провел двумя пальцами по ее руке.

— Не снимешь ли ты на сегодня это кольцо?

Она молчала, потрясенная, будто уясняя — не ослышалась ли.

— Этот сапфир подарил тебе Фрэнк. Не окажешь ли ты мне любезность снять его? Только на сегодняшний вечер. Завтра снова наденешь.

— Но зачем? Не понимаю...

— Сегодня вечером я намерен кое-что сказать тебе. И скорее всего, буду вести себя таким образом... лучше, чтобы это говорилось и делалось в условиях, когда ты не связана столь очевидным напоминанием о... об этом человеке.

Ей показалось — все ее существо трепещет от радости. Прошло несколько секунд.

— Мэтью Рид, это же настоящее безумие!

— Кейла, мы всю неделю высекаем искры друг из друга. До сих пор мы делали вид, что ничего необычного не происходит, но больше я не хочу притворяться. — Глаза его горели таким огнем, что и пугали, и радостно будоражили. — Нам бы задуматься над этим и понять, куда это может нас завести.

— О чем тут думать — ни-ку-да.

Он улыбнулся нежно и как-то беспомощно.

— Разве что на небеса и обратно.

Вспыхнув, Кейла задрожала, ослабела — такой сладкий соблазн прозвучал в его голосе, не только в словах.

— Но надолго ли, Мэт? Все так сложно...

— К черту сложности! Расстраиваться из-за них я буду потом. — Он схватил ее руку и сжал пальцы почти до боли. — У нас не так много времени, дорогая. Если не сейчас, то когда?

Действительно — когда? Эта ночь — единственная, когда они вдвоем. Через день они уедут отсюда... Захваченная его страстными и в то же время так сдержанно и серьезно произнесенными словами и этим особым взглядом, Кейла, стараясь быть спокойной, выдохнула:

— Сумасшествие, конечно, но что ж... если это делает тебя счастливым... — Она сняла кольцо и вопросительно взглянула на Мэта.

Он решительно кивнул на дом. Пожав плечами, Кейла зашла туда и оставила кольцо на кофейном столике с мыслью: «На что я только согласилась?» Но блаженное безрассудство уже захватило ее как знамение того, что в жизни ее вот-вот произойдет что-то поразительное и волнующее.

После такого удивительного по откровенности разговора между ними Мэт больше не старался скрывать свое к ней отношение. Когда говорил, смотрел прямо в глаза; когда улыбался — весь мир принадлежал только им двоим.

Держась за руки, Мэт и Кейла шли медленным шагом. Торопиться им незачем — оба понимали, что уже не минуют друг друга... Поднялись по ступенькам к площадке отеля; в павильон входили под негромкую музыку духового оркестра. Для обеда расставлены столы, покрытые льняными скатертями, на каждом яркие цветы. К сожалению, столы были рассчитаны на четверых и более: сели еще с одной парой.

Как удавалось Мэту во время общей беседы дать ей почувствовать, что они одни в целом мире, — этого секрета Кейла не знала. Он свободно общался с симпатичной парой среднего возраста из Оттавы — и в то же время удерживал Кейлу в поле своего постоянного внимания.

Реклама не солгала — еда и правда была превосходной. Ревю проходило перед Кейлой как во сне: певцы и певицы; пожиратели огня; исполнители танца лимбо; музыканты, играющие на стальных барабанах, — все проплывало перед ней в счастливом розовом тумане.

Только финал полностью захватил их внимание — праздничный парад Джанкэну. Распорядитель церемонии объяснил: Джанкэну — местный праздник, начинается он до рассвета, когда вдруг из-за холмов доносятся звуки барабанов, рогов и свистков. Как раз в этот момент, когда он все это рассказывал, из-за сцены донесся шум. По столам пробежал удивленный шепот.

— Эти звуки все приближаются, — продолжал распорядитель, — и перед вами предстают мужчины в красочных костюмах. И тогда вы понимаете: вот что такое Джанкэну!

Кейла от неожиданности чуть не вскрикнула: ярчайшее шествие шеренги из тридцати мужчин предстало перед ее взором. Танцоры, в фантастических головных уборах, ярко разрисованных бумажных юбках, испуленно, ритмично двигались, сходя со сцены прямо в зал.

— Все встаем! — весело командовал распорядитель. — Образуем живую линию!

Кейла взглянула на Мэта: он взял ее за руку и встал. Вместе с другими они влились в танцующую цепочку, извивающуюся между столами.

Бедро к бедру, свободно расположив руки на спинах друг друга, Мэт и Кейла продвигались вперед, танцуя в ритме барабанов.

Парад протопал через несколько вестибюлей и залов, сотрясая здание отеля и будоража гостей шумом и громом. В главном фойе все остановилось музыканты и танцоры раскланялись во все стороны и удалились через парадную дверь.

— Какой легкий, изобретательный и бесповоротный способ показать — вечер окончен, — с удовольствием констатировала Кейла. — Поднять всех с мест, увести из павильона и оставить в фойе!

Дойдя до лестницы, спускающейся к пляжу, Кейла и Мэт остановились, захваченные открывшимся перед ними волшебным видом.

Аромат цветущих растений подслащивал теплый ночной воздух, смешиваясь с соленым запахом моря. Красота эта опьяняла ее, ритмы, запахи, сам привкус этого дня — все окружающее врезалось в память Кейлы.

Несколько фонарей на дорожке за ними, обращенных к пляжу, подсвечивали воду и песок. Кейла заметила, что они с Мэтом отбрасывают длинную причудливую тень она простирается по песку и покрывает рябью набегающие волны...

— Если нам суждено вернуться в Штаты, — задумчиво, почти про себя проговорила она, — давай оставим здесь... хоть наши тени.

— В этом что-то есть. — Мэт обнял ее.

Они брели по пляжу, перешептываясь, временами напевая отрывки песен, прозвучавших сегодня вечером. Иногда просто молчали, но молчание не было легким: сладкое волнение будоражило кровь Кейлы, рождало предвкушение, пожалуй сравнимое с... ожиданием рождественского утра в детстве... Вот уже и дом их виден — оба замедлили шаги и наконец одновременно остановились. Мэт повернулся и тесно прижал ее к себе.

— Мэт, я... я не уверена, что это разумно... — прошептала она.

— Ничего не могу с собой поделать — ты околдовала меня. — Мэт прижался губами к ее губам.

Когда он наконец оторвался от нее, то сразу заметил, как сильно бьется жилка у нее на шее.

— Ох, леди, у меня от вас кружится голова.

Она улыбнулась, расслабленная, разгоряченная своей властью над ним.

— Желаете испытать нокаут?

— Не говорите таких вещей, леди, паренек может истолковать их неправильно... — Он не закончил фразу, не смог — просто подчинился непреодолимому зову крови.

Этот поцелуй, более властный, чем первый, казалось, никогда не кончится. Пальцы их запутались в волосах друг друга; он гладил ее по спине, она делала то же, тела их сгорали от желания...

«Мы уже почти на небесах...» — подумала Кейла, а он все глубже проникал своим ртом в ее рот. Но в следующее мгновение она решила: «Нет, это еще не рай...»

К тому времени, когда они отстранились друг от друга, Кейла будто уже вся растворилась в Мэте, в том волшебстве, каким был он для нее, в жаре, пульсирующем внутри ее. Она ощущала себя живой, чувственной, прекрасной как никогда.

— Кейла, Кейла! — хрипло нашептывал Мэт, все крепче обнимая ее. — Ты сводишь меня с ума! Я уже говорил тебе это?

Она улыбалась, воспаряя к небесам от счастья — ни с чем не сравнимое чувство!

— Что же произошло с нами за эту неделю? — шептал он, прижимая ее к себе. — Такого я никак не ожидал, нет, не думал даже...

— В каком смысле? — Она вырвалась и лукаво, даже кокетливо смотрела на него. — Разве я такая уж дворняжка, что нельзя и представить себе, как это можно увлечься мною?

Мэт засмеялся счастливо, обнимая ее еще крепче и покачивая. Ей нравился хриплый выдох, исторгающийся из его груди, лесной запах его лосьона.

— Ты притворяешься? Или в самом деле не знаешь, как ты очаровательна? Взгляд его ласкал, обжигал и пожирал ее.

— Приятно, когда льстят, но на самом деле...

— У тебя неброская красота, Кейла. Кто-то, может, ее и не замечает. Но то слепые мужики и глупые парни. Я горд, что ее увидел, разглядел. Твоя красота проявляется не вдруг. И отдается где-то глубоко внутри, когда меньше всего ожидаешь. И нет здесь никакой ошибки, что ты явилась мне.

Она явилась ему... Кейла вся трепетала под нежной атакой его слов.

— И ты... и ты явился мне, Мэт, — прошептала она наконец — произнесла то, что ей хотелось сказать с тех времен, когда была еще девочкой. — Это навсегда!

Он притянул Кейлу к себе движением почти грубым в своей неожиданной горячности и обхватил ее рот своим. Руки его соскальзывали вниз по ее спине, пока не оказались на бедрах, и он плотно прижимал их к себе, мял тонкую ткань платья.

— Если мы сделаем кое-что еще, — прерывисто дыша, говорил он, — этому платью недолго оставаться на тебе...

Кейла и страшилась этого, и ждала, и хотела, и клялась себе не допустить, но вместо всего ухмыльнулась во весь рот, как Чеширский кот.

— Это обещание?

Глаза его сузились и дьявольски сверкнули.

Когда он метнулся схватить ее, она сильным ударом в грудь оттолкнула его и, смеясь, рванулась в направлении дома. Ей не удалось сделать и двух шагов, как он схватил ее за запястье и потянул назад, крутанув так, что она потеряла равновесие... Он рухнул вместе с нею, они переплелись руками и ногами, смех их прокатился по утопанному влажному песку у кромки воды.

Лунный свет серебрил его сильные плечи, густые темные волосы, черные бусинки ниспадали на висок при малейшем движении.

Волна прокатилась по ее ногам, залила туфли, поднялась к бедрам.

— Ух, платье намокло! — Кейла напрягла все силы и перевернула Мэта на спину, отчетливо сознавая: если б сопротивлялся, где ей с ним справиться.

Накатила очередная волна, и она почувствовала, что Мэт старается из-под нее вывернуться...

— Ага! Ну как, нравится тебе быть мокрым и поверженным? — быстро проговорила она, задыхаясь, накрывая его своим телом и прижимая к песку.

От лунного света глаза его стали прозрачными, как хрусталь.

— Сырость я еще стерплю, а вот рукоприкладство... — смеялся он.

Кейла подпрыгивала на нем в ритме его дыхания — подъема и спада груди.

— Оно... призывает меня к действию.

— Все призывает тебя, Мэтью.

— Точно! — подтвердил он, перевернув ее так резко, что она стала бездыханной. — Особенно дерзкие, соблазнительные блондинки, с синими бусинками в волосах и губами, созданными для любовных восторгов.

К тому моменту, когда он высказал все это, она больше не улыбалась, и он тоже. Лежали молча, вглядываясь друг в друга; он медленно наклонил голову и поцеловал ее. Она прижалась к нему, ответив на поцелуй.

Мэт поднялся, потянул ее за собой. Платье, намокшее, все в песке, плотно обкрутило, облепило фигуру, Мэт заботливо обнял ее за плечи, и они пошли вверх по пляжу, в направлении дома.

Сердце ее билось сильно и ровно. Сделают ли они то, к чему, в сущности, готовы? А готова ли она?

Когда Мэт закрывал ворота внутреннего дворика, заглушая ночное верещание сверчков и шум прибоя, ей показалось, что звенит звонок — кто-то стоит у входа в дом. Они непроизвольно переглянулись — и оба помрачнели.

— Ох, нет! — Тревога овладела ею. — Не случилось ли что с бабушкой?

Побежали к двери, на ходу вытряхивая из волос песок и приводя в порядок одежду.

Кейла со всех ног мчалась впереди Мэта, но, добежав почти до ворот, вдруг остановилась как вкопанная. Остановилось все: шаги, дыхание, сердце... Там, по ту сторону ворот, со сверкающим как лед взором стоял ее отец...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В оцепенении Кейла смотрела через ограду. Ллойд оглянулся.

— Кейла, ты? — Он был совершенно ошарашен.

Вдруг она осознала: света от фонарей на стойках ворот вполне достаточно, чтобы разглядеть бусинки у нее в волосах, мокрое, обвисшее от песка платье.

— Боже мой, девочка моя! Что с тобой? Что здесь происходит? Дай-ка мне войти.

Чувство унижения пронзило ее. Вперед вышел Мэт — с видом еще более хмурым, чем у Ллойда.

— Что вы здесь делаете, мистер Брейтон?

— Разговариваю с дочерью, если не возражаете.

Кейла пришла в себя.

— Все в порядке, Мэт. — Она положила ему руку на плечо. — Папа, и правда, что ты здесь делаешь? И как ты нашел это место?

— Позвонил Фрэнку, он мне сказал.

— Фрэнку? — Мэт обратился к Кейле: — А он-то, черт возьми, откуда узнал?

Кейла задрожала, вспомнив про свой звонок Фрэнку в тот вечер, когда только что сюда приехала. Мэт ругался себе под нос, а Ллойд постукивал пальцами по воротам.

— Ты меня когда-нибудьпустишь?

— Бабушки здесь нет, папа.

— Нет? А чем же вы здесь занимались, Рид?

— Успокойся, папа. Бабушка с Филипом просто уехали в однодневное путешествие. Утром вернутся.

— Ты хочешь сказать — вы здесь одни?

Кейла тщетно пыталась привести себя в порядок, заправляя волосы за уши и бессмысленно приглаживая ладонями мокрое платье. Голосок ее звучал жалобно и тонко.

Мэт обхватыв пальцами стойку и наклонился нос к носу к Ллойд, стоявшему за воротами.

— Мистер Брейтон, уже поздно. У нас с Кейлой был длинный день, нам бы сейчас принять душ и хоть немного поспать. А вам — найти приличный отель и сделать то же самое.

Глаза Ллойда стали узкими щелчками.

— О, да вы еще... вам придется просить извинения за это, Рид. А что, если я сейчас приду с полицией?

— А что, если вы все-таки уйдете?

— Прекратите! — выкрикнула Кейла. — Немедленно прекратите! Мэт, пусть он войдет!

Он со злостью выдохнул ей в лицо:

— Ты с ума сошла?

— Мэт! Это мой отец. Уже поздно, он, должно быть, устал. Не можем же мы оставить его на улице!

Мэт прошептал еще несколько ругательств и подчинился.

— Благодарю вас, — высокомерно произнес Ллойд.

Когда вошли в дом и попали на еще более яркий свет, Кейла приготовилась к новым объяснениям: их с Мэтом вид, разумеется, этого требует. Но Ллойд лишь взглянул на нее и разочарованно покачал головой.

— Присаживайтесь, — резко предложил Мэт. — Мы к вам спустимся через несколько минут. — Взял Кейлу за руку и слегка потянул за собой.

— Что? — Не понимая, она смотрела на него.

— Пойдем смоем песок.

— Ох да, конечно! — Поднимаясь по лестнице, она ощущала на себе осуждающий взгляд отца.

— Ты иди в душ, — предложил Мэт, — а я воспользуюсь ванной хозяев.

Она вошла в ванную комнату, страшась взглянуть на себя в зеркало. Теперь-то картина ясна до конца: губы припухли, на лице и шее красные пятна — бусинки Мэта натерли. В душе она прямо рыдала от отчаяния, а под душем только чуть-чуть всплакнула. Да, она унижена и чувствует себя как подросток, которого застали врасплох на заднем сиденье автомобиля.

И еще она зла — да, зла, еще как! Отец не имел права так поступать с ней. Приехал, видите ли, — не доверяет ей, пусть она еще раз почувствует, что никогда и ничего не может сделать как надо.

И уж конечно, у него нет никакого права расстраивать бабушку. Рут вышла замуж, расслабилась, впервые за много лет радуется жизни. Не хватало, чтобы на нее обрушилась ярость сына.

— Ты готова?

— Да-да, готова. — Она затянула пояс халатика. — Я... я вот что решила: тебе бы сейчас лучше пойти спать.

— Вот так так! Да никоим образом!

— Пожалуйста, Мэт! Со своим-то отцом я сама справлюсь, а с вами двумя... Если ты спустишься, наше сражение наверняка кончится бесславно, а у меня уже сегодня сил для этого нет.

Он вглядывался в ее покрасневшие глаза, сжатый рот и снова в глаза.

— Ты уверена, что так лучше?

Кейла устало кивнула.

— Мы поговорим, и я устрою его в комнате Рут и Филадельфии. Не возражаешь?

Мэт наконец сдался.

Она уже уходила, когда он вдруг схватил ее за запястье и потянул назад. Сейчас он ее поцелует, и тогда... Но Мэт лишь улыбнулся и прошептал:

— Ведь это было так чудесно, да?

Взволнованная и воодушевленная, Кейла спустилась в гостиную. Эта длинная ночь оказалась одной из самых удивительных, какие ей пришлось пережить. Кейла начала с того, что рассказала Ллойд о свадьбе Рут, и он сразу обрушился на нее: как это она не сумела помешать?! Но ее злость и решительность — вовсе для него непривычные — очень скоро помогли ей изменить весь характер нелегкого разговора.

Кейла высказала отцу все: насколько взбешена, что он обманывал ее относительно состояния здоровья Рут; как недоумевала, приехав сюда и не найдя в ней ни малейших изменений, обусловленных старостью. Она также не преминула доложить, что осведомлена о всех его попытках вмешаться в личную жизнь Рут: как она ведет свое домашнее хозяйство, а не ограничить ли ей свою деловую активность, ну и так далее. А это его дикое, жуткое предложение — провести остаток жизни в доме для престарелых?! В заключение Кейла смело высказала свою нелюбезную оценку позиции отца.

Конечно, Ллойд отбивался как мог: он же действовал только исходя из интересов матери, думал о ее здоровье. Но стоило ей сказать, что Рут намерена передать ему все полномочия по управлению компанией Брейтонов, как только вернется в Бостон, и это оказало волшебное действие. Ллойд моментально утих, успокоился и подобрел.

Теперь она попытается ему объяснить, что у Рут есть свой внутренний мир, свои планы, собственная самооценка. Рут всего-навсего хотела, чтобы ее считали полноценной личностью,

понимали, что она способна сама позаботиться о себе.

Кейле удалось даже заставить отца выслушать некоторые доводы в защиту Мэта и Филипа. Но здесь, поняла она, Ллойд упрется — он только понял, что компании Брейтонов ничто не фозит, она останется в семье, и это для него главное. Более того, она схитрила — использовала ущемляющий его достоинство аргумент: Рут, вероятно, придет в ярость, вернувшись из путешествия и обнаружив его здесь; вот тогда она, не исключено, изменит свое решение о передаче ему компании. Ллойд побледнел — и согласился вылететь в Бостон первым утренним рейсом, на который удастся заказать билет.

Затем разговор неизбежно перешел к его жене-ее матери. Ему было всего двадцать пять, когда она оставила этот мир. Такой молодой мужчина, почему он снова не женился? Ллойд бормотал что-то неопределенное — не встретила та, которая способна была заменить ее...

Тема щепетильная, что и говорить. Кейла осторожно предположила: а не подменял ли он все в своей жизни работой, чтобы заглушить боль?

Вот и устроил себе, пусть бессознательно, такое существование: меня не интересует ничего, кроме работы (мысленно она, конечно же, сравнивала отца с Мэтом).

— Тебе далеко еще до старости, пала. Что, если бы тебе, ну... расширить круг общения?

Играть, например, в гольф или в теннис? Или взять да и поехать вдруг в отпуск?

— Ох, нет, не смог бы я.

— Почему нет? Посмотри-ка на бабушку! У нее теперь началась совсем новая жизнь.

Ллойд наконец рассмеялся и согласился подумать; потом зевнул, извинился и поднялся.

— Поспать бы хоть часа два, а, Кейла? Сейчас уже половина пятого.

— Да уж, папа. — Кейла не удержалась и в порыве чувств обняла отца. Как я рада, что у нас наконец состоялся этот разговор!

Впервые за долгие годы он сердечно обнял ее в ответ, не стесняясь своей привязанности.

— И я, дочь. Я тоже рад.

Они пошли к лестнице.

— Только... у меня еще остался один вопрос. — Он умолк, улыбка исчезла с его лица. — Чем вы занимались с Мэтом, когда я появился?

С новой силой вспыхнули воспоминания, притупившиеся было от усталости: обед, ревю, прогулка по пляжу... поцелуи — при одной мысли о них жар разлился по всему телу.

— Да просто... ммм... дурачились. Как раз возвращались после обеда в большом ресторане, там было забавное ревю. Решили пойти поплавать, переодеться — и все.

— Ты уверена, — он нахмурил брови, — что больше ничего не было?

— Больше ничего! — заверила она, будучи не в силах встретиться с ним взглядом.

Почему, собственно, не выложить ему всю правду? Ну да ладно, со временем у него появится достаточно возможностей узнать ее, свою дочь.

— Ладно, надеюсь, что так, — заключил он. — У тебя есть замечательный парень — Фрэнк Шафер, — и вас ожидает прекрасное будущее. Для меня было бы невыносимо думать, что ты можешь погубить его, увлекшись тем, с кем у тебя нет никакого будущего.

— Почему ты думаешь — никакого будущего? — Кейла помрачнела.

Ответ Ллойда прозвучал для нее как гром среди ясного неба:

— Ну, ведь ни для кого не секрет — он находится в процессе примирения со своей бывшей женой.

— Что ты сказал? — У нее потемнело в глазах.

— Примирения с бывшей женой. Разве он не упоминал об этом?

У нее хватило сил лишь отрицательно помотать головой.

— Что очень типично для него, — нахмурился Ллойд. — К счастью, его бывшая жена не

столь скрытна, как Рид. Твой брат заглянул к ней, когда ездил в рекламное агентство.

— Она так и живет в городе? — Кейла почти не могла дышать.

— Да, конечно. В разговоре с Гордоном она обмолвилась: мол, с Мэтом недавно встречались — обсуждали возможность воссоединиться, восстановить семью.

Силы совсем оставили Кейлу. Дрожащим от слабости голосом она выговорила:

— Ты... папа, ты уверен?

— Вполне. Спустя несколько дней Гордон видел их — они обедали в прибрежном ресторане. Кейла, что такое, что с тобой?

Она ухитрилась раздвинуть губы в улыбке.

— Ничего, все в порядке. Только немного удивлена, что Мэт ни словом не обмолвился.

Дело в том, что за это время мы стали... хорошими друзьями.

— Ну, должно быть, на то у него есть свои причины. — Ллойд боролся с зевотой. — Пойду-ка я спать, Кейла.

— Да, конечно. Спокойной ночи, папа. Я тоже лягу через минуту.

Услышав, что дверь наверху закрылась, она вышла на улицу и, прислонившись к двери во внутренний дворик, полной грудью стала вдыхать ночной воздух — это помогало как-то справиться с отчаянием. Какая же она дура! В первый же раз, по дороге из аэропорта, когда они заговорили о его браке, она все видела: застывшее выражение лица, с трудом сдерживаемые эмоции...

Неожиданно Кейлу поразила мысль, от которой ее бросило и в жар и в холод. Как это ей раньше не пришло в голову? Мэт любит свою жену, любит до сих пор и любил всегда! Вот почему он так самозабвенно работает и никогда всерьез не увлекался ни одной женщиной.

Она опустила в шезлонг — здесь они сидели недавно вместе. Все теперь ясно: эта его печаль, смена настроений, тревога в глазах — особенно во время... когда Рут произносила брачные клятвы. Конечно, в это мгновение он думал о жене, о тех клятвах, что они давали когда-то друг другу. А она-то сама... она вела себя совсем по-глупому: улыбалась ему, навязывалась со своей любовью...

О, конечно, Мэт немного увлечен ею — женский инстинкт тут безошибочен. Сегодня вечером воображение завело ее слишком далеко — она почти поверила, что он испытывает к ней нечто большее. Но разве он что-нибудь сделал, сказал нечто определенное? Заговорил об их общем будущем, признался, что любит ее?

Ей еще повезло, что отец вовремя появился.

Если бы они с Мэтом стали близки, то, узнав правду, она никогда не избавилась бы от боли.

Ей сейчас очень больно — о, еще как! Но по крайней мере хоть гордость удалось сохранить...

Прерывисто вздохнув, она закрыла глаза.

Уже ведь близка была к тому, чтобы признаться ему, что собирается порвать с Фрэнком, бросить свои магазины и вернуться в Бостон... Она немедленно все это исправит — сразу, завтра!

Когда Мэт спустился во дворик, она все еще полулежала в шезлонге. Он подсел к ней. Глаза ее были открыты.

— Ты что, не ложишься всю ночь?

С наигранной безмятежностью она потянулась.

— Похоже, так.

— Как все прошло? — озабоченно поинтересовался Мэт.

Она ответила не сразу, не зная, с чего начать.

— Не удивляйся, если отец сегодня вдруг извинится перед тобой.

У Мэта изогнулась левая бровь.

— Он даже согласился, не дожидаясь возвращения Филипа с Рут, вернуться в Бостон.

— Как же тебе это удалось? Что ты ему сказала?

— Главное — как я это сказала. Зла была, Мэт. Не думаю, чтобы он прежде видел меня такой.

Халатик у нее на груди распахнулся, выглянула майка. Мэт потянулся и двумя пальцами еще немного приоткрыл халатик. Прочел: «Летайте как птицы в Фрипорте!», улыбнулся.

Она и забыла, что натянула вчера вечером после душа. Мэт убеждал ее впредь самой распорядиться своей жизнью, освободиться от диктата отца. А сам не в состоянии оказался следовать своему же собственному совету: все еще связан со своим прошлым, и, как выяснилось, навсегда.

— Итак, все удалось?

— Да, мы хорошо поговорили. Я ему все-все высказала.

Мэт улыбнулся своей чарующей, загадочной улыбкой.

— Кейла Брейтон, вы никогда не перестанете удивлять меня.

Кейла смотрела в сторону, хмурилась.

— Когда у него рейс? — осведомился Мэт.

— Собираемся заказать первый утренний.

— И не скажем Рут, что он был здесь?

— Ни слова. Единственное, что ты можешь ей сказать, — это что я ему звонила, долго с ним разговаривала и добилась, что он полностью изменил свое отношение ко всему.

Безоблачное выражение исчезло с лица Мэта.

— А почему не ты сама?

На сердце у нее стало еще тяжелее.

— Мэт, давай спустимся на пляж.

Настороженно вглядываясь в ее лицо, он встал и пошел за ней к воротам. Молча дошли до самого края воды, и к тому времени он тоже погрузился.

— Сегодня я возвращаюсь прямо отсюда в Чикаго, — наконец выговорила она, стоя неподвижно, изучая солнечные блики на поверхности воды.

Услышала, как он тяжело вздохнул, потом будто перестал дышать.

— В Бостоне я не нужна теперь. Отец пообещал мне, что ничем ее не расстроит.

— Итак, ты уезжаешь. Возвращаешься к Фрэнку, к своим магазинам, к своим планам на десятилетие вперед.

— Да. — Ощущение разлуки повисло в воздухе. — Каникулы кончились. Пора возвращаться к реальной жизни.

Ради него она старается сохранить безмятежный тон, но сердце ее безнадежно разбито.

Краем глаза она видела: Мэт скрестил руки, переступает с ноги на ногу.

— Кейла, ответь мне только на один вопрос: а как же быть с тем, что произошло между нами за эту неделю?

— Все было удивительно, Мэт, и... я хочу, чтобы ты знал об этом. Мы жили в романтическом тропическом раю. И позволили себе увлечься. — Она передернула плечами, будто придавала этому их увлечению значение... ну вроде приобретения загара. — Но твоя жизнь — возвращение в Бостон, а моя в Чикаго. Мы всегда знали, что этот день наступит. Разве нет?

Наконец он выдохнул:

— Да, знали.

Для нее этот ответ был равносильен смерти. А собственно, чего она ждала? Что он скажет

«нет»? Пусть его жены и не существует — где гарантия, что у них сохранятся те же отношения? Станет ли ее так же тянуть к нему там, дома, без этого фона из пальм и небес цвета лаванды?

Ее печальные размышления прервал голос отца. Она с радостью обернулась теперь на этот зов и помахала отцу рукой.

— Иду-иду, папа.

Мэт все смотрел на воду; глаза его сузились и лишились живости, челюсти сжались.

— Отвезти вас в аэропорт?

— А ты не возражаешь? — Раз он не возражает против ее отъезда, почему бы и нет?

— Нет, конечно. И не беспокойся о Рут — я обо всем позабочусь.

У Кейлы судорожно сжалось горло. Надо уходить немедленно, иначе положение ее станет глупее не придумаешь.

Как и обещал, Мэт отвез их в аэропорт. Перед тем она позвонила, заказала себе и отцу билеты на один самолет до форта Лодердейл. Там им предстояло расстаться и следовать каждому в своем направлении. Мэт дожидался самолета вместе с ними, хоть ей и не совсем понятно было зачем. Он почти не разговаривал, вел себя, как и утром, отстранение.

Объявили их рейс; Мэт пошел с ними по полю к маленькому самолету. Кейла себя чувствовала совершенно растерянной: что делать, как с ним прощаться? Попросила отца пройти вперед; они остались с Мэтом одни на раскаленной взлетной полосе. Кейла просто сделала то, что казалось ей естественным, порывисто обняла его.

Он отшатнулся.

— Не надо. — Выражение его лица было таким же каменным, как в тот день, когда она впервые пришла к нему в офис. Неужели прошло всего восемь дней? — Садись уже, наконец, в этот чертов самолет, Кейла! — пробурчал он.

В Чикаго Кейла попыталась жить по-прежнему. Вытащила бусинки из косичек, вернулась на работу в магазин, обедала с Франком и на следующей неделе улетела в Сан-Франциско.

Оттуда позвонила отцу: Рут уже приезжала, решила все свои рабочие дела и вернулась в Фрипорт. По рекомендации Рут Гордон и Кейла должны стать вице-президентами компании с общей суммой голосов (в соответствии с принадлежащим им пакетом акций), равной сумме голосов отца. Продвижение по службе сопровождалось значительной прибавкой в зарплате.

В конце беседы отец, колеблясь, смущенно добавил:

— Хочу попросить моего кассира, Маргарет, иногда обедать со мной. Как ты на это смотришь? Не старый ли я дурак?

— Смотрю так: делай то, что тебя делает счастливым, папа.

Прошла неделя, за ней другая. Кейла убеждала себя: она следует собственному совету — делает то, что ее делает счастливой. Но на исходе третьей недели с прискорбием обнаружила, что не только не счастлива, а попросту несчастна. О Господи, как она тоскует по Мэту! Проведя с ним всего неделю, она не сознавала, видимо, насколько глубоко к нему привязана. Да, правда, что истинная любовь сильнее разлуки.

Тоска по Мэту не единственное, что делало ее несчастной в эти тоскливые, зимние дни. Со всей отчетливостью Кейла поняла: отношения ее с Фрэнком не что иное, как удобный для обоих самообман. Они стали встречаться только потому, что вместе переезжали из города в город. Живи она постоянно на одном месте — с кем угодно познакомилась бы, как с ним.

К тому же их объединяет работа, оба испытывают к ней неподдельный интерес. Вот и внушили они себе: здесь нечто большее — чувство друг к другу. Но, полюбив впервые в жизни, полюбив по-настоящему, она знает теперь: никогда не пойдет на компромисс, не вступит в брак без подлинной, страстной любви.

С глубокой досадой осознавала она и еще одну причину, почему встречалась с Фрэнком: на

нем печать одобрения отца. Потребность ее угодить отцу коварно подтолкнула ее к этим встречам.

В ту последнюю ночь на Багамах о многом они поговорили с отцом — кроме своих взаимоотношений. И жаль, потому что совершенно иначе, чем он, представляет себе Кейла свою жизнь. Кто она сейчас? Странствующая по свету деловая преуспевающая женщина. Останься она такой — прощай счастье. А Кейла жаждет вернуться к своим истокам, к Бостону, скучает в отрыве от своей семьи, в этой своей скитальческой жизни.

В середине марта, как-то вечером в пятницу, ее вдруг осенило — она как раз заводила «Шейкер», одни из настенных часов, висящих в выставочном зале. Вокруг все часы тикают, стрелки вращаются с неумолимой безостановочностью, и по какой-то необъяснимой причине это ранит ее... Жизнь-то уносится безвозвратно, проходит мимо. Кейла прикрыла стеклянную крышку часов, рухнула в первое попавшееся кресло и разрыдалась...

В тот же вечер она сказала Фрэнку: больше они не встречаются помимо работы. Он тяжело воспринял эту новость, но она уже не в состоянии была поддерживать в себе иллюзию, что любит его. Какой уж там у них счастливый брак — и думать нечего!

Через два дня она прилетела в Бостон. Две недели назад Рут и Филип вернулись с Багам, и, когда Кейла возникла на пороге с просьбой остановиться у них на несколько дней, они донельзя обрадовались, заверили ее: она может жить у них сколько захочет.

На следующий вечер Кейла встретила с отцом; дрожала как осиновый лист, но сразу бросилась на него в атаку.

— И чего же ты хочешь? — хмурился он, наливая коньяк.

— Хочу вернуться в Бостон, работать на заводе.

— А что же будет с твоими магазинами?

— Пусть Фрэнк ими управляет. Он больше, чем я, подходит для этого.

— Но они твои, твоё создание.

— Папа, послушай. — Колеблясь, она сильно сцепила руки, опасаясь его реакции. — Я понимаю: я здесь лишний багаж и ты предпочел бы, чтобы он остался на дороге. У тебя есть Гордон, оба вы прекрасно справляетесь, он исключительно способный...

Хмурясь все сильнее, Ллойд медленно, осторожно поставил на место хрустальный графин.

— Но я устала, папа, переезжать с места на место, никогда не успеваю нигде завести друзей, даже знакомых. Утомилась от этого своего положения. — Она опустила глаза. — Главное, что я пытаюсь тебе сейчас объяснить: я так сожалею, что мама моя, дав мне жизнь, умерла.

И... мне тяжело оттого, что ты обходишься со мной так, будто это моя вина.

Краски сошли с лица Ллойда Брейтона, оно стало пепельного цвета.

— Ты думаешь, что я... Ох, Кейла! — Онемев, он рухнул на стул, коньяк стекал по его руке.

Растворясь каждый в своей сердечной боли, они замолчали на несколько долгих минут.

— Я так сожалею, Кейла, что... быть может, и правда своим поведением заставил тебя так думать, — произнес наконец Ллойд; слезы блестели на его глазах. — Наверное, я слишком редко говорил тебе, как горжусь тобой. Ты проявила настоящую смелость — избрала собственный путь, у тебя неиссякаемые творческие способности в деле. Ты всегда поражает меня, Кейла. Как бы я ни старался — не мог бы гордиться тобой больше!

— Спасибо, папа. Я ценю твоё одобрение.

Но я в нем больше не нуждаюсь... то есть так, как раньше. Как сказала, я решила расстаться с этой стороной своей жизни и вернуться домой.

Предпочла бы работать на заводе. Ну а раз нет там для меня места подыщу себе что-нибудь

в Бостоне.

— Нет места для тебя! — Ллойд улыбнулся, и улыбка росла, пока он не рассмеялся. — Дорогая, да с тех пор, как твоя бабушка перестала здесь работать, у нас места больше, чем в Гранд-Каньоне. Когда ты можешь приступить?

На следующее утро Кейла пересказывала всю беседу бабушке за булочками и чаем в «РитцКарлтоне» — это была новая слабость Рут со времени ее выхода на пенсию. Рут взволновалась, но после признания Кейлы, что она планирует сразу лететь в Чикаго, чтобы покончить там со всеми своими делами, решительно запротестовала:

— Кейла, извини, но ты ужасно выглядишь: бледная, измученная, подавленная. Последуй моему совету, девочка: возьми-ка ты небольшой отпуск, доставь себе такое удовольствие. — И она обняла внучку. — Мы еще с Филипом не говорили твоему отцу — боимся, он подумает, что мы и впрямь с ума сошли. Дело в том, что мы купили тот дом на Багамах. Воспользуйся им, Кейла. В эти две недели там никого не будет. Слетай туда, расслабься, развлеки себя, отдохни!

Кейла принялась возражать — Рут настаивала.

— Пожалуйста, девочка, сделай это... ну хоть для меня. Я была бы так счастлива, если б ты меня послушалась!

Кейла и сама чувствовала — отдохнуть ей нужно: спит скверно, совсем пропал аппетит.

— Ладно, бабушка. Спасибо тебе.

Вечером во вторник она уже входила в знакомое розовое здание аэропорта. Стоило ей услышать эту певучую фразу: «Нет проблем, мадам!», произнесенную молодым носильщиком, глаза ее увлажнились.

Такси привезло ее в дом со светлыми прохладными комнатами, с запахами сада и шумом океана внизу. И снова слезы на глазах — ну, это пройдет, это от усталости.

Распаковав вещи и переодевшись в легкое платье, в котором была здесь в последний свой вечер, она спустилась в знакомую, такую удобную кухню, приготовила себе ужин. Вот и солнце село в ярком пламени оранжево-розового заката. Почему бы не прогуляться по пляжу?..

Когда она возвращалась, уже стемнело. Тихие удары теплого прибоя опять напомнили о вечерах, проведенных здесь с Мэтом. Что-то делает он сейчас, вот в этот момент? Встретился ли за обедом со своей бывшей женой, продвинулись ли они в своем решении соединиться вновь?

Поднимаясь к воротам владения, Кейла остановилась еще немного полюбоваться видом океана. Снизу, с пляжа, от одного из огромных отелей, доносились отдаленные звуки барабана.

Она тяжело вздохнула, вбирая в себя, в глубину души, воспоминания, звуки, запахи — отголоски несостоявшегося счастья.

Фонари вдоль забора освещали пляж в том месте, где она стояла. Затаив дыхание, Кейла отметила, что они отбрасывают тень на песок и на гребешки вздымающихся волн. Надо бороться с этим воспоминанием, гнать его! Но все усилия тщетны: образ Мэта не просто четко стоит перед глазами — он отбрасывает тень рядом с ее тенью... Она крепко зажмурила глаза, преодолевая приступ неподдельного горя. Не стоило возвращаться сюда: на что бы она ни смотрела, что бы ни слышала, ни ощущала, ни чувствовала все наполнено воспоминаниями о нем. И покуда она здесь, никогда не перестанет о нем думать.

Она медленно открыла глаза, потом закрыла, снова распахнула... Тень простирается там — вторая тень, рядом с ее тенью... Не дыша, она повернулась в безумной надежде — и там был он, Мэт.

— Здравствуй, Кейла.

— Мэт, ты... что ты здесь делаешь?

Он подошел ближе, так что она уловила его дурманящий запах.

— Мне позвонила Рут — уже после того, как ты решила ехать сюда. И предложила и мне

присоединиться.

— Ты... тоже здесь остановился? — Сердце ее так и и колотилось.

— Да, я вчера приехал, но решил: мне лучше уйти на сегодня, чтобы ты устроилась, побыла какое-то время одна.

— Это... лишено всякого смысла. — Дрожащей рукой Кейла провела по лбу. — Зачем бабушке понадобилось... устраивать, чтобы мы оказались здесь вместе одновременно — и порознь друг от друга?

При лунном свете она увидела слабую улыбку, тронувшую его губы, когда он придвинулся к ней ближе. В следующее мгновение он уже целовал ее.

Она лепетала что-то протестующее, делая слабую попытку высвободиться, он обнимал ее все крепче — и убежденность ее поколебалась.

Так сладостно снова оказаться в его объятиях!

Он не отрывал губ, и она отвечала ему, растворяясь в этом омуте... Когда он наконец поднял голову, она едва дышала.

— Мэт, этого не должно быть! — удалось выговорить ее слабым губам.

— Почему не должно? — Его левая бровь изогнулась.

Никогда ей не надоеет вот эта его милая привычка.

— Потому. — Она вырвалась из его объятий и стала заправлять за уши ниспадающие до плеч светлые волосы.

— Потому — что, Кейла?

— Не валяй дурака, Мэтью. Разве ты не решил помириться со своей бывшей женой?

Он стоял как громом пораженный.

— Так это все... вот из-за чего!

— Ответь мне, Мэт, пожалуйста. Когда мы прилетели сюда в прошлом месяце, вы с Кэндейс ведь искали способы примирения?

— Да, искали.

— Ну хорошо, тогда... — Ответ сразил ее.

— Выслушай меня, Ксйла. Это она пришла ко мне с этой идеей, а не я — к ней. Единственная причина, почему она это сделала, — финансовая. Дела у нее складывались, когда мы расстались, не так, как она ожидала. Все, в чем она заинтересована, так это в собственном благополучии и комфорте. Я не сразу это понял, конечно. Поверил ей, почувствовал себя обязанным по крайней мере поговорить с ней, рассмотреть некоторые возможности.

«Почувствовал себя обязанным...» Мэт — человек чести: некогда данная им клятва удерживает его...

— Но все это оказалось нелепой затеей, — продолжал он. — Наш брак был ошибкой с самого начала. Единственное, что мы сделали правильно, расстались. Ничего не изменилось за то время, что мы жили отдельно. Мы по-прежнему хотим разного от жизни и так же сильно действуем друг другу на нервы. Нет, Кейла, здесь не утраченная любовь. Ее просто никогда не было.

Ксйла, почти лишившись дара речи, еле прошептала:

— Но, Мэт... я так часто заставляла тебя в глубоком раздумье. Всю неделю, что мы провели здесь, ты был не на шутку озабочен — будто непрерывно обдумывал, решал что-то серьезное.

— Да, обдумывал. И решал. — Он гладил ее по волосам, улыбался нежно. И был озабочен: тем, что влюбился в тебя без памяти и не знал, как с этим справиться.

— Ты... влюбился... в меня?..

— Бесповоротно. — Он наклонился к ней и легонько провел губами по ее губам. — Но я не хотел влюбляться. Ты была права: я боялся серьезно увлечься, был травмирован неудачным

браком, разводом. И ты опять была права: изза этого работа стала для меня высшей ценностью.

— Почему же ты... Мэт, почему ты не сказал мне? Позволил уехать, не поговорив со мной?

— Я решил, что ты заслуживаешь лучшей доли — мужчины, который примирился бы с твоим желанием делать карьеру, позволил бы тебе жить той жизнью, что ты сама для себя выбрала, не создавать тебе дополнительных сложностей. И узрел катастрофу на нашем горизонте — разные устремления, ссоры и в конце концов, конечно, несчастье. Все это стало бы моей очередной глупостью — точной копией того, через что я уже прошел с Кэндейс.

— Так вот почему ты не удерживал меня от возвращения в Чикаго!

— И почему ты теперь здесь, Мэт?

— Рут позвонила мне, рассказала о твоём решении переехать в Бостон. Дала мне надежду, что я, возможно, ошибаюсь. — Он притянул ее к себе ближе, прижался к ней.

От такого божественного прикосновения у Кейлы захватило дух.

— Я не мог перестать думать о тебе, Кейла.

Меня сводила с ума мысль, что ты где-то там, далеко, и с другим мужчиной. Прошедший месяц был самым ужасным в моей жизни. — Он гладил ее по спине, и она дрожала от наслаждения, хотя слезы наворачивались ей на глаза...

— О, Мэт, он был таким ужасным и для меня!

Надежда промелькнула на лице Мэта.

— И теперь, Кейла...

— Теперь я знаю: когда встретишь того, кто нужен, без кого невозможно дышать, только тогда познаешь настоящее счастье. Я встретила того, кто мне нужен.

Мэт снова обнял ее.

— А я думал, ты этого никогда не заметишь, — прошептал он в ее волосы.

— «Никогда не заметишь»! О, Мэт, я до боли люблю тебя!

Он поднял голову, чтобы взглянуть на нее.

— И я люблю тебя, Кейла, — всем сердцем, всей душой. Я люблю тебя. — Он поцеловал ее нежным поцелуем — так обещают долгое счастье и долгое общее будущее.

Не переставая целовать ее, Мэт шептал:

— Остается единственный вопрос: когда ты выйдешь за меня замуж?

Кейла тихонько, счастливо смеялась, прижимаясь к нему все крепче.

— А ты правда делаешь мне предложение?

— Кейла, Кейла! Со времени этого кошмара, случившегося месяц назад, я поклялся себе никогда не говорить снова того, чего не думаю.

— Где мы поженимся?

— Здесь, в этом саду, где бабушка и твой отец...

Мэт подхватил ее на руки.

— Все, мисс Брейтон, теперь я вас не отпущу! — Он неистово закружил ее. Потом опустил на землю и улыбнулся как-то по-новому. — У меня все же есть один к тебе вопрос, Кейла. Чисто гипотетический, конечно, — добавил он с нарочитой серьезностью. — Как ты отнесешься к тому... — он остановился, но закончил решительно: — ...чтобы начать медовый месяц до свадьбы?

— Ммм... — Будто в раздумье, она терла подбородок. — Не зна-аю, не могу сейчас думать гипотетически. Боюсь, что нуждаюсь в опытном руководстве. Знаешь, принять такое решение...

Смеясь, Мэт запечатлел поцелуй на ее макушке.

— Кейла Брейтон, все это — начало новой, прекрасной жизни!

— Считаю, что так, Мэтью Рид! Рассчитывай на это.

И, взявшись за руки, замирая от счастливого ожидания, они медленно направились к дому.

notes

Американский фильм 1943 г., получивший премию «Оскар». Режиссер — М. Кёрптиц. В главных ролях — И. Бергман и Х. Богарт. — Здесь и далее прим. ред.

Популярный американский киноактер (1904–1986); лауреат премии «Оскар» (1969)